

ТИМ КАРРЭН

КУКОЛКА

Шестеро друзей возвращаются домой с рок-фестиваля. Проезжая через городок под названием Стокс, они обнаруживают, что попали в ловушку, ведь настоящий город сгорел дотла более пятидесяти лет назад. Стокс, в котором они находятся, — кошмарный образ города, созданный безумным и неживым разумом, который уничтожит их одного за другим... если они не подчинятся и не станут живыми куклами.

1

Только позже Рамона поняла, насколько всё было тщательно спланировано. Подобно кусочкам мозаики, всё просто сложилось в единый пазл, так гладко, как будто сама судьба хотела этого. Или она просто хотела их помучить.

Чазз был слишком пьян, когда они выехали на шоссе № 8, только никто не говорил ему об этом. Хотя будучи трезвым он был мягок и робок, когда пьянел, становился нестерпимым как моча скунса, и если вы не хотели, чтобы она брызгала вам в глаза, вы учились держать рот на замке и плыть по течению, как дерьмо, которое засасывает в унитаза.

Рамона прекрасно это понимала.

— Ты пропустил поворот, — заметил Крип, занервничав, потому что ему нужно было идти на утреннюю смену в "Логово пончиков", а пять утра наступают очень рано, как только минует полночь.

— Я знаю короткий путь, — ответил ему Чазз, и резкость в его голосе кромсала слова, как бритва. — Так что отвали.

С заднего сиденья хихикнул Лекс, и Су-Ли составила ему компанию, потому что если Лекс думал, что это смешно, то так оно и было.

Рамона так не считала. Ей было трудно найти что-то смешное в ситуации, когда у пьяного идиота за рулем не хватало мозгов отдать ключи или признать, что он заблудился.

— Это сократит путь на двадцать минут, — объяснил Чазз, сворачивая направо и чуть не сбросив микроавтобус в кювет, когда дорога резко свернула вниз с невысокого холма. Дождь лил как из ведра, и дорога была скользкой, как будто смазана маслом.

— Ты никогда не упоминал короткий путь, — сказала Рамона.

— Я только что о нём вспомнил.

— Но ты уже ездил по нему?

— Конечно.

Конечно, Рамона знала, что это чушь собачья. Чувство направления Чазза было под большим вопросом, когда он был трезв, не говоря уже о десяти бутылках пива. Он понятия не имел, куда едет, и со всем этим алкоголем в крови, он не мог ехать прямо по дороге, не говоря уже о том, чтобы идти пешком. В любой момент из засады выскочит какой-нибудь шустрый помощник шерифа с включенными мигалками и сиреной.

"И я надеюсь, что это скоро случится, — подумала она, — прежде чем он убьёт нас. Тюремный срок и лишение прав — это именно то, что он заслуживает. Какое-то время в клетке сотворит с ним чудо."

Она закурила, главным образом потому, что знала, как это злит Чазза, который был яростным противником курения в своём микроавтобусе. Она чувствовала, как он напрягся за рулём, но ничего не сказал. Он не осмеливался, потому что, как только он это сделает, она начнёт обсуждать его короткий путь и прочие недостатки его вождения.

— Мой старик убьёт меня, если я потеряю ещё одну работу, — сказал Крип.

— Ты не потеряешь работу, — заверил его Лекс. — Корпоративные боги “Логова пончиков” пощадят тебя из-за твоего волшебства с заварным кремом и сахарной пудрой.

— Отвали, — сказал Крип.

Рамона вздохнула. Почему Крипу вообще понадобилось открывать рот, оставалось загадкой. Каждый раз, когда он это делал, Чазз становился раздражительным, а Лекс умничал. Абсолютно бессмысленно.

Чазз наклонился вперёд, пытаясь разглядеть дорогу сквозь ветровое стекло. Дождь усиливался, и дворники вращались с безумной скоростью.

— Ни хрена не вижу, — сказал он.

— Однажды мы попали в такую же бурю. Было очень страшно, а на следующий день мы с сестрой пошли осматриваться. Было много воды, и мы увидели, как мимо нас проплыла крыса. И тут мы обе подумали: ОМГ, крыса, грёбаная крыса. Кто же знал, что у нас есть крысы?

Рамоне пришлось прикусить губу, потому что Даниэль была такой неизлечимой, пустоголовой дурочкой. Она почти слышала, как все закатывают глаза.

— Ну, если мы их увидим, то дадим тебе знать, — сказал Лекс.

Су-Ли хихикнула.

Рамона тоже наклонилась вперёд. Она прищурилась, когда микроавтобус спустился с холма и въехал в лесистую долину. В темноте мелькнул зелёный дорожный знак.

— Стокс, — сказала она. “Мы едем в какое-то место под названием Стокс.”

Она повернулась к Чаззу: “Что это за место? Ты, должно быть, проезжал его, когда выбирал короткий путь.”

Чазз стиснул зубы: “Даже не помню. Здесь полно маленьких грёбанных городков.”

Он перевёз их через мост, перекинутый через разлившуюся реку, спустился с другого холма, и перед ними открылся город.

Всё произошло очень быстро.

Они едут по дороге. Казалось, что в одно мгновение город даже не существовал, а в следующее он раскрылся, как цветок, распустив лепестки и поглотив их. Чазз ударил по тормозам, и микроавтобус заскользил по асфальту. Его заносило то влево, то вправо, пока Чазз боролся с рулем и нажимал на педаль тормоза.

Примерно в тот момент, когда казалось, что он взял ситуацию под контроль, впереди появилась фигура.

Рамона видела её лишь долю секунды: неясная, похожая на человека фигура с поднятыми руками.

И тут микроавтобус сбил её.

Скорость была около тридцати миль в час. Недостаточно, чтобы сбить кого-то насмерть, но, безусловно, достаточно, чтобы сломать кости, вызвать сотрясение мозга и всевозможные неприятные травмы. Только по звуку удара — тому, что заставило Даниэль закричать, как маленькую девочку, — Рамона была уверена, что это будет ужасно.

Особенно когда они переехали сбитое существо.

2

— Чёрт, чёрт, чёрт, чёрт, — повторял Чазз, то и дело ударяясь головой о руль. “Я только

что убил парня... я только что, блядь, убил парня.”

В глубине души он ожидал, что кто-то из них не согласится с ним, но никто ничего не говорил. От этого стало ещё хуже. От этого ему почти захотелось закричать.

Ты мог бы послушать Рамону. Хотя бы раз в жизни ты мог бы послушать её и позволить ей вести машину.

Но он этого не сделал.

Признаться, что он заблудился, было все равно что признать, что он не мужчина. Это было бы всё равно что вручить ей свои яйца. *Вот, возьми это. Я не умею с ними обращаться.* И он знал, что в этом была какая-то тёмная правда, которая теперь звучала невероятно по-детски и невероятно глупо. В суде его это не оправдает.

Вождение в нетрезвом виде. Непредумышленное убийство. Ему грозил немалый срок. Если бы ему дали только пять лет, он был бы счастлив. Пять лет в чёртовой дыре, заполненной животными, которые все чего-то от него хотят: если не задницу, то деньги.

— Может быть, нам лучше смыться, пока кто-нибудь не заметил, — сказал Крип.

Это была именно та глупость, которую можно услышать от Крипа... но это было именно то, о чём думал Чазз. Уезжай, притворись, что ничего не случилось. Он действительно обдумывал это. Как бы опасно и безрассудно это ни было, в этом был смысл.

Он выглянул через лобовое стекло.

Стокс был мёртв. Он не увидел ни единого огонька. Очевидно, все жители спали. Никого не разбудили, и это было хорошо. Если он просто уедет сейчас, кто заметит?

— Другого выхода нет, — сказал он.

Двигатель микроавтобуса замер. Чазз попытался завести его, но ничего не произошло. Он попробовал ещё раз, и тут Рамона схватила его за руку.

— Какого чёрта ты делаешь? — спросила она его.

Боже, он чувствовал, как её тёмные глаза сверлят его.

— Я спасаю свою задницу, — сказал он ей, пытаясь снова завести микроавтобус. “Я пытаюсь спасти все наши задницы.”

— Мы никуда не поедem, — сказала она.

Он отбросил её руку в сторону: “Нет, поедem.”

Она молча смотрела на него: “Ты собираешься покинуть место аварии? Разве у тебя и так мало неприятностей?”

— Заткнись, — сказал он.

— Возможно, тебе стоит послушать её, — сказала Су-Ли. — Если покинешь место происшествия...

— Заткнись, — сказал ей Чазз.

Лекс вздохнул: “Он не станет прислушиваться к голосу разума. Это всё равно что пытаться заставить обезьяну перестать есть собственное дерьмо.”

— О Боже — прости Даниэль.

— Заткнитесь вы все на хрен! — сказал им Чазз.

— Пожалуйста, Чазз, — сказала Рамона. — Пожалуйста, просто послушай хоть раз, ладно? Не усугубляй ситуацию.

— Заткнись, Рамона. Больше я тебе ничего не скажу.

— Тебе и не придётся, — сказала она, открывая дверь и выходя из машины.

— КАКОГО ХРЕНА ТЫ ДЕЛАЕШЬ, ТУПАЯ СУКА?

— Поехали, — сказал Крип.

Чазз стукнул кулаками по приборной доске.

— ЗАЛАЗЬ НАХУЙ ОБРАТНО ИЛИ ОСТАНЕШЬСЯ ЗДЕСЬ!

Рамона не стала утруждать себя ответом, а просто захлопнула дверь.

Чазз опустил окно.

— Рамона! Вернись! Мы должны ехать.

— Я никуда не поеду.

— Залазь, или я оставлю тебя здесь! Клянусь Богом, я так и сделаю!

— Можешь ехать, — сказала она. “А когда приедут копы, я сообщу им твоё имя, адрес и номер микроавтобуса. Давай, Чазз, беги от своих грёбанных ошибок, как ты всегда делаешь. Посмотрим, как далеко ты зайдёшь.”

У него отвисла челюсть.

— Не могу поверить. После всего, через что мы прошли.

По правде говоря, он действительно верил ей. Именно этого он ожидал от неё. Не то чтобы она была высокоморальна. Нет, дело было совсем не в этом. Она ожидала чего-то подобного. Ожидала момента, когда он будет нуждаться в ней, как никогда раньше, чтобы она могла предать его.

Я сказал, что люблю её. Я действительно сказал об этом этой сучке.

— Тогда пошла ты, — сказал он.

Несмотря на то, что он знал, что она поимела его, он продолжал попытки завести микроавтобус, но ничего не получалось. Распределитель, должно быть, промок, и всё, что он делал сейчас, это разряжал аккумулятор. Оставалось только ждать, но он не мог этого делать. У него не было времени ждать.

Он услышал, как открылась боковая дверь микроавтобуса.

Он резко повернул голову: “Какого хрена вы делаете?”

То, что они делали, было очевидно: они выбирались наружу. Лекс вышел следом за Су-Ли, Крипом и Даниэль. Гребаный стадный инстинкт. Они все были такими же, как Рамона: им не терпелось повесить всё на него. Что ж, прекрасно. Когда-нибудь он им тоже понадобится. Тогда он всем покажет.

Когда Крип подошёл к открытому окну, Чазз схватил его за руку: “Я спросил, *какого хрена ты делаешь?*”

Крип, с несвойственным ему неповиновением, выдернул руку: “Ты переехал кого-то. Тебе не кажется, что мы должны проверить, всё ли в порядке с этим человеком?”

Но сама мысль об этом заставила Чазза практически сдуться.

3

Следуя за Рамоной туда, где лежало изувеченное тело, Лекс знал, что именно ему не нравилось в парнях вроде Чазза: чем больше мускулы, тем меньше яйца. Природа наделила его немалой силой, но когда дело доходило до подобных ситуаций, он казался бесхребетным трусом. Ему всё давалось слишком легко. Он добивался всего своим атлетизмом и смуглой внешностью. Но на этот раз ему это не поможет.

Не то чтобы Лекс собирался высказать ему это.

Чазз был большим. Чазз был очень силен. Может быть, у него и были мозги с арахис, он запросто мог бы надрать задницу Лексу. Между ними не могло быть никакого физического соперничества, потому что Чазз просто раздавил бы его. Мысленно Лекс понимал, что мог

бы в считанные мгновения морально опустить его, но физически, ха, забудьте об этом.

Чазз, ворча, вернулся к микроавтобусу.

Су-Ли шла прямо за Лексом. Крип и Даниэль следовали за ней, но неуверенно, как будто они двигались не по своей воле.

Когда они добрались до тела, Лекс спросил: “Он... он жив?”

Рамона пожалала плечами. “Я не уверена.”

— Он дышит? — спросил Крип.

Но никто не мог сказать наверняка.

Это был человек, и он лежал лицом вниз на мокрой улице. Одна рука была вытянута, другая подвёрнута под него. Одна из его ног выглядела так, будто была сломана в колене, ступня почти повёрнута вокруг лодыжки. Если он и был жив, то серьёзно ранен.

Рамона вернулась к микроавтобусу и, поругавшись с Чаззом несколько секунд, вернулась с фонариком.

Она посветила на тело.

И тут же ахнула.

Парень был одет в тёмное пальто, серые шерстяные брюки и грязные коричневые ботинки. Его едва ли можно было назвать образцом для подражания. Судя по тому, как он был одет, Лекс решил, что он бродяга, бездомный или что-то в этом роде. Его одежда превратилась в лохмотья, ботинки были сильно потёрты. Похоже, он надел всё, что смог найти, из мусорного контейнера на задворках церкви Святого Винни.

Кроме того, сам он выглядел не лучше.

Его тело было ужасно искажено — бедра вывернуты, спина сгорблена, голова наклонена в сторону под неестественным углом. В нижней части спины, там, где по нему проехали, виднелась колея. Одна из его рук была расплющена, и на ней виднелся четкий след протектора.

Лекс не слишком разбирался в медицине, но даже он понимал, что если этот парень выживет, то никогда не сможет нормально ходить и даже встать на ноги.

— Ну и что? — сказал Крип. “Ты не собираешься его проверить?”

Судя по тону его голоса, Лексу придётся это сделать, потому что он ни за что на свете не сделает этого. В его словах сквозило отвращение. Даниэль была не намного лучше. Она бормотала какие-то бессмысленные вещи, и Лекс был почти уверен, что это была молитва.

— Он что, совсем сдох, что ли? — сказал Чазз, подходя к ним сзади.

Он нервно оглядывался по сторонам, чтобы посмотреть, не вышел ли кто-нибудь из добрых людей Стокса, чтобы выяснить, что происходит. Лекс решил, что он всё ещё собирается бежать.

— Давайте просто уедем отсюда. Я не собираюсь сидеть в тюрьме из-за этого парня.

— Успокойся, идиот, — сказала ему Рамона. “Я скажу им, что была за рулём.”

— Ты... эй, это может сработать” — сказал Чазз, заметно оживляясь. “Вполне может.”

— Хорошая мысль, — сказал Лекс. — Пусть твоя подружка отсидит за тебя.

— Тебе лучше заткнуться, — сказал ему Чазз.

Лекс пожал плечами.

— Интересно, правда ли то, что они говорят?

Чазз прищурился.

— О чём говорят?

— Все эти разговоры об изнасиловании в тюрьме.

— Ты ублюдок...

Лекс знал, что он зашёл слишком далеко. Чазз двинулся прямо на него, и он прикончил бы Лекса, если бы Рамона не встала между ними и не сказала им обоим, чтобы они убирались к чёртовой матери. Она была миниатюрной, но когда злилась, то наполнялась чёрным, сочащимся ядом.

— Лекс? — сказала она. — Проверь его пульс.

Он опустился на колени рядом с телом. В свете фонарика он не увидел ни крови, ни других жидкостей, вытекающих из тела. Тротуар был мокрым, но только от дождя. Все остальные смотрели на него, широко раскрыв глаза и разинув рты. Господи, он чувствовал себя так, словно его вот-вот линчуют.

Они доверяют мне это сделать. Ради бога, инженерная специальность. Почему не Даниэль? Она учится на медсестру.

Но он знал ответ на этот вопрос.

Даниэль была не в лучшей форме сейчас. Вздохнув, он потянулся к расплющенной руке парня. Она была похожа на увядшую похоронную лилию. Очень бледная, почти белая, как будто ненастоящая. Вспомнив, как они делали такие вещи по телевизору, Лекс сложил пальцы вместе и просунул их под запястье парня.

И сразу же отдёргнул их.

— Что-то не так? — спросил Чазз.

Но он и сам не был в этом уверен. Запястье парня было совсем не похоже на кожу, скорее на резину. Холодную резину. Лекс никогда раньше не прикасался к трупам, но у него было ощущение что это неправильно.

Сглотнув, он коснулся запястья пальцем.

Определённо, это было неправильно. Это было похоже на резину, но всё же не резина. На ощупь как пластик... мягкий, податливый, почти рыхлый. У него было такое чувство, что если он ткнёт пальцем в этого парня, то останется вмятина.

— Я не знаю, что здесь происходит, — сказал он. “Но это не кожа.”

4

Су-Ли наклонилась и взяла Лекса за руку, оттаскивая его от тела и поднимая на ноги. Это было импульсивное действие, и она даже не осознавала этого. Единственное, что она осознавала, было то, что здесь что-то очень не так.

— Ну, кто-то же должен его проверить, — сказал Крип.

— А как насчёт тебя? — предложил Лекс.

— К чёрту это.

Су-Ли перевела взгляд с тела на дома и строения, все они были чёрными и безмолвными. Нет, всё это было неправильно. Весь этот чёртов город выглядел почти как декорации из фильма. Это было безумием и не имело никакого смысла, но именно об этом она и думала.

Здесь всё искусственно. Ничего реального.

Су-Ли пробрала дрожь. Ей ужасно хотелось схватить Лекса за руку и бежать, бежать как можно быстрее и как можно дальше от этого места. Она попыталась заговорить, но во рту у неё пересохло, как в пустыне.

— Послушайте, — сказала она, когда наконец обрела дар речи. “Думаю, Чазз прав. Я

думаю, нам нужно уехать отсюда прямо сейчас.”

— Наконец-то хоть немного здравого смысла, — сказал Чазз.

— Мы не можем покинуть место аварии, — напомнила им Рамона. “А теперь давайте выясним, в порядке этот парень или нет. Согласны?”

Лекс кивнул: “Конечно, но с этим телом что-то не так. Я к нему больше не притронусь.”

Су-Ли крепко держалась за него, словно подтверждая его слова.

Все замерли на мгновение. Никто ничего не сказал. Они все просто ждали, как скорбящие, глядя на то, что лежало у их ног, как будто то, что сказал Лекс, было не совсем нелепо. На самом деле, они все немного отступили назад на случай, если тело пошевелится.

— Ну, кто-то же должен что-то делать, — сказал Крип.

— Давайте просто уйдём, — предложила Даниэль.

— Ох, ребята, — вздохнула Рамона.

Она отошла от них, вытащила свой айфон и набрала 911. Су-Ли затаила дыхание. Она была уверена, что это не сработает, что они не уловят сигнал отсюда. Именно так обстоят дела в фильмах ужасов, и она была почти уверена, что они каким-то образом попали в один из них.

Но это сработало.

Рамона сказала диспетчеру, что мужчину сбила машина, и они не были уверены, жив он или нет, просто без сознания. Она ответила на несколько вопросов, а затем сказала им, где они находятся.

— Стокс, — сказала она. — Недалеко от восьмого шоссе. С-Т-О-К-С. Да, Стокс.

Начинается, — подумала Су-Ли. *А вот тут начинается самое плохое.*

Рамона явно начала волноваться.

— Послушайте, я не идиотка. Знак Стокс. — она отняла айфон от уха и посмотрела на остальных. “Правильно, Стокс?”

Но никто не был уверен. Она была единственной, кто видел знак.

— Именно это ты и сказала. Стокс, — сказал ей Лекс.

Все стояли маленькой кучкой, прижавшись друг к другу из-за какой-то безымянной тревоги, пока Рамона спорила с оператором 911. Су-Ли почти расслабилась, думая, что Рамона принесёт им частичку цивилизации в виде полицейских и медиков.

Но это было не так.

— Они говорят, что никакого грёбаного Стокса не существует, — сказала Рамона более чем раздражённо. — Они никогда не слышали о городе под названием Стокс.

Лекс пожал плечами.

— Чёрт с ним. Они должны быть в состоянии отслеживать твой сигнал с помощью GPS.

— Ага, — сказал Крип. “Они должно быть уже отследили тебя.”

Они не найдут это место, подумала Су-Ли.

Наконец Рамона потеряла самообладание: “Просто доберитесь до сюда, ладно?”

Чазз нервно рассмеялся.

— Видишь? Им на это наплевать, так с чего бы нам беспокоиться?

— Кто-то всё равно должен проверить тело, — заключил Лекс.

5

— О, ради бога, — вздохнула Рамона.

Она подошла к телу и присела на корточки. Пробормотала что-то себе под нос о том, что бедняге больно и что она не может поверить, что все так себя ведут. Но, несмотря на её здравый смысл, заботу и смелость, все они чувствовали нерешительность в её словах и колебание в её движениях, когда она протянула руку, чтобы коснуться тела. Она как будто засунула пальцы под полку, где только что прополз особенно крупный паук.

Она схватила его за запястье и отдёрнула руку.

— Видишь? — сказал Лекс. — Может быть, это протез или что-то в этом роде.

— Покончим с этим уже, — отрезал Чазз, недовольный и немного раздраженный, но не осмелился подойти ближе.

Рамона чувствовала себя неуверенно.

Остальные ждали, когда она снова прикоснётся к телу, словно это была какая-то мёртвая тварь, которую они нашли в канализационной трубе. Втянув воздух сквозь стиснутые зубы, она снова коснулась запястья. Лекс был прав: это была не кожа. Она была больше похожа на резину или винил, странно гладкая и мягкая на ощупь. Рамоне пришла в голову безумная мысль, что она могла бы размять эту материю в пальцах, придать ей любую форму, какую захочет.

Она попыталась нащупать пульс.

Кожа на запястье, если это была кожа, и раньше казалась холодной, но теперь она была тёплой, почти теплилась жизнью. Потом она обнаружила кое-что ещё. Что-то, что заставило ее отдёрнуть руку.

Между кистью и запястьем виднелся чёткий шов.

Это не был порез или травма, это был шов, как будто рука и кисть были каким-то протезом, искусственными частями, соединёнными вместе. Она повернулась, чтобы рассказать об этом остальным, но кое-что случилось, что заставило её закрыть рот.

Сирена.

Она слышала сирену.

Но это была не машина "скорой помощи" и не полицейская машина. Нет, это был громкий, постоянный гул, который поднимался и опускался, как сирена воздушной тревоги времён Второй мировой войны. Это был нервирующий звук, который эхом прокатился по улицам тёмного маленького городка, отражаясь от крыш и узких переулков.

Даниэль начала всхлипывать, и никто не обвинял её в том, что она королева драмы или размазня; все были напуганы так же, как и она. Они были прикованы к месту. Гул становился всё громче и громче, но никто не бросился бежать, потому что бежать было некуда.

Рамона и сама дрожала.

Сирена была похожа на рёв какого-то доисторического зверя. Её разум тщетно искал объяснение, но его просто не было. Это не был свисток дежурного или пожарная сирена. Она звучала громче и более угрожающе.

— Какого хрена? — закричал Чазз, но они едва могли его расслышать.

Затем она умолкла, оставив после себя лишь постоянный звон в ушах.

Все они смотрели вверх, на небо, на крыши домов, возможно, ожидая, что что-то гигантское, что-то действительно большое спустится вниз, как летающая тарелка, и похитит их лучом света.

Рамона слышала щелчок.

Щёлк-щёлк.

Он исходил от человека, которого сбил Чазз. Странный щёлкающий звук исходил от него, шёл изнутри. Он начал дрожать, потом затрясся, стуча и колотя конечностями по асфальту. Это напоминало ей одного из манекенов из старого клипа Херби Хэнкока "Рокит"... казалось, его мозг сходит с ума. Его ноги брыкались, руки хлопали, тело извивалось, лицо билось о землю.

Она отстранилась от него, побелев от страха.

Затем он начал подниматься.

Всё ещё издавая странный щёлкающий звук, он встал на колени. Голова его склонилась к правому плечу, волосы свисали набок, как будто с головы чуть не содрали скальп. Его позвоночник был ужасно искривлён, бедра раздвинуты в стороны, одна рука, очевидно, сломана, как и одна нога.

Он встал. Всё ещё стоя спиной к ним, человек балансировал на здоровой ноге, другая была ужасно искалечена, сломана в нескольких местах, ступня торчала под неестественным углом.

— Послушайте, мистер, — сказал Лекс, — вам лучше не двигаться. Сейчас приедет скорая и...

В этот момент парень повернул голову и посмотрел на них.

Он всё ещё стоял спиной к ним... но его голова повернулась на шее, пока не оказалась обращённой назад. Его лицо было облеплено чем-то белым, похожим на замазку, глаза отсутствовали.

Даниэль закричала, и не только она.

Крип, Лекс и Су-Ли чуть не свалились в кучу, когда попытались отступить и запутались в ногах друг друга. Даниэль сложила пополам и опустила на колени. Чазз медленно попятился.

Рамона с трудом поднялась на ноги. Фонарик дрожал в её руке, временами выхватывая сгорбленного человека из тьмы.

"Это просто какой-то парень в маске", — подумала она, но голос прозвучал глухо. Он полностью повернулся и двинулся в её сторону, голова подпрыгивала на сломанной шее. Его лицо не было маской, потому что маски не могли ухмыляться, и он ухмылялся ей с похотливой, кукольной улыбкой, издавая горлом скрежещущий звук, когда пытался заговорить.

Он протянул к ней расплюсченную руку, похожую на обескровленную, раздавленную морскую звезду.

Во всей этой суматохе никто не услышал, как хлопнула дверца микроавтобуса.

6

Все разбежались.

Чазз крикнул им, чтобы они садились в чёртов микроавтобус, но они были в ужасе и бежали куда глаза глядят. Был лишь инстинкт самосохранения.

— ЭЙ! — снова позвал Чазз. — СЮДА! КУДА ВЫ, ЧЁРТ ВОЗЬМИ, СОБРАЛИСЬ?

Лекс и Су-Ли бежали впереди, Крип тащил Даниэль за собой. Все они выбежали на улицу и, завернув за угол, исчезли.

Рамона медленно отступала от существа, которое надвигалось на неё своей неторопливой, искорёженной походкой. Его тело было повернуто в сторону, одно плечо

было выше другого, голова моталась из стороны в сторону. Он издавал какой-то ужасный скребущий звук, который мог быть голосом.

— Рамона! — крикнул Чазз. — Сюда! Ну же! Ну же! Сюда!

В глубине души он знал, что это один из тех определяющих моментов в жизни, когда человек либо доказывает, что он мужчина, либо проводит остаток своих лет, сидя на корточках, чтобы пописать. Урод, надвигающийся на Рамону, не был большим парнем... но он был странным, вызывал ужас. Чазз подумал, что мог бы избить его, но не собирался этого делать.

Ни за что на свете.

Если эта тварь схватит его и уткнётся своим белым ухмыляющимся лицом, это будет уже слишком. Он упадёт в обморок. Он заползёт под микроавтобус и будет сосать свой грёбанный палец, и даже все его мускулы и мужественность не смогут изменить этого факта.

— Ну же! — он снова завизжал.

Рамона держалась на расстоянии от сгорбленного мужчины, но если бы она споткнулась и упала, он бы схватил её. И у Чазза было плохое предчувствие, что он не сможет ей помочь. Что он закричит и убежит.

— Иди сюда! Залезай в грёбанный микроавтобус, тупая сука!

Иногда, подумал он, хорошее оскорбление привлекает чьё-то внимание гораздо быстрее. И это сработало. Она отвернулась от преследующего её существа и побежала к нему. Чазз, чувствуя себя рыцарем, схватился за пассажирскую дверцу и открыл её для неё.

Она была почти рядом с ним.

Затем, не дойдя четырёх футов, она резко остановилась и попятилась, споткнувшись и упав на задницу. Чазз, ворча себе под нос, собрался было помочь ей подняться — на самом деле он собирался схватить её за волосы и швырнуть внутрь, — но тут что-то коснулось его руки.

Что-то мягкое и тёплое.

Вскрикнув, он обернулся и увидел ещё одно существо, сидящее на пассажирском сиденье. В свете фонаря он увидел женщину... или жалкую пародию на неё. Её лицо было белым, как и у мужчины, с крошечными трещинками, как у старинной вазы. Она была лысая, как манекен без парика и без бровей. У неё были пустые белые глаза, похожие на вареные яйца. Она была обнажена, её груди — без сосков — выглядели выпуклыми и искусственными.

Он закричал.

Он даже не ощутил огромного давления, сжимавшего его руку. Она схватила его. Её острые маленькие пальцы глубоко вонзились в его плоть. Пытаясь освободиться, он увидел одну вещь, которая едва не свела его с ума.

Её рука.

Не из плоти и крови.

Боже милостивый, пальцы были белыми и совершенно гладкими, заострёнными и женственными, хотя и покрытыми пятнами, как будто хранились в каком-то гниющем сундуке в течение многих лет. Но, несмотря на это, он увидел, что каждый палец был сегментирован — вместо костяшек были стекловидные шаровые шарниры.

Ему потребовалась доля секунды, чтобы понять это.

К тому времени она уже повернулась на пассажирском сиденье. У неё была только одна рука. Какая-то арматура торчала из её плеча там, где должна была быть прикреплена

другая. Её грудь и живот были испещрены пятнами, как и пальцы. Её потрескавшееся, белое кукольное лицо улыбалось ему, один уголок рта приподнялся в кривой непристойной усмешке.

Но хуже всего было то, что она раздвинула ноги, чтобы показать ему безволосую щель между бёдер.

Чазз, смутно осознавая, что Рамона кричит у него за спиной, потерял над собой контроль. Ужас ситуации сразу же поглотил его. Всё внутри него, казалось, втянулось в какую-то огромную чёрную дыру, и он закричал и обезумел от ярости. Собрав всю свою силу, а она была немалой, он отдёргнул руку, и женщина-манекен последовала за ней. Он замахал рукой, пытаясь сбросить её, и её суставы издавали ужасный щёлкающий звук, как будто она была деревянной куклой. К этому моменту её рот был открыт в широкой беззубой улыбке, и она пыталась обхватить его ногами. Он видел всё это в призрачных, размытых образах, пока тряс её взад и вперёд.

Наконец, он сбросил её.

Она ударилась о землю, её рука с грохотом отлетела от тела, одна нога была сломана ниже колена. Её голова покатила по тротуару, как мяч, челюсти всё ещё открывались и закрывались.

Её кисть всё ещё сжимала его предплечье.

Даже оторванные от её тела, пальцы всё ещё двигались, разминая его руку. Он снова закричал и оторвал их, оставив на теле четыре кровоточащие борозды. Единственный белый большой палец остался висеть как умирающее насекомое.

К тому времени Чазз был не в себе.

Он был весь в холодном/горячем поту, дрожал и бился в истерике, издавая пронзительные стонущие звуки. Когда Рамона попыталась дотянуться до него, он отшвырнул её в сторону, и она растянулась на асфальте.

Затем он пустился в дикое, слепое бегство.

Потому что части женщины-манекена были не так мертвы, как должны были быть... они всё ещё двигались. И он был почти уверен, что её голова зовёт его по имени.

7

Когда Рамона упала на землю, она потеряла сознание.

Она была в отключке не более двух-трёх минут, но когда открыла глаза и огляделась, Чазза нигде не было видно. Голос у неё в затылке, тот же самый, что предупреждал её держаться от него подальше, сказал ей: *"Он поймел тебя. Выбросил из машины, чтобы сбежать. Вот такой он человек. Я надеюсь, теперь ты довольна своим выбором."*

Но это было не так.

И никогда так не было.

К несчастью, с тех пор как ей исполнилось четырнадцать, она снова и снова выбирала один и тот же типаж, воплощая в жизнь какую-то детскую фантазию об идеальном парне с идеальным телом и идеальным лицом. Но если и было что-то, чему она снова и снова училась на своём горьком опыте, так это то, что чем лучше что-то выглядит снаружи, тем хуже внутри.

Всё это промелькнуло у неё в голове, когда она оклемалась и поняла, что её бросили.

Шевели задницей, Рамона! Ты в опасности!

О да, она была, она определенно была в опасности. Ей не потребовалось много времени, чтобы вспомнить почему. Она села на задницу, ощущая пульсирующую боль в затылке. Её пальцы скользнули по шишечке, которая почти мультяшно вздымалась под длинными темными волосами, спутанными от крови.

Клянусь Богом, Чазз, ты ещё пожалеешь об этом. Так или иначе, ты действительно пожалеешь об этом, придурок.

И как только это пронеслось у неё в голове, в неё ворвалась реальность, и она поняла, почему ей грозит страшная опасность. Сгорбленный человек. Он преследовал её... но теперь она не видела его следов. Но нужно было бороться не только с ним.

Женщина-манекен.

Она всё ещё была живой, одушевленной, как бы это ни называлось, после того, как Чазз разбил её о землю.

Внезапно Рамона насторожилась и огляделась.

Да, части тела женщины всё ещё были разбросаны, но они не двигались.

Её туловище находилось футах в десяти от неё, нога была отброшена в сторону, рука рядом с головой, которая лежала на земле мёртвая и незрячая. Её рука лежала на краю асфальта.

Тяжело дыша, Рамона присела на четвереньки, глядя на останки.

Голос разума в её голове сказал ей, что сама мысль о том, что эта кукла действительно жива, действительно способна шевелиться после того, как ее разбили, была смехотворной. Это был не человек. Это была какая-то машина, и теперь она была сломана. Точно так же, как и мужчина, она была сломана.

О, что это вообще за чёртов кошмар?

И почему, чёрт возьми, полиция до сих пор не приехала? Что, чёрт возьми, они там делают? Неужели они не понимают, что это чертовски срочно?

Она встала, чувствуя головокружение и дезориентацию.

Она порылась в кармане своего кожаного пальто и вытащила пачку "Мальборо" и зажигалку. Сигарета была хороша. Кроме того, Чазза не было рядом, чтобы отчитать её за курение, и когда она снова увидит этот кусок дерьма, то воткнёт зажжённую сигарету ему прямо в глаз.

Где, чёрт возьми, остальные?

Господи, мысль о том, чтобы остаться одному в этом месте, была просто невыносимой.

Она отошла от тени микроавтобуса и встала на тротуар. Достала свой айфон и снова набрала 911. Ей потребовалось несколько драгоценных секунд, чтобы прийти в себя, и всё это время она нервничала. У неё было ужасное чувство, что она не одна.

— Послушайте, я не знаю, что происходит, но я вызвала скорую помощь, полицию, сюда, в Стокс, и никто не появился. Да, я знаю, что вы не знаете, где это. Вы не могли бы отследить мой сигнал или что-то в этом роде?

— Мэм, — сказала телефонистка. “У нас проблемы с оборудованием.”

— И что же мне теперь делать?

— Вы уверены, что не ошиблись?

— Да, я уверена! Давайте, приведите сюда кого-нибудь!

На мгновение воцарилась тишина.

— Мэм, не могли бы вы ещё раз сообщить мне ваше точное местонахождение?

— Стокс. С-Т-О-К-С. Я не отсюда и не вижу никаких уличных знаков. Я в самом города.

рядом с шоссе № 8.

Снова тишина.

— Мэм, тут какая-то ошибка.

— Никакой ошибки нет! Отсюда мне видно шоссе ...

Какого хрена?

Шоссе не было.

Она знала, что по нему они приехали сюда. Они только въехали на окраину Стокса, когда Чазз сбил того парня, или кем он там был. В этом не было никаких сомнений. Она видела шоссе, уходящее в сторону, когда отступала от сгорбленного человека.

Но теперь шоссе не было видно.

Дорога вела в тупик, просто пересечение двух улиц. Она не видела ничего, кроме домов. Это было невозможно. У нее подкашивались колени, а сердце подпрыгивало в груди. Этого не может быть. Это было просто невозможно. Микроавтобус всё ещё стоял рядом. Она видела следы заноса. Всё было по-прежнему, только шоссе исчезло.

— Мэм? Мэм? — оператор говорил по телефону.

— Пожалуйста... пожалуйста, поторопитесь, — сказала Рамона. “Я в Стоксе, и мне грозит опасность, страшная опасность.”

— Мэм, пожалуйста, выслушайте меня, хорошо? Единственный Стокс на шоссе № 8 сгорел дотла ещё в 1960-х годах, — сказала телефонистка со странным страхом в голосе. — Значит, вы ошибаетесь.

Рамона обнаружила, что едва может дышать.

— Пожалуйста... пожалуйста, просто пошлите кого-нибудь за мной. О боже... я знаю, что мне грозит опасность.

Так оно и было. Это был настоящий кошмар. Шоссе привело их сюда, но теперь оно исчезло. Ходячие манекены. Реальность была перевёрнута с ног на голову и вывернута наизнанку. Было очень легко получить нервный срыв и сдаться. Слишком легко.

Она услышала стук позади себя.

Её кожа похолодела, пронзительный страх волнами распространялся от живота к груди. Она обернулась, задыхаясь от ужаса.

Женщина-манекен... или её части... двигались.

Туловище поднялось, зависло в воздухе, раскачиваясь взад-вперёд, как будто было соединено с тонкими невидимыми нитями над собой. Оно балансировало на одной ноге. Пока Рамона смотрела, всё остальное начало соединяться воедино. Сломанная рука поползла к туловищу. Другая нога последовала её примеру, медленно продвигаясь вперёд, как и рука. Голова покатилась, как мяч. А когда они сблизились друг с другом, то снова встали на место, как будто невидимые нити управляли ими.

Рамона закричала.

Женщина-манекен болталась в воздухе, безвольная и бескостная, как какая-то марионетка... а потом она прыгнула ввысь. Или её утащили.

Как бы то ни было, она просто исчезла.

И тут Рамона услышала, как завёлся микроавтобус.

Чазз?

Зажглись фары. Они были такими яркими, что ей пришлось зажмуриться и поднять руку. Двигатель заревел снова и снова. Она медленно подошла к машине, ступая очень осторожно и ожидая неприятностей. Она увидела силуэт на водительском сиденье.

Фигура со сломанной шеей, голова безвольно свесилась на одно плечо.

Чёрт!

Микроавтобус с рёвом рванулся прямо на неё. Когда он переехал бордюры, она бросилась в сторону, и он, промахнувшись всего на несколько дюймов, влетел прямо в зеркальные окна маленькой парикмахерской. Двигатель снова взревел. Водитель — и она чертовски хорошо знала, кто или что это было — пытался выехать обратно. Задние колеса вращались и дымились. Микроавтобус застрял.

Она бросилась бежать в том направлении, куда, как она думала, убежали Лекс и остальные.

Позади неё микроавтобус вырвался на свободу и с визгом выехал на улицу.

Фары снова озарили её, когда он ринулся за ней.

8

— И что теперь? — сказал Крип, когда они наконец остановились отдышаться. “И что же нам теперь делать?”

— Для начала успокоиться, — ответил ему Лекс.

— О, замечательный план.

Су-Ли покачала головой: “Просто заткнись. Нам нужно взять себя в руки и перестать паниковать, чтобы разобраться во всём.”

— Я хочу домой, — сказала Даниэль.

И это было уже в десятый раз, когда она произнесла эти слова. От звука её голоса у Крипа по спине поползли мурашки. У него возникло безумное желание ударить её прямо по лицу. Он никогда бы так не поступил, по крайней мере, так он думал, но ему очень этого хотелось. Отчасти из-за гнева, разочарования и раздражения, но главным образом потому, что её слабость так сильно напоминала ему его собственную.

Они бросились бежать вслепую после того, как та тварь набросилась на них. Крип так и не понял, что это было. Потребовалось что-то действительно ужасное, чтобы обратить их всех в бегство. Но где они сейчас? Он даже не был уверен. Они пробежали по улице, завернули за угол и продолжали бежать. Теперь они были в двух или трёх улицах от микроавтобуса.

Подальше от Чазза. Невелика потеря.

Но и вдали от Рамоны, и у Крипа защемило сердце. Он не знал её до сегодняшнего вечера. Он знал Чазза. Господи, это он починил ноутбук Чазза после того, как идиот заблокировал его, скачивая порно. Крип часто помогал ребятам из футбольной команды, и именно там он познакомился с Чаззом. Рамона была подружкой Чазза, но они едва терпели друг друга, и он точно знал, что Чазз спал по меньшей мере с тремя другими девушками. И он был почти уверен, что Рамона тоже это знает.

Неужели ей нравятся оскорбительные отношения? Может быть. Некоторые девушки были такими же.

Чазз собрал всех вместе. Лекс и Су-ли, он и Рамона, и Крип. И отправились на концерт Грин Дэй в Гарден. Даниэль была какой-то цыпочкой, которую знала Рамона, поэтому они взяли её с собой на свидания вслепую с Крипом. Всё прошло не очень гладко. Она лишь холодно обняла его, а он решил, что она идиотка. Она была из таких девушек-чирлидерш, с которыми нужно обращаться как с принцессами только для того, чтобы они подрочили вам

на пятом свидании.

Рамона была не такая.

Рамона была миниатюрной, с длинными чёрными волосами, высокими скулами и большими тёмными глазами. С оливковой кожей, как у коренных американцев. И горячей. Боже, она была горячей, умной и ответственной. От неё у него закипала кровь.

— Давайте немного подождём здесь, — сказал Лекс. “Если всё будет в порядке, мы вернёмся и поищем Рамону и Чазза. Хотя я думаю, что они спрячутся. Скорее всего, они не выйдут из укрытия, пока сюда не приедет полиция.”

— Разве они не должны были уже приехать? — сказала Даниэль.

“Один балл безмозглой блондинке”, — подумал Крип.

— Они скоро приедут, — ответил Лекс.

— Конечно, — согласилась Су-Ли, хотя было очевидно, что она ни на секунду в это не поверила.

— Их здесь нет, потому что они не знают, где это, — сказал Крип, и сразу же умолк.

Он взглянул на улицу и увидел лишь темноту.

Стеклянные фасады магазинов отражали холодный лунный свет. Тени растекались по дорожке мутными лужами. У него не было никаких оснований полагать, что там, дальше по улице, есть какая-то опасность, которая прячется и ждёт, чтобы наброситься на них... и всё же он был уверен в этом.

Они были в опасности.

Огромной опасности.

Он чувствовал, как она обвивает их, словно змея. Она кружила вокруг них, сжимаясь всё ближе, оскаливая длинные белые зубы и наблюдая за ними голодными чёрными глазами.

Просто перестань думать об этом. Просто прекрати.

Но, Господи, что бы там ни было — а он полагал, что сторбленный человек был всего лишь началом — он почти чувствовал, как оно тянется к нему, желая обхватить костлявыми пальцами его горло.

— Не нравится мне это дерьмо, — сказал он. — Мы как лёгкие мишени или что-то в этом роде.

Су-Ли вздохнула: “Успокойтесь. Мы позвонили в 911. Полиция и скорая помощь скоро будут здесь. Мы услышим их сирены в любой момент.”

Крип только закатил глаза.

Ему не нравилось это дерьмо.

Су-Ли была привлекательной азиаткой, но она также была как бы продолжением Лекса, и ему это совсем не нравилось. Они могли притвориться, что в этой ситуации не было ничего странного, но они ошибались. Они могли сколько угодно пытаться рационализировать происходящее, но грёбаное шестое чувство Крипа уже начало кричать от тревоги. В животе у него было пусто, а скальп так и норовил слететь с затылка. У него было очень тревожное ощущение, что они вошли в сумеречную зону.

И если ему нужно было больше доказательств, то этот человек... этот манекен... эта штука, которую они сбили, был неплохим примером.

Даниэль прижалась к стеклянным витринам кофейни, как паук, распластавшийся на кирпиче, чтобы погреться на солнце.

Всё её тело сотрясала дрожь.

От неё, чёрт возьми, вообще нет толку, подумал он. *Она совсем не помогает.*

И опять же, он знал, что это было потому, что она действовала так же, как он себя чувствовал.

— Даниэль, — сказала Су-Ли очень спокойным, успокаивающим голосом. “Всё будет в порядке. Скоро приедет полиция. Тогда мы сможем выбраться отсюда. Просто постарайся успокоиться.”

Но она не собиралась расслабляться.

Её трясло так сильно, что дребезжало стекло.

— Оно придёт за нами. Оно обязательно найдёт нас и убьёт, — сказала она, её голос был высоким, как будто ей снова исполнилось восемь лет. И, возможно, так оно и было.

Лекс направился к углу улицы, Крип последовал за ним. Су-Ли хотела присоединиться к ним, но Даниэль схватила её за руку, как маленькая девочка, которая боится темноты.

Крип осмотрел улицу: “Я думаю, кто-то должен пойти и поискать Рамону и Чазза. Что, если они ранены или что-то в этом роде?”

Лекс кивнул: “Хорошо, но в одиночку. Я хочу, чтобы один из нас остался с девочками.”

Крипу понравилась идея. Было похоже на то, что герой говорит в старом фильме. Одно из дурацких голливудских клише. Но его это вполне устраивало. Он проглотил свой страх.

— Ты останешься, Лекс. Я пойду. У тебя более ясная голова, чем у меня. Я только заставлю их ещё больше нервничать.

Лекс не стал спорить; это было очевидно.

— Я быстренько сбегая туда и сразу же вернусь.

— Окей. Будь осторожен.

Крип приободрился. Он был удивлён, что у него вообще хватило смелости сделать это. Из-за Рамоны? Да, так и есть. В глубине его сознания зрела подростковая фантазия о том, как он спас её, и она была ему благодарна.

Очень, очень благодарна.

Он побежал к тому кварталу, где они свернули за угол. Боже, тени были повсюду, такие чёрные, такие тянущиеся. Они были натянуты, как тетива. Он добрался до последней витрины — банка с золотыми буквами на окнах. Красиво и архаично. Он выглянул из-за угла.

Его сердце бешено колотилось, а колени подкашивались.

Он заметил микроавтобус. Лунный свет мерцал на ветровом стекле. Одна из дверей была открыта. Между ними не было ничего, кроме блестящего мокрого асфальта.

Никаких признаков Чазза или Рамоны.

Там вообще ничего не двигалось.

Он вытащил свою Нокию и позвонил на мобильный Чазза. Попал на голосовую почту. Он написал ему, но не получил ответа. Либо у него не было с собой телефона, либо телефон сдох, как и он...

Только не начинай опять думать об этом.

Они могли быть за микроавтобусом, предположил он. Это было возможно.

Нет. Он не собирался туда идти. Слишком рискованно. Он проверил, и это всё, что он собирался сделать. Лекс, вероятно, был прав: они прятались. И всё же... в желудке у него было легко и трепетно. Если бы у него были крылья, он мог бы вылететь прямо из его живота.

Сгорбленного человека нигде не было видно.

Странно. Всё это было чертовски странно.

Он выглянул из-за угла, чтобы убедиться, что Лекс и остальные всё еще там, они были там, затем оглянулся на микроавтобус... но он пропал. Он исчез. Лунный свет отражался от асфальта там, где он только что был.

Крип моргнул, как в кино, когда не могут поверить в то, что видят, но микроавтобуса всё ещё не было. Он был сбит с толку, дезориентирован. Реальность, казалось, раскручивалась, как клубок бечевки. Он выглянул из-за угла, подумывая позвать Лекса, затем повернулся и посмотрел снова.

Микроавтобус был на месте.

Что за чертовщина?

Он побежал назад, пока не добрался до Лекса. Он прислонился к стене здания, тяжело дыша.

— Их там нет. Я не видел ничего, кроме микроавтобуса.

А может быть, я даже и его не видел.

Лекс вздохнул: “Ну, мы не можем их ждать. Нам нужно найти какое-нибудь укрытие или машину, чтобы выбраться отсюда... если только мы не рискнем попасть в микроавтобус.”

Крип сглотнул: “Мне не нравится эта идея.”

— Тогда нам нужна машина.

— Чувак, ты заметил хоть одну машину? Грузовик? Велосипед, если уж на то пошло?

— Нет.

Крип хотел было продолжить, но Су-Ли позвала: “Лекс!”

Они побежали к ней, ожидая неприятностей. Ожидая, по крайней мере, что Даниэлле действительно сошла с ума или у неё нервный срыв или что-то в этом роде. Но дело было совсем не в этом.

— Смотрите, — сказала Су-Ли.

В конце квартала, на другой стороне улицы, зажёгся свет.

9

Чаззу потребовалось добрых двадцать минут, чтобы успокоиться, заставить своё сердце перестать бешено колотиться, а кожу покрываться мурашками. Но даже тогда он был не в лучшей форме. Его всё ещё трясло, глаза бешено метались по сторонам, а зубы странно стучали. Он чувствовал жар и тошноту в животе и был уверен, что сходит с ума.

После женщины-манекена он всё бежал, бежал и бежал.

В своё время он участвовал в нескольких забегах на дальние дистанции, но никогда, никогда так не бегал. Никогда прежде он не испытывал всеобъемлющего иррационального страха. Раз или два в своей жизни он испытывал страх, но обычно он был слабым и мимолетным. Тот раз, когда он думал, что обрюхатил Меган Манди в средней школе, был хорошим примером.

Здесь всё было по-другому.

Это был животный ужас.

Страх кролика, прячущегося от пролетающей над ним совы, или газели в саванне, когда львы преследовали её. Да, животный ужас. Страх преследуемого, ужас добычи.

"Не... не... не думай об этом", — повторял он себе. Побеспокойся об объяснениях и прочем позже. А сейчас... сейчас... просто... просто побеспокойся о том, чтобы выбраться

отсюда.

Господи, его мысли путались. Возможно ли это вообще?

Он и сам не знал. Казалось, он больше ничего не знает. Он сидел на корточках в тени на заднем дворе мрачного дома. Каждый дом в квартале был тёмным и мрачным. Ни в одном из них не горел свет. Но в них должны были быть люди. И машины в гаражах. Но с тех пор, как они приехали, он не видел ни одной живой души и ни одного транспортного средства.

И это было странно.

Ни машин, ни людей... что это значит?

Он ждал, грызя ногти до крови.

Он знал, что должен придумать какой-то план, Но, боже, он боялся пошевелиться. Ему хотелось, чтобы Рамона была здесь. Она точно знала, что делать. Казалось, она всегда знала, что делать.

Но ты оставил её там.

Нет, он не бросил её. Всё было совсем не так. Он бежал и думал, что, может быть, она бежит вместе с ним. Страх взял над ним верх. Он знал, что отчасти это правда, а отчасти — грязная ложь, но так ему было легче, потому что трусость была тем, что он презирал в других людях и не мог терпеть в себе. Вот почему лучше было не думать об этом, отодвинуть в сторону, не думать о том, каким человеком он оказался на самом деле, когда его, как растение выдернули из земли обнажив чёрные корни.

Главное — думать о том, как выбраться отсюда.

Он глубоко вдохнул и выдохнул, пока не успокоился. Он часто использовал дыхательные упражнения перед игрой, когда его нервы были на пределе. Этому его научил тренер. Боже, как бы он хотел, чтобы тренер был сейчас здесь. Как и Рамона. Тогда бы он знал, что делать.

— Просто перестань быть слабаком, — прошептал он сам себе, в темноте.

Да, в этом-то всё и дело. С другой стороны, на самом деле он никого не сбил, просто какой-то манекен, похожий на человека, робот или какая-то большая заводная игрушка. При мысли об этом ему захотелось хихикнуть, но он побоялся. У него было ужасное чувство, что, начав, он уже не сможет остановиться.

Как бы то ни было, это был не человек... просто вещь.

И в этом проклятом городе их было больше, чем один, так что он должен был быть осторожен. По его мнению, на самом деле он мог сделать только пару вещей. Он либо возвращается назад — если это вообще было возможно — и находит остальных, либо пытается найти микроавтобус. Кроме того, он мог бы постучать в некоторые двери и попытаться найти какую-нибудь помощь.

Или ключи. Если я найду ключи и машину, то, чёрт возьми, украду её.

В любом случае, он ничего не добьётся, сидя здесь и дрожа как маленькая девочка.

Он осторожно встал.

Огляделся с головы до ног. Он был крупным парнем. Он был быстр и силен. Он осознавал это, и это успокаивало его, придавало сил, возвращало былое высокомерие. Если кто-то и мог что-то предпринять, так это он.

Глубоко вздохнув, он двинулся по тёмному двору.

Там было так невероятно тихо. Не было слышно ни звука грузовика вдалеке, ни собачьего лая. Это просто было чертовски неестественно. Взошла луна, большая и яркая, покрывая белым светом крыши и лужайки. Но несмотря на весь свет, который она

приносила, она также увеличивала тени.

Он обошёл дом, всё ещё оставаясь в тени большого старого дуба. Он был напряжён и выжидал. Посмотрел на улицу и увидел направление, откуда пришёл. Он либо возвращается назад, либо начинает стучаться в двери.

И почему сама мысль об этом приводила его в ужас?

Но он знал. Если он шумел, его могли услышать, а он боялся, что его услышат. Если бы их было больше, они бы точно знали, где он находится.

Подойдя ближе к тротуару, он отступил под дерево.

Что-то, возможно инстинкт, заставило его вернуться. Ему не нравилось находиться на тротуаре или на улице, где его могли увидеть. Лучше было пробираться через задние дворы. Он слегка расслабился. Ему нравилась идея маскировки.

Он перепрыгивал через изгороди и заборы, падал во дворы, прятался в тени, пока не чувствовал, что может двигаться дальше. Чем дальше он шёл, тем увереннее становился.

Он перелез через забор, осматривая двор между домом и гаражом. Чисто. На самом деле, это...

Дерьмо.

Он услышал какой-то звук, и его внутренности мгновенно превратились в холодное желе. Он присел на корточки у самого забора, ухватившись рукой за один из столбов, и прислушался.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Что, чёрт возьми, это было?

Звук доносился из переулка, и Чазз не верил, что это что-то совершенно обычное или безвредное. Он ждал, дрожа всем телом.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

С того места, где он стоял, ему был виден залитый лунным светом переулок. В поле зрения, прихрамывая, появилась фигура. Один из тех манекенов. О да, в этом не было никаких сомнений. Он двигался неуверенно, ковыляющей походкой, и это потому, что у него была только одна нога, а на месте другой колышек, как у пирата в старом фильме.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Затем он остановился, как будто что-то услышал.

Это была женщина, старая женщина с согнутой спиной. Он ясно видел её в свете луны. Она была одета в рваную одежду, как бездомная, с мешком, перекинутым через плечо. С головы свисали остатки седых волос, длинных и жёстких. Сама голова, казалось, сияла. А её лицо... Чазз не смог хорошо разглядеть его, но оно было гротескным и безвольно свисало.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Она пошла своей дорогой, а Чазз не успокоился, пока звук постукивания её ноги-колышка не исчез вдали. Даже тогда он дрожал и обливался потом.

Он крался через двор, двигаясь теперь ещё осторожнее, боясь каждой тени и тёмной фигуры. Они могли быть повсюду вокруг него, насколько он знал. Один из них мог бы потянуться к нему. Нет... нет, он не хотел думать о таких вещах. Это было просто неприемлемо. Он был на грани истерики и знал это. Он снова думал как животное. Ему хотелось бежать, найти новое укрытие.

Что ему действительно было нужно, так это микроавтобус или другая машина.

И оружие. Не пистолет или нож, а что-то вроде хорошей биты. Что-то, чем он мог бы разбить эти штуки, если бы они подошли слишком близко.

Он крался вдоль дома, изучая его тёмные окна, молясь, чтобы за ними ничего не двигалось. Он собирался рискнуть и перебежать улицу. Это был единственный выход. Так бы он оторвался от Одноногой Леди.

Звук.

О Боже, нет.

Он приближался и становился всё громче, а Чазз был скован страхом. Он даже не мог заставить своё тело пошевелиться. Его мозг наполнился белым шумом, и ему захотелось закричать во все горло.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Она снова приближалась. Она остановилась в переулке, чувствуя, что он рядом, и теперь возвращалась, чтобы найти его. Она не остановится, пока не сделает этого, и Чазз прекрасно это понимал.

Он заставил свое тело двигаться.

Она была медлительна, а он быстр. Он должен был иметь это в виду.

Он двинулся к тротуару, затем с маниакальной скоростью пересёк улицу и скрылся в тени домов напротив. Он стоял у крыльца, задыхаясь не столько от напряжения, сколько от страха. Он ждал, и, Господи, этот стук раздался снова.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Она больше не была в переулке. Нет, нет и нет. Она нашла двор, в котором он прятался, и теперь шла по мощёной дорожке, ведущей к крыльцу. Он увидел, как её ковыляющая фигура начала появляться из тени. Необузданная паника вырвалась наружу, и он приготовился бежать.

Потом он увидел открытое окно.

Оно манило его своей чернотой, как будто кто-то намеренно оставил его открытым. Но он не хотел признавать этого. Он не мог этого признать. Ему нужно было где-то спрятаться. Одноногая Леди не была быстра, но она была неумолима и все приближалась и приближалась, намереваясь достать его.

Чазз не позволит этому случиться.

Он подкрался к окну и, легко проскользнул в комнату. Тёмные силуэты окружали его со всех сторон. Он прислушивался и ждал, но ничего не происходило.

Как можно тише он опустил стекло, пока не остался зазор в дюйм или два.

Потом он стал ждать.

Одноногая Леди переходила улицу.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

10

Несмотря на то, что микроавтобус унёсся вдаль, напоследок сверкнув задними огнями, Рамона знала, что всё ещё находится в океане дерьма. На самом деле, она едва удерживала голову на поверхности. Нырнув в нишу между двумя зданиями, она была уверена, что микроавтобус — и ужас, который им управлял, — настигнет её.

Но он так и не появился.

А ей нужно было идти дальше.

Остальные должны были где-то быть. Если, конечно, эти марионетки не схватили их. Она уже сталкивалась с двумя из них и не была столь наивна, чтобы поверить, что их больше

нет.

Но что это за место?

Это был не Стокс. Теперь она это знала. Она не знала, где они были, но это точно был не Стокс, потому что Стокса не существовало. Стокс сгорел в 1960-х годах, либо все они пережили какой-то коллективный нервный срыв и пускали слюни в комнатах с мягкими стенами, либо то, что она видела и испытывала до сих пор, было реальностью.

Ты же знаешь, что это реальность. Ты чертовски хорошо это знаешь.

Но от этого становилось только хуже, не так ли?

Это означало, что реальность, которую она знала, исчезла. Они должны были где-то быть. Оглядывая улицы, она была встревожена тем, что увидела. Всё выглядело... фальшиво. Очень искусственно. Это было похоже на маленький городок, как в старых фильмах Warner Brothers. Кварталы симпатичных маленьких домиков, разделённых живыми изгородями, с узкими улочками, рядами больших вязов и дубов. Все дома были старые, двухэтажные, но очень ухоженные. Ни каких признаков послевоенной архитектуры. Даже уличные фонари, ни один из которых не был зажжён, не были современными.

Одним словом, город был жуткий.

Витрины магазинов, мимо которых она проходила, выстроившиеся в ряд на главной улице, парикмахерские, кафе, аптеки, офисы, — всё выглядело так, как голливудский режиссёр представлял себе маленький американский городок.

Рамона выросла в маленьком городке, жила в нескольких, проезжала десятки по пути из точки А в точку Б. Одни из них были странными, другие уродливыми, третьи захудалыми, но все они обладали индивидуальностью.

Все, кроме Стокса.

Он была стерилен и искусственен, как будто только что из коробки. Маленькие городки собирались по кусочкам в течение многих лет, но Стокс выглядел так, как будто был построен в соответствии с очень специфическим планом, чтобы подчеркнуть, что это маленький город.

Это место было имитацией.

Но во всём этом должен быть какой-то смысл.

Так же, как должна была быть причина, по которой они были втянуты в происходящее здесь.

Странно было и то, что, когда они въезжали в долину, шёл почти проливной дождь, а теперь не было ни капли. Даже улицы были сухими, как будто дождя не было уже несколько недель.

Она вышла на улицу и прислушалась. Ничего. Никаких приближающихся сирен. Вообще ничего: ни машин, ни людей, ни животных. Стокс был похож на долбаный кукольный домик.

Она шла по тротуару как можно тише. По направлению куда убежали остальные. Она проверит ещё две или три улицы в поисках их признаков, а потом, чёрт возьми, уберётся отсюда.

Если она вообще сможет это сделать.

что эти огни зажглись случайно.

Но Крипу идея не понравилась.

— К чёрту. Это ловушка. Я знаю, что это ловушка. Это как... как... как...

— Приманка? — сказала Су-Ли.

— Ага! Да, Лекс, это приманка, чтобы заманить нас в ловушку. Когда мы туда доберёмся, что-то случится, и я это знаю. Эти твари поджидают нас там.

— Может быть, именно поэтому мы и должны пойти туда.

— Ты что, спятил?

Лекс пожал плечами: “Здесь что-то происходит, и у меня есть очень неприятное чувство, что мы не уйдём, пока не выясним, что именно. На самом деле, если мы не выясним это, мы можем никогда не выбраться.”

— Я всецело за то, чтобы уйти отсюда.

— Это будет не так-то просто.

— Откуда ты знаешь?

Дело в том, что Лекс не был уверен. У него просто было очень плохое предчувствие, что всё это не случайно. Что это было сделано нарочно. Что этот город существует по определённой причине, и они были втянуты в него с определённой целью.

— Послушай, — сказал он, — вот что мы сделаем. Я пойду проверю. А ты жди здесь. Ты ходил искать Чазза и Рамону, теперь моя очередь.

Крип пожал плечами. Было очевидно, что ему это не нравится, но мысль о том, что никакой личной опасности не будет, немного приободрила его.

— Ладно.

— Я тоже пойду, — сказала Су-Ли.

Крип вздохнул: “А я останусь с психопаткой.”

Лекс проигнорировал его слова и повёл Су-Ли через улицу.

Крип, конечно, был прав. Может, это и не совсем ловушка — а может, и так, — но в ней было что-то очень странное, как и в этом городе, которого, по-видимому, вообще не существовало. Нигде не горел свет, и вот теперь в одном месте случайно зажётся. Ну разве это не интересно?

Но, честно говоря, он не думал, что это вообще интересно.

Он подумал, что это было очень тревожно.

Держа Су-Ли за собой, он осторожно двинулся по тротуару, пока не добрался до закусочной. Заглянув в зеркальные окна, он увидел столы и кабинки, стойку с круглыми табуретами.

Людей не было.

Но кто-то же включил свет.

— Жутковато, — прошептала Су-Ли.

Да, так оно и было.

Ещё более жутким было то, что на каждом окне было написано слово "ЗАКУСОЧНАЯ". Никакого другого названия, просто закусочная. Ни "ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗАКУСОЧНАЯ", ни "МИЛОСТИ ПРОСИМ", ни "ДЖИММИ ХЭШ СТЕЙК ХАУС", ни "БУРГЕРНАЯ БОБ". Никакой индивидуальности, как и во всём городе, что заставило его понять, что каждый магазин и лавка, которые он видел ранее, были такими же — "ПРОДУКТЫ" и "СТРАХОВАНИЕ", "ПАРИКМАХЕРСКАЯ" и "ДАНТИСТ", но ни один из них не имел более конкретных названий.

Это напомнило ему конструктор “Железная дорога”, который он собрал вместе с отцом, когда учился в начальной школе. Там были станции, горы, и маленький городок, где каждая витрина имела стандартное название, как в Стоксе.

Простогород, подумал он. *Похож на те, которые можно увидеть в любом старом фильме, любом старом телешоу, любом грёбаном календаре Нормана Рокуэлла. Для этого есть причина, и нам лучше выяснить, в чём она заключается.*

— Я войду, — сказал он ей. “Может, тебе лучше подождать снаружи?”

— Нет, спасибо.

Лекс распахнул дверь, и она звякнула. Он шагнул внутрь. И то, что было странно в первую очередь, стало ещё более странным. Первое впечатление, которое он испытал, зайдя внутрь, было то, что пахнет старостью и затхлостью... но всё изменилось, когда он прошёл три фута. Как будто закусочная внезапно ожила. Он почувствовал запах горячего кофе, гамбургеров, пирога и жареной картошки. Всё это пахло именно так, как, по его мнению, должна пахнуть закусочная, как будто кто-то стёр его недавние воспоминания.

Повсюду была расставлена еда.

Лекс моргнул и снова моргнул, потому что был уверен, что это какая-то галлюцинация. Должно быть, так и есть. Ничто другое не могло бы объяснить этого. На стойке он увидел чашки с ещё дымящимся кофе. Надкушенный чизбургер на тарелке, картошка фри, обмакнутая в кетчуп. Кусок черничного пирога с мороженым, которое ещё даже не растаяло. То же самое было и за столиками: миски с горячим супом, молочные коктейли, блинчики и бутерброды с жареным сыром. Супы были почти не тронуты, коктейли едва пригублены, все бутерброды один-два раза надкушены, всё как бы подчеркивало тот факт, что все посетители только что ушли... возможно, несколько секунд назад.

— Что всё это значит, чёрт возьми? — спросила Су-Ли.

Но Лекс и сам не понимал.

Вместе они шагнули за прилавок, двигаясь очень медленно и осторожно, как будто ожидали напоротья на растяжку. Не было никаких ловушек, только кофейники с горячим кофе и большой стакан с колой. Грифельная доска объявляла о фирменных блюдах дня:

ГАМБУРГЕР 79 ЦЕНТОВ;

КУРИНЫЙ СУП С ЛАПШОЙ 50 ЦЕНТОВ;

ЖАРЕННЫЙ СТЕЙК ИЗ КУРИЦЫ 1 ДОЛЛАР.

— Ну и цены, — сказала Су-Ли.

Неплохие цены — подумал Лекс. И когда в последний раз можно было купить такую дешёвую еду? 1960-е годы? 1950-е годы?

Они заглянули на кухню. На большой жирной плите жарились гамбургеры и бекон.

Лекс вернулся в столовую. Он взял со стола жареную картошку и внимательно её осмотрел.

— Ты же не собираешься это есть? — сказала Су-Ли.

Но именно это он и собирался сделать. Он сомневался в физической реальности того, что видел, поэтому решил проверить это. Это было похоже на картошку фри. Вес и текстура были идеальными... но Лекс не ощущал запаха, и он был готов поспорить, что у неё не было и вкуса.

Он огляделся по сторонам. Невероятно. Это место было похоже на Марию Селесту из мира закусочных. Все посетители таинственным образом растворились в воздухе. НЛЮ? Скорее всё это было чушью, тщательно продуманной уловкой. Здесь никогда не было людей.

Он бросил картошку обратно на тарелку.

— Это подделка, — сказал он. — Вся эта еда — фальшивка. Это как та пластиковая еда, с которой играют маленькие дети. И держу пари, что такова она и на вкус.

Едва эти слова слетели с его губ, как он почувствовал едва заметное изменение в атмосфере закуской. Всё произошло быстро и необъяснимо. Больше не пахло вкусной едой и питьем. Нет, теперь пахло плесенью и гнилью.

— Лекс, — сказала Су-Ли, хватая его за руку.

Но он и сам всё прекрасно видел. По полу бегали мыши. Крыса сидела на столе и грызла клубный сэндвич, который выглядел так, будто пролежал несколько недель. Хлеб был зелёным от плесени. Мухи были повсюду. Из чашки выполз жук. В гамбургере копошились личинки.

Да, это происходило повсюду.

Повсюду.

Стены были выцветшими, зеркальные стекла потускневшими, прилавки и столы грязными от крысиного помета и остатков почерневшей еды. Красные виниловые подушки были разорваны, набивка торчала наружу. На полу было три дюйма пыли.

— Пошли отсюда, — сказала Су-Ли.

Да, хорошая идея. Чертовски хорошая идея, потому что у него было ужасное чувство, что закусочная разлагается, и если они не выйдут, то сгниют вместе с ней, как черви, пойманные в ловушку гнилого яблока. За грязными стойками надпись на грифельной доске изменилась:

ЛЕКС ФОНТЕЙН

СУ-ЛИ ЧАНГ

ЧАЗЗ ЭКЛИ

РАМОНА ЛЕЙК

КРИП РОДЖЕРС

ДАНИЭЛЬ ЛЕКАРР

† ПОКОЙТЕСЬ С МИРОМ †

Лекс схватил Су-Ли, и они побежали к двери... только там не было двери. Она не просто пропала, её как будто никогда и не существовало. Были только окна с занавесками, свисающими, как грязные тряпки, но ни одного отверстия, где могла бы быть дверь.

Су-Ли трясло.

И его тоже.

— Что... что это? — сказала она, может быть, больше себе, чем ему.

Без сомнения, это был отличный вопрос: что произошло? Что это была за игра разума и какой в ней был грёбанный смысл? Кто этим управлял? Если оно хотело, чтобы Лекс и Су-Ли нервничали и боялись, что ж, ему это удалось. У Лекса по коже побежали мурашки. Казалось, что-то внутри его головы хотело разлететься на части. Он чувствовал себя беспомощным и пойманным в ловушку, как муха в паутине.

Господи, он чувствовал себя так, словно его хоронили заживо.

Но ему нужно было думать. Ведь именно этого хотел лишить их кукловод, который устроил всё это шоу. Единственным оружием, которое Лекс когда-либо имел в своей жизни, был его ум, и он не мог позволить происходящему притупить его остроту.

Думай.

Да, да. Образ закуской был практически идеален: визуально и тактильно, даже

шипение пузырьков газа безалкогольных напитков и свежесваренный кофе. Но когда он принялся, он не уловил запаха. Это было подозрительно. Он отказался принять простую радость того, что ему предложили, и был наказан.

— Ну, — сказал он очень громко, — я и на это не куплюсь, так что лучше попробуй ещё раз.

На этот раз изменения в атмосфере были не столь незаметны.

Он почувствовал, как по комнате прокатилась волна силы. Довольно ощутимая и интенсивная, чтобы почти сбить их обоих с ног. Лекс задался вопросом, была ли это хорошая идея бросить вызов кукловоду этого не такого уж маленького кошмара.

Комната пришла в движение.

Воздух, казалось, раскололся, как яйцо.

Зрение Лекса затуманилось. Он держал Су-Ли, которая с трудом держалась на ногах. Когда их зрение прояснилось, они огляделись и увидели, что вокруг была уже не просто грязь и гниль.

Они увидели тела.

Трупы.

Су-Ли ахнула, и Лекс почувствовал, как содержимое его желудка поднимается к горлу. На секунду ему показалось, что в комнате полно людей-манекенов, но это было совсем не так. Это было ещё хуже. О да, всё было гораздо хуже. Трупы были расставлены за столы и в кабинки, сидели на табуретах, выстроившихся вдоль стойки. Все они были бледными и сморщенными, высохшими, как пугала. Их лица были бескровны, белые как кости руки лежали на столах, сжимая кофейные чашки и держа ложки и вилки.

Но хуже всего было то, что всем им перерезали глотки.

Острым ножом, — подумал Лекс. Должно быть, это было сделано очень острым ножом.

Разрезы были аккуратными и бескровными, почти хирургическими. И это усугублялось тем, что все они были зашиты черным кетгутом. Губы трупов тоже были зашиты крест-накрест, глаза отсутствовали, аккуратно заменённые чёрными пуговицами от ботинок. Эффект был такой, как будто кто-то превратил их в кукол вуду.

Не настоящие куклы вуду (если они вообще существуют), а то, как вы себе их представляете. Своего рода образ, который существует в голове каждого из живущих в мире, насыщенном дешёвыми фильмами ужасов.

Сказать, что это было ужасно и пугающе, значило бы свести к минимуму абсолютный ужас происходящего. В закуской их было двадцать. И не только мужчины и женщины, но и дети... даже младенец, лежащий на руках у своей зомби-матери, как кукла чревовещателя.

Лекс просто застыл.

Он не знал, что делать и что сказать. Су-Ли дрожала с широко раскрытыми глазами. Её рука сжала его руку. Лекс был уверен, что она очень близка к тому, чтобы впасть в шок.

Но он ничем не мог ей помочь.

И он ничего не мог сделать для себя.

Забегаловка снова начала разлагаться. Ещё быстрее чем раньше. Это было ужасно. Но самое ужасное было написано на грифельной доске: оно было адресовано им.

Трупы не были похожи на людей-манекенов. Они принадлежали к другому виду, но это что-то значило. В микрокосме этого маленького города с привидениями это что-то да значило.

— Хорошо, — сказал он Су-Ли, — мы вошли сюда и можем выйти. Физика есть физика. Она быстро кивнула.

— Дверь была там. Должно быть, она всё ещё там, только кто-то или что-то не даёт нам её увидеть.

Такова была его логика, и она была взята в основном из телешоу, романов в мягкой обложке и фильмов. Как бы назвали нечто подобное в "Секретных материалах" или в "За гранью возможного"? Экран разума? Галлюциногенный экран? Что-то вроде того. Может быть, это и была чушь собачья, но он взял это за основу своих рассуждений, чтобы совсем не сойти с ума.

Прижимая к себе Су-Ли, он подошёл к зеркальным окнам.

— Вот там, — пробормотал он себе под нос. — Мы пришли оттуда.

Он взмахнул рукой, чтобы привлечь внимание Крипа, и стекло мгновенно запотело, как зеркало в ванной.

Ты ведь и это предусмотрел?

— Дверь всё ещё там, — сказал он.

Су-Ли снова быстро кивнула. Если он так сказал, значит, это правда. Теперь она была низведена до уровня простых детских рассуждений. Страх полностью завладел ей.

Лекс решил, что самым логичным и рациональным будет подойти к окну, где, как он знал, была и, как он надеялся, до сих пор находится дверь. Возможно, его рассуждения были дерьмовыми, но ничего другого не оставалось.

Затем позади него раздался звук падающей ложки.

Послышался скрип табурета.

Я не хочу видеть, я не хочу этого видеть, чёрт возьми.

Су-Ли застыла, как столб. Её рука была холодной, как будто она держала пакет со льдом.

С пересохшим, как сажа, ртом Лекс очень медленно повернулся и чуть не закричал. Су-Ли, конечно, сделала бы то же самое, если бы у неё не пропал голос, и в её лёгких было достаточно воздуха.

Вуду люди были живы и двигались.

Они не делали ничего угрожающего. Они просто делали вид, что обедают, подражая тому, что делали при жизни. Они подносили ко рту бутерброды, ложки супа и чашки кофе, словно в насмешку над едой и питьем, на что были неспособны, ведь их губы были зашиты. Один из них даже читал газету, а двое других вели оживлённый, но молчаливый разговор лицом к лицу. Звенели чашки, стучали вилки. Наливали кофе и нарезали жареный стейк из курицы. Это было похоже на какую-то причудливую пародию на жизнь. Они были мимами и ничем больше. Это могло бы быть мрачно-комичным, если бы не то, как они выглядели и сама природа этого места.

Лекс и Су-Ли молча наблюдали за ними.

Похоже, они мало что ещё могли сделать.

— Я думаю, мы можем пройти через дверь, видим мы её или нет, — сказал Лекс. — Давай попробуем. Это безумие, но стоит проверить.

Су-Ли была просто вне себя. Было очевидно, что она не знала, о чём думать, но также было очевидно, что она полностью доверяла ему. Он многое повидал, и это придавало ему сил.

Они вместе повернулись и потянулись к зеркальному окну, веря и в то же время не веря.

Позади них... всё стихло.

Дерьмо.

Они повернулись, а вуду люди прекратили свои занятия. Очевидно, представление закончилось. Все они были полностью неподвижны. Кофейные чашки застыли в воздухе, как ложки и вилки. Парень в одной из кабинок поднёс ко рту недоеденный гамбургер. Когда он выпал из его пальцев, парень, казалось, не заметил этого.

Лексу это не понравилось.

Что-то должно было произойти.

Что-то ужасное.

А затем, как будто закусочная знала, что он ожидал этого, вуду люди медленно повернули головы. Все они уставились на Лекса и Су-Ли своими блестящими глазами-пуговицами.

— К чёрту всё это, — сказал Лекс.

Он повернулся к ним спиной и подошёл к зеркальным окнам. Протянув руку, он прижал кончики пальцев к стеклу и увидел, что они остановились на стекле. И всё же, хотя он видел, как они остановились, он чувствовал, что дверь, которую он не мог видеть, сдвинулась на дюйм или два.

Послышался шорох, и он заметил, что все посетители поднялись на ноги.

Они шли толпой.

Он бросил ещё один взгляд назад, и да, они действительно приближались... только все они были в огне. Не просто горели, а плавилась, как восковые манекены. Глаза дымились и пузырились, сочась из глазниц. Носы и губы сползли с лиц. Лица превратились в черепа, блестящие от плавящейся восковой плоти, а волосы пылали, как горящие парики.

Вонь была невыносимой.

Лекс толкнул дверь и вышел в ночь, волоча за собой Су-Ли. Он двигался быстро и не останавливался, пока они не оказались на улице. Затем он осмелился обернуться, ожидая увидеть толпу пуговицеглазых людей.

Но там ничего не было.

В закусочной было темно. Не было никаких признаков того, что что-то произошло. Он подошёл к зеркальным окнам. Сложив ладони рупором, он заглянул внутрь.

Забегаловка была совершенно пуста.

— Это просто безумие, — сказал он.

Затем снова зазвучала сирена.

12

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Казалось, что по коже Чазза ползают тысячи крошечных насекомых, взбирающихся по рукам и ногам вверх по спине. Ощущение было настолько реальным, что он царапал кожу до боли. Но жуков не было, был только страх.

Он наблюдал за Одноногой Леди.

Теперь она остановилась посреди улицы. Просто стояла, не двигаясь и ничего не делая. Он внимательно посмотрел на неё и понял, что она стала неживой. Теперь она была просто куклой. Она была не более живой, чем манекен в витрине магазина.

И что теперь?

На самом деле ему хотелось, чтобы она двигалась. По крайней мере, он знал, что она задумала. Как будто она поджидала его там, строила планы, пытаясь поднять его тревогу и опасения на новый уровень. Если это так, то у неё это очень хорошо получалось.

Сейчас самое время уйти, сделать что-нибудь, но он был так же неподвижен, как и она.

Она ждала.

Он ждал.

Он и сам не знал чего, просто в глубине души он был слишком напуган, чтобы двигаться. И снова он пожалел, что рядом нет Рамоны.

Ему хотелось, чтобы рядом кто-то был.

Ему никогда не удавалось побыть одному. Даже в детстве он был не из тех, кто развлекался, строя модели автомобилей, читая комиксы или играя в видеоигры. Он был социальным существом (ему нравилось так думать) и нуждался в других людях. Правда заключалась в том, что ему нужны были люди, чтобы оправдать своё существование, люди, которые восхищались бы им и его атлетической грацией, его приятной внешностью и непринужденными манерами. Он нуждался в поклонении. В одиночестве он чувствовал себя неуверенно. Сам по себе он, казалось, не существовал или был на грани исчезновения.

И прямо сейчас он думал, что теряет рассудок, и некому было его переубедить.

Выбирайся отсюда, придурок. Обрати через окно и иди искать остальных. Делай то, что у тебя получается лучше всего: беги, футболист.

И он знал, что именно это нужно сделать. Он почти слышал, как тренер кричит на него, мотивируя, подгоняя, говоря, что у него есть способности и навыки, но ему не хватает мотивации.

О, он был прав, чертовски прав...

Сирена.

Как и Рамоне, она напомнила ему о каком-то первобытном звере, вылезающем из мезозойского озера и вопящем от ярости и голода. Она прошла прямо по позвоночнику и, казалось, заставила пломбы в его коренных зубах заболеть. Стекла задребезжали. Мир эхом отозвался на этот зловещий гул. Затем, примерно в тот момент, когда он чуть не закричал от её звука, она оборвалась и исчезла вдали.

В тот самый момент, словно по сигналу, он почувствовал, как что-то скользнуло по его ботинку, и пнул существо ногой. Он решил, что это мышь. Он не любил ползучих маленьких пушистых тварей, но большинство его старых страхов теперь казались ему второстепенными. Чёртова мышь. Ну и что? Он легко мог бы жить с мышами.

Потом она начала ползти вверх по его ноге.

Это была не мышь.

Это была крыса.

С криком он согнулся и почувствовал, как его рука коснулась жирной шкуры, которая, казалось, кишела паразитами. Проклятая тварь не была крысой из низшей лиги, это было чудовище размером с кошку, и если он сомневался в её намерениях раньше, то перестал, когда она укусила его в ногу, принесла горячую, колющую боль в икру.

Чазз ухватился за неё, сжимая толстый хвост, который извивался в его руке, как особенно противная змея. Он оторвал крысу от своих штанов, чувствуя, как её когти рвут ткань, пытаясь удержаться. Затем он начал раскачивать крысу за хвост, наслаждаясь властью над ней. Набрал необходимую скорость, он отпустил её.

Она ударилась о залитую лунным светом стену с силой достаточной расплющить её. Но

не было ни пятнышка крови. На самом деле, когда она ударилась о стену, она просто разлетелась... разлетелась на куски.

Чазз издал приглушённый крик.

Она была не настоящая. Как и всё в этом месте.

В лунном свете он разглядел её на полу. Голова была безволосой, как у опоссума. Будучи отделённой от тела, челюсти всё ещё пытались укусить. Две лапки отвалились, но продолжали двигаться, всё ещё пытаясь вцепиться когтями. Но самое ужасное заключалось в том, что он мог видеть, как вращаются шестерни внутри неё, валы и пружины.

Этому дерьму не было конца.

Крыса была похожа на заводную игрушку.

И как только это осело в мозгу Чазза, подталкивая его всё ближе к полному безумию, он услышал другой звук.

Скрип, скрип.

Он огляделся по сторонам. Должно быть это была Одноногая Леди... но нет, выглянув в окно, он увидел, что её уже нет на улице. Он нигде её не видел.

Скрип, скрип, скрип.

И кроме того, этот звук доносился рядом с ним.

В комнате он различил смутную фигуру. Она сидела в кресле-качалке, раскачиваясь взад-вперёд, взад-вперёд.

Скрип, скрип, скрип.

— Кто... кто там?

И женский голос, хриплый и задыхающийся, произнёс: "Это я, куколка. И я здесь уже очень, очень давно."

Женщина, ещё одна женщина-манекен.

Он чуть не начал истерически хихикать при одной мысли об этом.

— Держись от меня подальше! Только подойди ко мне, и я убью тебя!

Она захихикала.

— О, тебе не стоит беспокоиться обо мне, куколка. Старая леди хочет повидаться с тобой. Одноногая леди. Ей нужно твоё сердце. У тебя доброе, сильное сердце, а у неё его совсем нет. Поэтому ей нужно твоё.

— ДА ПОШЛА ТЫ! — крикнул Чазз.

Стул перестал скрипеть.

— Как скажешь, куколка.

Женщина уже поднялась со стула и приближалась с тем же щёлкающим звуком, что и сторбленный человек. Она двигалась неуклюжей походкой, болезненно и медленно, как будто одна нога была длиннее другой. Он видел, как она протягивает к нему свои острые пальцы, длинные волосы развевались из стороны в сторону в такт её движению.

С криком Чазз побежал к двери.

Он едва успел. Она запустила пальцы в его волосы, а потом он захлопнул дверь за собой и услышал, как её ногти царапают с другой стороны, как будто это были вовсе не ногти, а когти.

На двери был замок, и он воспользовался им.

Она продолжала царапать другую сторону.

— Когда я найду тебя, куколка, я тебя трахну.

Чазз оттолкнулся от двери, по его коже снова побежали мурашки.

Он споткнулся о стул и упал в лужу лунного света, отчего его пальцы стали пепельными и почти фосфоресцирующими, как лепестки ночных орхидей. Он дрожал, пускал слюни, стучал зубами. Слезы текли из его глаз, и он не мог собрать свои мысли воедино.

Перед ним была лестница, ведущая на второй этаж.

Когда он пришёл в себя, он подумывал о том, чтобы пойти туда и спрятаться в комнате, но нет, он не мог вынести мысли о том, что находится в том же доме, что и эта тварь. Нет, он должен бежать. Ему нужно было бежать. Ему нужно было как-то дистанцироваться от этого места.

Именно это он и собирался сделать.

Потом он увидел, как что-то спускается по лестнице, какой-то гигантский длинноногий паук. Оно заметило его и решило, что он — его добыча.

Цок-цок-цок-цок, ступали его многочисленные лапки.

Чазз пополз к двери, стукнулся об неё, и с другой стороны раздался голос: “Теперь делай выбор, куколка... я или оно.”

13

Мир Даниэль словно сжался.

Он стал тесным и душным, как маленький чёрный ящик. Состоял из этих улиц и зданий, переулков и домов, всех мелких деталей, которые составляли город под названием Стокс, который, как она знала, существовал только в кошмарах и, возможно, на самом краю ада.

Она задышалась.

Ожидая у окна какого-то безымянного магазина, она задышалась. Крип стоял рядом, нервный, взволнованный, двигаясь туда-сюда, не в силах усидеть на месте. Лекс и Су-Ли стояли на улице, боязливо оглядываясь на тёмную закускую. Они вошли, а потом вышли. Должно быть, они выключили свет после того, как ушли.

Даниэль пришлось напрячь всё своё тело, чтобы сделать вдох.

Ей даже пришлось приподняться, чтобы набрать воздуха в лёгкие. Когда она попыталась сказать об этом Крипу, она не смогла вымолвить и слова.

Здесь что-то было не так.

Что-то плохое.

Воздух исчез. Ей нужно было найти место, где есть воздух, иначе она задохнётся. Она пошла, спотыкаясь, в том направлении, откуда они пришли.

— Эй, — сказал Крип. “Что ты делаешь?”

Он протянул руку, чтобы схватить её, но она оттолкнула его и побежала. Задыхаясь, ища воздух, которым можно было бы дышать, она побежала по улице и завернула за угол, и чем быстрее она шла, тем лучше был воздух, пока она не перестала задышаться.

Крип бежал за ней, выкрикивая её имя, требуя объяснений, что, чёрт возьми, она делает, и, о, если бы у неё было время, она сказала бы ему, и тогда он бы понял.

Она завернула за угол и увидела, что там кто-то стоит.

Это был мужчина. Большой мужчина.

Он двигался со щелчками и жужжанием шестерёнок.

Даниэль резко остановилась в нескольких дюймах от него, отчаянно пятясь назад. Лунный свет показал ей, что на самом деле это был не человек, а ещё одна кукла, которая только выглядела как человек. Он улыбался ей, и она увидела, что у него есть зубы.

— Это ты, куколка? — спросил он.

У неё было достаточно времени, чтобы издать тихий крик, когда что-то ударило её по голове, от удара она упала на колени, а затем на тротуар, и провалилась во тьму.

14

Чёртова идиотка.

Вот что пришло в голову Крипу, когда он погнался за Даниэлой, которая оказалась на удивление быстрой и проворной. У неё были длинные, как у газели, ноги, и он решил, что она какая-то спортсменка, раз так набирает скорость. Бегунья или футболистка. Может быть, она играла в лакросс и занималась плаванием, как Рамона, или гоняла на горных велосипедах, как Су-Ли. Как бы то ни было, эта девушка была в хорошей форме.

А для Крипа, чей основной вид спорта состоял из марафонских забегов в Resident Evil она была недостижима.

Он окликнул Лекса и Су-Ли, но они уже были в пути.

Блин, это было просто здорово. Как будто у них не было других проблем, таких как остаться в живых и сохранить рассудок, теперь они должны были нянчиться ещё и с этой психованной шгучкой.

Он видел, как она исчезла за углом, и, чёрт возьми, она даже не замедлилась. Она свернула с невероятной грацией, не имея которой Крип бы просто упал на задницу и свернул лодыжку впридачу.

Наконец он добрался до угла, но ему пришлось сбавить скорость, и даже тогда, он чуть не споткнулся о собственные ноги, как старая обезьяна.

Лекс и Су-Ли догоняли его.

У него было предчувствие, что они настигнут его в любую секунду.

Он увидел Даниэль за другим углом, и к этому моменту он начал думать, что она даже не была грёбаным человеком. Он был готов сдаться, покончить со всем этим, но что-то подталкивало его вперёд. Он не был самым храбрым парнем в мире — за пределами X-box 360, где он был почти легендой, — но он знал, что если он не остановит её, с Даниэль случится что-то действительно плохое. Что-то, что уже могло случиться с Чаззом и с Рамоной.

Он появился из-за угла как раз в тот момент, когда Даниэль резко затормозила, словно бегущая антилопа гну, которая только что врезалась в голодного льва.

Только в этом случае лев был бы предпочтительнее.

Крип увидел кукольного человека и тоже остановился. Этот парень — что бы это ни было — был огромным, возвышался над ней, как кладбищенский ангел. На нём было огромное тёмное пальто, похожее на тлеющий брезент. Он проковылял ближе к ней, размашистой походкой из стороны в сторону, волоча за собой одну ногу. Его лицо походило на маску ужаса, сделанную из бледно-серой мешковины, но всё же это была плоть, потому что, когда он заговорил, тонкогубый, кривой рот зашевелился, как будто мышцы под ним были в движении.

Крип услышал, что он сказал: "Это ты, куколка?"

Затем он взмахнул тем, что держал в узкой руке с длинными пальцами... топором. Лезвие вошло Даниэль прямо в макушку, расколов её голову, как тыкву. Крипа обдало брызгами крови и мозгов, и он упал на колени с застывшим криком.

Неуклюжая тварь направилась в его сторону, перешагивая через всё ещё содрогающееся тело Даниэль.

Крип просто ждал этого.

Он был безмолвен и ошеломлён, его рот отвис, пальцы размазывали кровь и серое вещество на лице, которое имело консистенцию желе от консервированной ветчины. Он оцепенел и застыл на месте. Ему показалось, что его собственная кровь прилила к ногам, и он чуть не упал лицом на тротуар.

В лунном свете лицо человека с топором казалось почти светящимся.

Из его уродливой головы торчали пучки седых волос, само лицо было покрыто шрамами и швами, одна пустая глазница располагалась ниже другой, и обе были заполнены бездонной чернотой. У него не было носа, а рот был искажён швом стягивающим его.

И снова Крипу показалось, что это маска... но когда существо приблизилось к нему, оно криво ухмыльнулось.

— Это ты, куколка? — спросило оно, поднимая топор для удара. С лезвия стекала кровь. К нему также прилипли ткани и волосы.

Крип ждал этого, но Лекс схватил его и потащил прочь, наполовину волоча, наполовину унося за пределы досягаемости монстра.

— Беги! — крикнула Су-Ли. — Беги!

Она вела их, и Крип, поднявшись на ноги, побежал рядом с Лексом, внезапно почувствовав, что мог бы пробежать десять миль, если бы это было необходимо. Страх и ужас придали ему сил, и он пустил их в ход.

За ними следовал человек с топором.

15

В задумчивой тишине Рамона двинулась по тротуару, изо всех сил стараясь держаться подальше от тени, отбрасываемой навесами над витринами магазинов. Все они были полосатыми. Старинными, абсолютно не к месту и не ко времени, как и весь этот чёртов город.

Это место было ящиком, большим чёрным ящиком, но должен быть ключ, который открывал его, если только она могла найти его и узнать, что это такое.

Снова прозвучала сирена, и это была настоящая беда.

В последний раз, когда она звучала, сгорбленный человек ожил, а другая тварь в микроавтобусе напала на Чазза, бедного, никчёмного Чазза. По её мнению, это означало, что если вокруг были другие люди-манекены, то сирена, вероятно, активировала их.

У неё не было никаких реальных доказательств, но она верила в это.

А сейчас она должна найти остальных.

Они должны были быть где-то рядом. Но это было лишь полбеды. Казалось, что все улицы похожи друг на друга. Деловые кварталы были как бы повторением друг друга, как и жилые кварталы. Она могла поклясться, что видела одни и те же витрины, одни и те же дома снова и снова. Конечно, это было невозможно, потому что она двигалась по прямой, но ощущение дежавю не покидало её.

Оно не только не покидало её, но и преследовало.

Она остановилась под одним из таких же полосатых навесов, пытаясь разобраться в происходящем. Да, реальность здесь была искажена, но должна подчиняться каким-то

законам.

О, прекрати пытаться, блядь, всё рационализировать. Неужели тебе всё это не надоело?

Но она этого не сделала, потому что была именно такой. Она провела всю свою жизнь в поисках знаков и предзнаменований, систематики и механизмов, стоящих за совершенно обычными событиями. Возьмём, к примеру, Чазза. Она уже давно знала, что он спит с другими девушками, но не бросила его. Она даже не затронула эту тему и не опустилась до его уровня, как многие другие женщины, и не стала спать с кем попало. Нет, только не она. Она искала намёки и подсказки в разговорах и повседневной жизни с ним, которые должны были подсказать ей, что она сделала не так, и всячески избегала любых изменений в их отношениях, которые привели бы серьёзным проблемам.

И Рамона делала то же самое сейчас.

Она ждала, покуривая сигарету, зная, что должна бросить курить до начала купального сезона... но сегодня была не та ночь.

Она думала о сирене. Она знала, что звук доносился с востока и ей очень хотелось проследить его источник, потому что глубоко внутри она чувствовала, что если она сможет отключить сирену, то весь кошмар закончится.

Но это было глупо и опасно.

Разумнее всего было прекратить поиски и вернуться туда, где стоял микроавтобус. Это был вход в этот сумасшедший дом и, вероятно, путь к спасению.

Она повернулась и пошла быстрее в том направлении, откуда пришла.

Те же витрины, те же дома, всё то же самое.

Она шла, шла и шла, и казалось, что всё ещё не приблизилась к тому месту, откуда прибыла изначально.

Чушь собачья, всё это чушь собачья, всё это дешёвая грёбаная игра, а этот город — не что иное, как дешёвый грёбанный карнавал. Вот и всё.

Она пошла быстрее, отказываясь смириться с мрачной неизбежностью того, что с таким же успехом могла бы бежать по беговой дорожке. Те же витрины, те же дома, те же деревья, те же бульвары... Боже, это продолжалось и продолжалось.

Но и Рамона не сдавалась.

Она была упряма и никогда не сдастся. Не будет побеждена этим кошмаром. Она истощит его, пока он просто не выдохнется и барьеры не истончатся... тогда она выйдет и будет свободна.

Но вдруг у неё перехватило дыхание.

Испуганная, но в основном злая и раздражённая всем происходящим, она остановилась, задумавшись. Должен же быть какой-то выход. Господи, она уже начинала чувствовать себя хомячком, бегающим в колесе.

Поскольку движение вперёд абсолютно ни к чему её не привело, она изменила тактику. Она двигалась совершенно инстинктивно. Сначала направилась в одну сторону, повернулась в другую и пошла по проспекту, потом по улице, потом по бульвару. Её движения были бессистемными. Она не думала о том, куда идёт, она просто делала это, руководствуясь чисто животным инстинктом. Если и существует кто-то управляющий этим кошмаром, он должен себя проявить.

Она шла всё быстрее и быстрее, прислушиваясь к тому, как эхо её шагов отражается от стен домов.

Затем она остановилась как вкопанная, понимая, что что-о произошло.

Прислушайся

Хоть Рамона и стояла неподвижно, она всё ещё слышала шаги.

Она обернулась, но там никого не было... по крайней мере, она никого не заметила. Лишь звук множества шлёпающих босых ног.

Она услышала тихий шёпот.

Что-то похожее на хихиканье ребёнка.

Она почувствовала, как тонкие волоски на затылке встали дыбом, а по коже головы пробежал холодок. Её преследовали существа, которых она не могла видеть, но они приближались.

Должно быть, сработало, я утомила кукловода, и он решил ускорить процесс.

Но в этом не было никакого удовлетворения, потому что она боялась этих тварей. Они пришли за ней. Шёпот становился всё громче, пока не стали различимы голоса дюжины детей, бормочущих с низким и жутким шипением, которое, казалось, эхом отдавалось в её черепе.

Она побежала.

Она бежала так быстро, как только могла, и каждый раз, когда она останавливалась, казалось, что они были ещё ближе. Они собирались довести её до полного изнеможения. Проходя мимо витрин магазинов, она ясно видела, как манекены поворачивают головы и наблюдают за её продвижением. Наконец она остановилась и обернулась.

— Покажитесь уже, — сказала она, и её гнев пересилил страх.

Один из них вышел из тени. Маленькая девочка со спутанной копной светлых волос, лицом цвета инея и покрытым паутиной трещин, её глаза, похожие на рваные дыры, смотрели в никуда. От груди до бёдер, она была вскрыта, как будто на неё не хватило материи. Внутри... ничего не было. Просто узкий металлический каркас.

Никакой электроники.

Ничто не могло привести её в движение, но она двигалась, она была жива. Рамона рассмеялась. Должно быть, она совсем спятила.

— Это Рамона, — сказала девушка пронзительным, скрипучим голосом. — Рамона, Рамона, Рамона, Рамона.

Теперь начали появляться и другие, выходя, чтобы выкрикнуть её имя.

Их были десятки.

Многие из них были незакончены, их головы раскачивались как распухшие поганки при сильном ветре. Армия Тряпичных Энн из ада, лица вылеплены из папье-маше, но ухмылялись и двигались, как живая плоть. Чучела, сделанные из потрескавшейся древесины и сухой гнили, пугала с трубчатыми ногами и ветвями деревьев вместо рук. У одних не хватало конечностей, а у других — голов. Один из них был не более чем ходячим каркасом, другой — треснувшая безволосая голова, соединённая с ногами одним лишь столбом позвоночника.

Они звали её по имени, нащёптывали его, казалось, им нравилось его звучание: "*Рамона, Рамона, Рамона, Рамона*", — их песня набирала громкость и интенсивность, пока не превращалась в пронзительную какофонию: "*Рамона, Рамона, Рамона, Рамона, Рамона...*"

Рамона не смогла больше выносить этого и выплеснула свой ужас в высокий, скулящий крик. Она отшатнулась от кукол, спотыкаясь о собственные ноги, посеребрённые бледным

лунным светом.

Они приближались, хотели добраться до неё.

Один из них бросил свою голову. Она покатилась, как мяч, оранжевые пряди рассыпались по цементу. Голова остановилась и посмотрела прямо на Рамону пустыми глазницами, которые ничего не видели. Пасть открылась и раздался крик, пародия на её собственный, поднимаясь всё выше с каждым пронзительным воплем.

Рамона, как никогда близкая к безумию, упала на колени, её кожа покрылась мурашками, а разум засосало в какую-то чёрную пропасть детского ужаса. Последняя разумная взрослая мысль прорвалась сквозь неё как путеводный маяк, и она закричала: "Я НЕ ВЕРЮ В ВАС! ВЫ НЕ НАСТОЯЩИЕ! ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? ВЫ НЕ НАСТОЯЩИЕ!"

Но они продолжали приближаться.

Она знала, что есть лишь один выход. Есть только один способ разрушить чары безумия. Инстинкт предостерегал её от этого, но разум требовал этого, потому что если она не будет бороться с ними здесь и сейчас, не подавит эту галлюцинацию, то она никогда, никогда не прекратится, пока не сведёт её с ума.

С криком ярости она бросилась на них, прыгнув прямо в их толпу, и почувствовала, как их холодные маленькие пальчики царапают её лицо, а рты впиваются в её руки, но это не замедлило её. Она отбивалась, царапалась, лягалась, сбивала их с ног.

Улица была усеяна кукольными частями — головами и руками, туловищами, ногами и кистями, спутанными веревками и шестерёнками... внутренностями этих существ. Она знала, что била их не так сильно. Не настолько сильно, чтобы разнести их на части.

Но они и так были разломаны.

Она попятилась назад, ожидая, что они снова соберутся вместе, как это сделала женщина-манекен. Но они были всего лишь обломками, инертными и неживыми. Выглядело так, словно кто-то выбросил поломанные игрушки из кукольного магазина.

Видишь? Они не могут быть живыми, лишь дерево и воск, стальные стержни и мешковина, пластик и папье-маше, клей и резиновые шланги и шестерни... разве ты не видишь? Ты что, блядь, не понимаешь?

Она покачала головой, потому что чертовски хорошо знала, что это не так. Может быть, теперь они были грудой обломков. Может быть, они никогда не были ничем, кроме деталей. Но что-то в этом кошмарном городе, расположившемся на границе грёбаного ада, управляло ими. Оно оживляло их, заставляло дышать, заставляло их ходить и делать всё что ему угодно. Возможно, оно не наделяло их душой, но пробуждало что-то внутри них... что-то невероятно злое. Она видела, как оно пряталось в темноте их глаз, безымянная чёрная движущая сила.

Так что, может быть, сейчас они и были всего лишь частями тела, но это могло измениться в мгновение ока. Машина тоже была всего лишь грудой железа, пока кто-нибудь не сядил за руль и не заводил её.

Стараясь не заплакать, стараясь не поддаться безумию, её трясло до тех пор, пока не она упала на задницу, тяжело дыша и всхлипывая. Её лицо было исцарапано, руки искусаны, рубашка разорвана острыми маленькими пальцами.

Они были реальны и в то же время нет.

Немного успокоившись, она села, пытаясь придумать как добраться до безопасного места. Но её разум и тело были совершенно не синхронизированы.

— Просто возьми себя в руки, — сказала она себе очень успокаивающим и почти материнским голосом.

Рамона так и сделала. Она поднялась на ноги, и голова у неё не закружилась. Встревожена, да, но уже переборола бешеный страх внутри себя. Она напрягла мышцы и постаралась избавиться от боли в шее. Она была готова. Боже, да, она была готова, как никогда.

И это было хорошо.

Потому что кукольные части начали двигаться.

16

Цок-цок, цок-цок, цок-цок.

Чазз увидел силуэт огромной твари с множеством ног.

Но, конечно, это был не паук.

В Стоксе было много ужасов, но гигантских паукообразных среди них не было. В лунном свете, заливавшем лестницу, он видел ноги... казалось, десятки ног манекенов спускались к нему. На самом деле их было так много, что они не только стояли на ступенях, но и стучали по стенам лестницы, а некоторые даже скользили вниз по перилам.

Вот что он увидел.

Его кровь мгновенно похолодела, а дыхание скрежетало в горле. Пот выступил у него на лице, и он испытал совершенно безумное желание начать хихикать.

Ноги, ноги, ноги, так чертовски много ног... они должны быть связаны с чем-то.

Вот чего он боялся больше всего на свете. Это пугало его больше, чем то, что находилось за дверью и рвалось наружу. Все эти ноги... они всё приближались и приближались, и он ясно видел шаровые шарниры на коленях и что-то выше, какое-то тело, и он не хотел этого видеть.

Пока ноги продолжали спуск, Чазз перешёл на неуклюжий, спотыкающийся бег, срезая путь по тёмному коридору, где, он был уверен, его будут ждать другие кошмары. Он увидел дверь. Он схватился за ручку двери и распахнул ее. На него пахло горячим, испорченным дыханием темноты.

Это был просто шкаф.

И всё же... всё же он видел, что это было нечто большее. Нет, это был гроб. Продолговатая коробка, как в старом фильме ужасов, и он держал крышку в руке, как расхититель могил, роющийся в старых гробницах в поисках обручальных колец и драгоценностей.

Он попытался отпустить её, но не смог.

Его рука была прикована к крышке.

И какая бы тёмная алхимия и безумное колдовство ни стояли за этим, он был бессилен. Он попытался выдернуть руку изо всех сил, потому что это было не только плохо само по себе, но делало его лёгкой добычей для той твари с сотней ног. Когда он попробовал сделать это во второй раз — абсолютно обезумевший, с остекленевшими глазами и пеной бешеного пса на губах — он чуть не сломал руку.

— Отстань от меня! Отстань от меня! Пожалуйста, отстань от меня!

Но она не отпускала его.

Внутри шкафа, который не был шкафом, он увидел тело в черном погребальном платье, свисающее на петле как пальто на вешалке. Только это было не просто тело, не просто женщина... *Даниэль*. Да, Даниэль переделанная в марионетку, куклу. У неё отсутствовали

своими многочисленными сосущими ртами, а затем изрыгает то, что осталось, как шелуху. Он видел, как она мучает своих врагов — выдувает их барабанные перепонки своим визгливым голосом и вставляет крючки в ноздри, как египетские бальзамировщики, вытягивая их мозги по кусочкам. Как оно чуть не дрожит от оргазма, когда жертва пытается убежать, а оно хватается её тысячью извивающихся кукольных частей.

Тварь хотела, чтобы он узрел её.

Она также хотела, чтобы он познал её жестокость, и потому показала ему это.

Чазз не мог больше терпеть. Крича, он отбежал от двери и бросился прямо к окну. Оно разлетелось вдребезги, и он упал на землю, осыпанный дождем осколков стекла.

Истекая кровью, весь в синяках, с мыслями, скачущими в черепе, как пули, он убежал в ночь, прежде чем оно успело добраться до него.

Но он понимал, что это неизбежно.

17

Когда дверь закрылась, Лекс опустился на колени, пытаясь убедить себя, что ничего этого не видел. Он пытался убедить себя, что всё это не более реально, чем то, что он и Су-Ли видели в закусочной. Но он в это не верил, потому что Даниэль была убита, и это не было фантазией. Он видел это. Это было реально.

Или нет?

Это был один из вопросов, которые не давали ему покоя. Был ли этот образ заложен в их головы?

Он стоял на коленях, просто дыша, слушая, как Крип и Су-Ли делают то же самое. Ни один из них не сказал ни слова с тех пор, как Даниэль была убита, и у него было такое чувство, что они никогда не заговорят, пока он этого не сделает.

Во рту у него был ужасный привкус ржавчины. Он никогда раньше не чувствовал ничего подобного и был почти уверен, что это был вкус страха, сочетание химических веществ, выделяемых организмом во время невероятного стресса. Своего рода адреналиновый/гормональный/феромонный/эндорфиновый коктейль, и это был его побочный эффект, тошнотворный аромат.

Он собирался сказать об этом остальным, но не осмелился.

Он просто не осмелился.

Его кожа была жирной от пота, который стекал по волосам и щипал глаза. Он был измотан. Они все были измучены... но мысль об отдыхе была абсурдной. В пещере тигра-людоеда не вздремнёшь, а там, где они сейчас, без сомнения, гораздо опаснее.

— Думаю, пока мы в безопасности, — наконец сказал он.

В полумраке дома Крип только кивнул головой.

— Даниэль мертва. Она... мертва, чувак.

— Мы ничего не могли сделать, — сказала Су-Ли.

— Чазз не должен был привозить нас сюда.

Лекс вздохнул.

— Крип... это не вина Чазза.

— Он выбрал грёбаный короткий путь.

— Это не имеет к нему никакого отношения. Я не знаю, кто стоит за этим, но кто бы они ни были, именно они всё подстроили. Нас привели сюда с определённой целью.

— Убить?

Лекс только покачал головой.

— Даже не знаю. Никто из нас ничего не узнает, пока мы не перестанем бегать и не начнем думать. — он изучал их лица в тени. “Всё это место — своего рода имитация. Это не настоящий город. Это либо проекция одного из них, либо какая-то... физическая галлюцинация.”

— По-моему, это не галлюцинация, — сказал Крип.

— Это реальность, но кто-то её контролирует. Когда они остановятся, кошмар прекратится.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю, это чистая интуиция, и пока этого должно быть достаточно. Если, конечно, у тебя нет лучшего объяснения.

У Крипа не было.

— Значит, ты считаешь, что это место — своего рода временная петля или альтернативная реальность?

— Возможно. Я не знаю.

— Я заметила это с самого начала, — сказала Су-Ли. — Всё выглядело таким... искусственным. Помню, я подумала, что это похоже на съемочную площадку, на представление какого-то режиссёра о том, как должен выглядеть маленький городок. Всё выглядело слишком... идеально.

— Как воспоминание о маленьком городке, увиденном сквозь розовые очки. Не настоящий город, а ностальгический, слишком хороший, чтобы быть настоящим городом.

— Да, как декорация, — сказала Су-Ли.

— Я подумал то же самое, когда мы вошли в ту закусочную — шаблонная закусочная из старых фильмов и телешоу, картин Рокуэлла и открыток. Всё было прекрасно, как и сам город. — он всё обдумал и почувствовал, что это ключ к разгадке. — Я имею в виду, чёрт возьми, нет даже трещин на тротуарах или сорняков во дворах. Ничего такого, что могло бы нарушить идеальный баланс.

— И что это значит? — спросил Крип.

— Это значит, — сказала Су-Ли, — что, как бы странно это ни звучало, мы словно попали в чей-то сон или воспоминание о городе. Не настоящий Стокс, а такой, каким кто-то хотел его видеть или представлял себе в воображении.

— Ладно, теперь я ещё больше напуган, — сказал Крип.

Лекс рассказал ему, как всё изменилось, когда они оказались в закусочной и отказались принять предложенную им реальность. Она стала темнее и грязнее, отвратительным местом, полным трупов, крыс и мух.

— Похоже, наше неверие кого-то разозлило. О, тебе это не нравится? Я могу сделать намного хуже.

— Вот тогда дверь и исчезла, — сказала Су-Ли.

— Да, именно так. Этот кукловод, о котором мы говорим, изменил внешний вид закусочной, но это не помешало нам сбежать. Дверь исчезла, но она всё ещё была там. Мы прошли сквозь неё, хоть и не видели. Так что у его власти есть предел.

Наконец-то до Крипа дошло. Он сел. В темноте его глаза казались ещё ярче.

— Это значит, что если мы найдем место, откуда пришли, то сможем выбраться. Может быть, мы и не видим дороги, но она, скорее всего, существует.

— Возможно.

Су-Ли кивнула.

— Но найти дорогу назад будет проблематично. Этот город — настоящий лабиринт, и я думаю, мы все это заметили. Не думаю, что нам позволят её найти. Кукловод направит на нас ещё больше кукольных людей. Всё, что угодно, лишь бы не дать нам сбежать.

— Но если бы мы могли туда добраться.

— Даже если мы туда доберёмся, мы можем этого и не узнать, — сказала она.

— Я думаю, всё, что мы делали с момента аварии и до прибытия сюда, было тщательно спланировано, — сказал им Лекс. “Мы там, где оно хочет, чтобы мы были. Оно натравило на нас ту тварь, и когда мы от неё убегали предложило убежище — этот дом. Мы должны действовать, а не реагировать. Если не возьмём на себя ответственность за нашу судьбу, кукловод уничтожит нас, а потом отдаст на растерзание тем куклам.”

— Так когда же мы начнём действовать? — спросил Крип.

— Когда оно предпримет что-нибудь ещё, — сказала Су-Ли. “Мы можем покинуть этот дом прямо сейчас. Мы можем бегать кругами, но в конце концов мы снова будем просто реагировать. Что нам нужно сделать, так это дождаться его следующего шага, и как-то переиграть его. Это был бы первый шаг, я думаю.”

— Как вы думаете, когда это случится? — спросил Крип.

— С минуты на минуту, — сказала Су-Ли. “Я почти чувствую, как это начинается.”

18

Крип не знал, что и думать о них. Всегда казалось, что Лекс и Су-Ли были на одной волне и могли легко общаться без слов. Но он не разделял их оптимизма и считал, что их безрассудные теории приведут их всех лишь к смерти.

Он встал и подошёл к окну.

Он ничего не видел, но это ничего не значило.

Его внутренности сжались в комок в ожидании sireны или чего-то подобного. Су-Ли сказала, что это вот-вот произойдёт, и он несколько в этом не сомневался. Единственное, что его пугало, — какую форму оно примет.

— Интересно, живы ли ещё Рамона и Чазз, — сказал он.

— Если кто и остался в живых, так это Рамона, — сказала Су-Ли. — Она, наверно сейчас ищет нас.

— И Чазза убить будет нелегко.

Крипу было наплевать на Чазза. Он не хотел его смерти, но все его мысли были о Рамоне.

Они находились в гостиной дома, который выглядел почти так же, как и все дома в квартале. Обычный дощатый двухэтажный домик. Они ещё не поднимались наверх и не спускались в подвал, и не было смысла рыскать там в поисках неприятностей.

Неприятности сами найдут нас и без всякой помощи.

Он достал зажигалку и щёлкнул ею, прыгающее пламя осветило комнату и дало ему возможность взглянуть на обстановку. Ничего необычного: диван, два кресла с откидными спинками и лампами рядом. Кофейный столик. Книжный шкаф. Большая старая стереосистема. И телевизор, как будто с музея, на четырех ножках, с выпирающими переключателями каналов и громкости, с выпуклым экраном и рожками антенн.

Пламя зажигалки начало жечь ему пальцы, и он выключил её.

— Заметили, какое всё старое? Одно лишь дерьмо динозавра, — сказал он. — Нет ничего новее 1960-х, ни мобильных, ни компьютеров. Даже видеомэгафона нет.

— Всё сходится, — сказал Лекс. — Образ старых добрых 60-ых. Бьюсь об заклад, если ты подойдёшь к книжной полке, то не увидишь ничего выпущенного после 1965 года. Просто предположение.

Крип так и сделал. Он щёлкнул зажигалкой.

— Чёртова куча обзорных книг от "Ридерз Дайджест". Посмотрим... *Убить пересмешника...* *Агония и Экстаз...* *Фрэнни и Зуи*. Ну и старое дерьмо. То, что нас заставляли читать на уроках английского.

— Мне нравится *Убить пересмешника*, — сказала Су-Ли.

Лекс хмыкнул.

— Мне пришлось читать *Фрэнни и Зуи* в десятом классе. Наш учитель был одержим Сэлинджером.

— Разве не все учителя литературы одержимы им? — сказала Су-Ли.

— Большинство, за исключением моего учителя английского в одиннадцатом классе. Мистер Сприг. Он был большим поклонником Фолкнера. Одно упоминание имени Фолкнера вызывает у меня нарколепсию.

Крип не обращал на них внимания. Он не был заинтересован в обсуждении грёбаных книг. Больше всего его заинтриговал старый телевизор. Ему очень хотелось разобрать его и добраться до трубок. Когда он был ребёнком, его дядя Фрэнк коллекционировал старинные телевизоры, и у него была удивительная коллекция старых трубок. Крипу нравилось смотреть на них. Ему хотелось вскрыть этот и рыться в его внутренностях, пока он не найдёт эти трубки, как ныряльщик, вскрывающий устриц в поисках жемчужин.

Мир многое потерял, когда изобрели микросхемы, подумал он. Есть что-то такое в старых вакуумных трубках.

Что было вполне приемлемо для такого технаря, как он.

В темноте он неотрывно смотрел на мутные очертания телевизора, и самое странное было то, что он, казалось, не мог отвести взгляд. Он знал, что они были в трудном положении, действительно ужасной ситуации, но его глаза были прикованы к выключенному телевизору, и он не мог думать ни о чём другом.

Это было странно.

Это было более чем странно.

Перед его мысленным взором возникали чёрно-белые картинки передач, которые телевизор улавливал своими антеннами-рожками в старые добрые времена... зернистые, трепещущие образы вещей, которых он никогда не видел и никогда по-настоящему не хотел видеть. Мужчины курили трубки и читали газеты; женщины в фартуках трудились на кухне; дети были хорошо воспитаны и хорошо одеты. Это была эпоха, которую он не понимал. Но эти образы пленили его, и он как будто действительно смотрел в прошлое.

Что, чёрт возьми, происходит? спрашивал он себя, но в его голове не было ответов. Во всяком случае, ничего такого, что имело бы хоть какой-то смысл.

На экране появилась крошечная белая точка.

Не только Крип видел это, потому что Су-Ли ахнула.

— Какого чёрта? — сказал Лекс.

Теперь картинка исчезла из головы Крипа. Он, как и все остальные, смотрел на

крошечную белую точку в центре выпуклого экрана. Она увеличивалась. Сначала с булавку, потом с четвертак и так далее. Затем на экране появились помехи.

Никто ничего не сказал.

Су-Ли сказала ранее, что она чувствовала, как что-то начинается, и это должно было быть оно или, по крайней мере, прелюдия. На экране появилась картинка, но она всё ещё была размыта и обесцвечена. Сначала было трудно сказать, на что они смотрят, но Крип знал, что старым трубкам требовалось время, чтобы прогреться. Изображение не будет HD качества, но оно проявится.

Он ждал вместе с остальными.

Изображение улучшилось. Оно всё ещё было зернистым, но стало достаточно чётким, чтобы они могли увидеть, что происходит. Телевизор показывал семью, сидящую за обеденным столом. Судя по всему, это была семья 1950-х годов. Мать, отец и двое мальчиков оживлённо беседуют. Звуча не было, но иногда раздавался записанный смех. Когда передали горох и цыплёнка, мальчики развеселились. Они, по-видимому, придумали какую-то шутку, отчего их мать выглядела комично ошеломлённой, а отец раздражённым в стиле *Опять мальчики за своё*.

— Что-то знакомое, — сказала Су-Ли.

Лекс сглотнул.

— Да... я думаю, это *Приключения Оззи и Харриет*. Нам однажды показывали в средней школе.

— Каких это годов? — спросила Су-Ли. — Пятидесятых годы? Шестидесятых?

— Насколько я помню, оно длилось с пятидесятых по шестидесятые годы. Но их сыновья здесь маленькие, и, судя по обстановке, думаю, что этот эпизод относится к 50-ым.

— А какое это имеет значение? — спросил Крип.

— Может быть, кукловод пытается воссоздать мир до того, как что-то случилось

— Что случилось? — сказала Су-Ли.

— Трагедия. Что-то с городом или лично с ним. Я не знаю.

— Твои домыслы? — спросил Крип.

— Да, — признался Лекс.

Телешоу продолжалось, а Крип напряжённо сидел в мерцающем свете телевизора. Лица Су-Ли и Лекса были окрашены тусклым голубым сиянием. Какой в этом был смысл? Было ли это чьё-то любимое шоу или, как предположил Лекс, пародия на жизнь перед какой-то ужасной трагедией? Крипу было всё равно. Он просто хотел выбраться из города.

Камера сместилась от радостно спорящей семьи к арке позади них, которая, по-видимому, вела в стандартную гостиную 1950-х годов. Они увидели тёмно-серую фигуру, сидящую у стены. Она была призрачной и искажённой от плохо сфокусированной камеры. Перед ней стоял стол, на котором лежало тело женщины.

Крип был почти уверен, что это Даниэль.

Изображение было плохого качества, но он был уверен в этом. Эта уверенность была как ледяной клинок в его сердце. Тёмная фигура — один из кукольных людей, понял он, — что-то делала с телом. Существо вскрыло труп, обломало руки и ноги, как крылья у мухи, осторожно заменив их чем-то похожим на протезы, а внутренности шестерёнками и прочими механизмами. Затем кукольный человек взялся за её лицо. Он чистил, резал и, наконец, зашил его чёрной проволокой.

— Выключи, — сказала Су-Ли. — Пожалуйста, выключи телевизор.

Крип нажал кнопку включения/выключения, но это не помогло. Телевизор даже не был включен, и он ни к чему не был подключен. У него было такое чувство, что даже если бы у него в руке был молоток, он не смог бы разбить выпуклый экран.

Семейство Нельсонов ушло из-за стола.

Камера оторвалась от причудливых анатомических выкрутасов в гостиной и теперь смотрела на обеденный стол, показывая недоеденную еду на тарелках, недопитые стаканы молока, курицу и овощи, которые всё ещё дымились на подносах. Затем показала им стулья, отодвинутые от стола. Один из них был опрокинут, как будто кто-то уходил в большой спешке.

Камера быстро пролетела мимо единственного окна, где, за занавесками, горел свет — мерцающий отблеск костра. Но камера не тратила на это много времени. Теперь она вернулась назад, и они увидели тёмную кукольную фигуру, стоящую в углу, голова свесилась набок, как будто у неё была сломана шея.

Абсолютно неживая, в отличие от тела на столе

Крип почувствовал, как ледяной/горячий пот стекает по его лицу. То, что лежало на столе, неуклюже двигалось в направлении камеры, которая теперь, казалось, была неподвижна. Фигура прихрамывая подошла ближе. Одна из её рук раскачивалась как маятник, безвольная и мёртвая, другая отсутствовала.

— Это Даниэль, — сказала Су-Ли, и её голос дрогнул.

Фигура приблизилась. Она всё ещё была расплывчатой и не в фокусе, но не было никаких сомнений, что это была Даниэль... или то, что от неё осталось. Её длинные светлые волосы спадали на плечо извивающимися локонами. Её лицо было бледным, гротескным, сделанным из чего-то, что точно не было кожей, один глаз — чёрная щель, другой смотрел, как будто через отверстие резиновой маски.

Она попыталась что-то сказать.

Похожая на ткань материя её лица двигалась, как живая. Её рот был ужасно искривлён. Одна его сторона открылась, но другая осталась недвижима, как будто её зашили.

— ВЫКЛЮЧИ! — крикнула Су-Ли, садясь. — ВЫКЛЮЧИ ЭТУ ЧЁРТОВУ ШТУКУ!

Крип просто стоял, не в силах пошевелиться.

Единственный глаз Даниэль смотрел прямо на него, потом сместился на Су-Ли. Она продолжала говорить, и Су-Ли прижала руки к голове. Она была очень близка к нервному срыву.

Лекс вскочил, и экс-Даниэль проследила за ним взглядом.

Он подбежал к телевизору и изо всех сил пнул ногой по экрану.

Крип был уверен, что он не сломается, потому что именно так работают вещи в местах, подобных этому. Он был удивлен, когда экран покрылся трещинами. Даниэль медленно качала головой из стороны в сторону, как будто была разочарована, затем раскрыла свой ужасный рот и закричала. Хотя не было слышно ни звука, Крип слышал его эхо внутри своего черепа, пока не подумал, что это у него будет нервный срыв.

Лекс пнул экран ещё два раза прежде, чем он погас.

Осталась лишь белая точка, которая постепенно исчезала. Но прежде чем это произошло, Лекс нанёс телевизору последний, самый мощный удар. Раздались леденящие душу свистящие вздохи сотен голосов, которые, казалось, пронесли по комнатам и затихли где-то внизу, в подвале.

И вот тогда-то всё и началось.

Рамона стояла и смотрела, как части кукол двигаются по земле. Руки стучали, туловища дрожали, ноги брыкались. Рты открывались и закрывались, шепча пронзительными, резкими голосами.

Ледяной пот пробежал по спине.

Конечности продолжали двигаться, как будто их поддувал ветер, заставляя дребезжать, щёлкать и дрожать. Пока она смотрела, торсы один за другим поднимались в воздух как будто их тянули невидимые нити. Десятки из них закружились в каком-то диком вихре, а затем соединились в единое целое, раскачиваясь и вращаясь под какую-то неслышную мелодию. Затем поднялись ноги. Те, которые были разбиты, восстановились.

Она издала тихий сдавленный крик.

Ноги прыгали вокруг неё, бледные и странно утолщённые, их шаровые суставы блестели в лунном свете. Она ждала, что они подойдут к ней, но этого не произошло. Они подпрыгнули в воздух, вращаясь вокруг общего туловища, а затем их тоже засосало в эту массу, и они прилипли к ней. Масса продолжала двигаться и раскачиваться, как и прежде, но теперь она шевелила бесчисленными голыми ногами манекенов, которые делали её похожей на какого-то ужасного паука, состоящего из человеческих частей. Кисти соединялись с руками, а затем тоже взлетали в воздух, поднимаясь, как на горячем столбе газа. Они кружили вокруг массива ног и туловищ и были втянуты в эту массу, становясь её частью.

Потом шепчущие головы.

Они подпрыгивали в воздух и закреплялись под невообразимыми углами на многочисленных объединённых торсах. Некоторые головы прилипали к животам и грудям, как жуткие украшения.

Затем это новое и почти неопишное существо опустилась обратно на тротуар, шипя, щёлкая и жужжа. Оно приближалось к Рамоне маршем бесчисленных ног.

Она побежала.

Движимая ужасом, совершенно иррациональным страхом, она побежала по улице и завернула за угол. Она остановилась и прижалась к стене здания, чувствуя прилив адреналина. В течение нескольких секунд ничего не произошло, и хватка страха слегка ослабла. Прислушиваясь к собственному дыханию, она смотрела на пустые фасады маленьких магазинчиков на другой стороне улицы. Лунный свет был ярким, невероятно ярким. Она увидела МАГАЗИН ЦВЕТОВ, КАФЕ-МОРОЖЕНОЕ и, в самом конце улиц ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА. Да, всё очень шаблонно, как и раньше.

Когда в последний раз ты видела магазины под названием "Всякая всячина"? Даже если это какой-то странный трёхмерный образ Стокса из 1960-х годов, подобные вещи должны были быть чем-то необычным уже тогда. Пережиток гораздо более раннего времени.

Она услышала, как кукла снова приближается, щёлкая множеством ног.

Она побежала.

Вдоль улицы, за угол, через переулок и через маленький парк, который она раньше не видела. Затем другая улица, ещё один поворот и она снова остановилась, её лёгкие горели, а по лицу струился пот.

Щёлк-щёлк, щёлк-щёлк, щёлк-щёлк, щёлк-щёлк, щёлк-щёлк, щёлк-щёлк...

Боже, оно приближалось.

Это было невозможно.

Эта огромная неуклюжая тварь не могла догнать её так быстро, но это было так. Звук её шагов эхом отдавался в голове Рамоны, словно какофоническое тиканье гигантских часов, становясь всё громче и громче. И как только она это поняла, она посмотрела на другую сторону улицы и снова увидела это: ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА. Рядом КАФЕ-МОРОЖЕНОЕ рядом с ним — МАГАЗИН ЦВЕТОВ.

Я не могла сделать грёбанный круг. Я просто не могла.

Либо весь этот чёртов город был одним большим замкнутым кругом, либо, опять же, её вёл, подталкивал в нужное направление тот, кто управлял этим местом. Он хотел сломить её страхом. Это было очень важно для него. Она должна быть сломлена. Он хотел загнать её до смерти, как собаку.

Щёлк-щёлк, щёлк-щёлк, щёлк-щёлк, щёлк-щёлк...

Звук был похож на тот, когда её преследовала толпа злобных детей-манекенов. Всё ближе и ближе. Как и прежде, Рамона знала, что есть только один способ разрушить чары. Она не могла убежать от него, она должна была бежать к нему. Это был единственный выход, независимо от того, насколько невыносимо пугающей была эта идея.

ЩЁЛК-ЩЁЛК, ЩЁЛК-ЩЁЛК, ЩЁЛК-ЩЁЛК, ЩЁЛК-ЩЁЛК...

Господи, оно было почти над ней.

Она видела, как из-за угла показалась его тень — невероятно огромное существо с тысячью ног, дрожащими руками и кивающими головами.

Медленно втянув в себя воздух, она пошла навстречу ему, прежде чем успела осознать всю глупость того, что собиралась сделать. *Я не хочу, чтобы меня загнали до смерти.* Она видела, как оно приближается, может быть, в сорока футах от неё, его тень уже касалась её и почувствовала холод, ужасный холод, как воздух из морозильника. Она побежала прямо на него, и оно выкрикивало её имя и ждало её, широко раскинув свои многочисленные руки, как будто хотело обнять, раздавить в своих объятиях.

Нет!

В десяти футах от него она развернулась. Она просто не могла этого сделать. Она не могла позволить этому ужасному существу овладеть ею. Оно схватит её, обхватит руками и прижмёт к себе, пока внутренности не выплеснутся изо рта, как красное желе.

Рамона проскочила между двумя зданиями, а затем оказалась на какой-то огромной огороженной территории. Тупик. Она увидела кучи мусора, старые бочки, неровные штабеля гниющих досок и брошенные машины. У них отсутствовали ветровые стекла и двери, капоты были подняты и заржавлены, моторные отсеки пусты, если не считать проросших сорняков. Ступив на обширные просторы свалки, она увидела сверкающие на свету разбитые бутылки, груды лысых шин и погнутые рамы старых велосипедов. Она обошла треснувшую ванну и перевёрнутый унитаз. Среди отбросов сновали какие-то твари, и она поняла, что это крысы.

С каждым шагом поднималось маленькое облачко чёрной пыли.

Пахло жаром, как от золы. Она моргнула, и всё на свалке начало тлеть. Всё произошло очень быстро. Не гореть, а тлеть, как будто настоящий костёр потух несколько часов назад, и от него осталась лишь удушливая вонь, горячий пепел и затяжной жар. Она чувствовала это даже сквозь подошвы своих туфель. Дерево обуглилось, шины расплавились до неузнаваемости, но всё ещё испускали жирный чёрный дым.

Мэм, пожалуйста, выслушайте меня, хорошо? Единственный Стокс на шоссе № 8

сгорел дотла ещё в 1960-х годах.

Рамона вскрикнула, потому что это был не голос воспоминаний, эхом отдававшийся в её голове, а настоящий голос. Он прозвучал так, как будто кто-то говорил внутри одной из машин. Но она отказывалась пойти и посмотреть. Она не хотела этого видеть. Задыхаясь от удушливого запаха, она поплелась вперёд, обливаясь потом, ноги горели и болели, кожа была словно обожжена солнцем. Если она сейчас же не уберётся отсюда, то потеряет ориентацию от дыма и сознание впридачу.

Это был только вопрос времени.

Дым, казалось, становился всё гуще. Лунный свет отбрасывал невероятные тени на обгоревшие обломки. Она различила кое-что ещё в пепле, который теперь был по щиколотку глубиной. Части тела. Она думала, что это останки людей, сгоревших в огне, уничтожившем Стокс много лет назад... но нет.

Это были части кукол.

Части детских кукол.

Маленькие ручки расплавились, тела сложились пополам и сплавились воедино друг с другом, десятки маленьких лиц смотрели на неё пустыми глазницами. И все они ухмылялись с каким-то жутким восторгом.

Несмотря на жару, Рамона почувствовала, как по спине у неё побежали мурашки.

Она стояла, раскачиваясь взад и вперёд, не в состоянии связать две мысли вместе. Тоненький голосок, где-то внутри её головы, шептал ей, что не жара, не усталость, не ужас этой ночи перемешали её мозг, как хорошо встряхнутый martini, а тот, кто управлял этим местом, *Кукловод*. Оно, определённо, заслужило своё имя.

Неужели ты не понимаешь, Рамона? Этот старый мозготрах играет с тобой. Твоя стойкость и упрямство истощают его. Мучить тебя и, наконец, сломить — его главная задача. Здесь, на этой дерьмовой свалке первозданного и совершенного Стокса, оно хочет, чтобы ты умерла, прежде чем сбежишь, выяснишь больше и воспользуешься своими знаниями против него. Оно знает это, и ты тоже.

Еле переставляя ноги, как цыплёнок-гриль из старой телевизионной рекламы, она начала понимать, что внутренний голос прав. Туман в её мозгу мгновенно рассеялся, как будто свежий ветерок пронёсся через её череп.

Ты уже поняла, что этот город — Стокс до пожара.

Ты уже поняла, кто-то всем здесь управляет.

И ты знаешь, что сирена активирует этих тварей, и доносится с востока. Там эпицентр этого грёбаного ужаса. Кукловод, наверно, боится, что ты отследишь её источник и выведешь из строя.

Но времени на раздумья не оставалось, потому что земля раскалилась, воздух наполнился клубами жгучего дыма, и она, несомненно, была загнана в угол. У неё снова закружилась голова, и она начала видеть вещи, которые были либо чистой галлюцинацией, либо реальностью, либо какой-то причудливой комбинацией того и другого.

Она видела скелеты вокруг себя. Не идеальные, сверкающие хэллоуинские скелеты, а разбитые, пожелтевшие, а некоторые и почерневшие, как уголь, с широко раскрытыми челюстями замершими в беззвучных криках. Большинство из них валялись в отдалении у забора, но некоторые были совсем рядом. Не более чем в четырех футах от неё стояла древняя детская коляска, чьи колеса были затянуты паутиной, а ткань корпуса порвана и развевалась на ветру. И в ней был ребёнок, который был сожжён до самых костей. Его

одежда расплавилась на крошечном скелете, превратившись в чёрные лохмотья. Самым безумным было то, что он всё ещё горел. Его чёрные кости дымились, языки пламени вырывались из глазниц и рта.

Она видела, как крысы роются в куче мусора. Жирные серые меховые мешки с крошечными красными глазками, похожими на драгоценные камни, сверкающие в лунном свете. Все они издавали странный звук, похожий на тиканье карманных часов.

Вдруг она услышала настойчивые удары в дверь. Звук доносился из маленькой ветхой хижины, стоявшей между мачтами двух обгоревших деревьев. С них посыпался пепел, со звоном оседая на металлической крыше хижины. Из дома, спотыкаясь, вышел мужчина, закрыв лицо руками. Он не горел, но чёрный дым поднимался от него извивающимися клубами. Вонь жареной плоти и палёных волос вызывала тошноту. Пройдя два-три фута, он споткнулся и рухнул на землю, рассыпавшись, как сигарный пепел.

Всё это было части паззла под названием Стокс, которые ей нужно было собрать вместе, если она хотела выбраться отсюда.

ЩЁЛК-ЩЁЛК, ЩЁЛК-ЩЁЛК, ЩЁЛК-ЩЁЛК, ЩЁЛК-ЩЁЛК.

Оно снова приближалось.

Рамона чуть не упала в обморок от отчаяния.

Она развернулась, закашлявшись от дыма, и увидела огромную тень, как из старого фильма нуар. Тень казалась такой же живой, как и то, что её отбрасывало — чёрное ползущее существо, всё увеличивающееся в размерах, выбрасывающее перед собой десятки тянущихся отростков. Затем на свалку вошло само существо — Франкенштейновское лоскутное одеяло из частей, пульсирующая колония голов, рук и неуклюжих ног.

— *Это Рамона, —* сказали многочисленные рты. — *Это Рамона. Достаньте её, разорвите и сделайте частью нас. Прикрепите её голову на самый верх, чтобы она могла кричать вместе с нами...*

Некоторые головы не пели в общем хоре. Они принадлежали различным животным, которые лаяли, рычали и шипели, клацая зубами и щёлкая челюстями.

Это существо — Франкенкукла, как прозвала его Рамона — надвигалось на неё, и Рамона поняла, что попала в ловушку. Единственным выходом был забор на другом конце свалки. Но добраться туда, учитывая жар и испарения, будет нелегко. Она чувствовала головокружение и тошноту, и, казалось, не могла ясно мыслить.

Просто стой на месте, всё это скоро закончится. Очень скоро.

Но она не могла этого допустить. Она побежала, её разум метался в голове, как птица в клетке. Она лавировала между остовами машин, перепрыгивала через заросшие сорняками коробки передач и споткнулась о ржавые трубы, упав в обжигающую золу. Боль была как приводящая в чувство пощёчина.

Забор был футах в тридцати, а может, и ближе.

Ты почти на месте. Поднимайся, твою мать, и беги!

Франкенкукла всё ещё выкрикивала её имя, преследуя её. Один раз она обернулась и посмотрела. При виде твари у неё чуть сердце не остановилось. В лунном свете оно было похоже на карикатурное чудовище, которое просто не могло существовать, гигантское объединение частей, которые, казалось, двигались независимо друг от друга, хотя и были частью единого целого. Ноги топали, руки тянулись вперёд, а головы мотались из стороны в сторону. Сплавленные торсы, казалось, пытались оторваться от общей массы.

Теперь тварь была в каком-то демоническом бешенстве, преследуя её.

Оно отшвырнуло с дороги бочки, перевернуло накренившуюся кровать и бросилось сквозь дымящуюся грудку шин, поднимая облака золы. Оно схватит Рамону. И чем ближе оно подходило, тем больше приходило в ярость при мысли об этом. Его многочисленные, покрытые волдырями лица выдыхали клубы чёрного дыма.

Но и Рамона не сидела на месте.

Хоть её глаза слезились, дыхание скребло в горле, а пот оставлял дорожки на потемневшем от пепла лице, она увидела забор и пошла к нему, чувствуя головокружение, спотыкаясь и путаясь, но шаг за шагом продвигаясь вперёд. Оказавшись рядом с ним, Рамона вскочила на старый телевизор и перепрыгнула через забор. Она упала на травянистую лужайку с другой стороны, тяжело дыша и дрожа, слезы текли из её глаз.

Франкенкукла закричала.

Каждый из её многочисленных ртов издавал звук, похожий на крик десятков истерзанных детей. Затем она ударилась о забор, колотя и пиная его ногами. Рамона увидела верхушки голов прямо над забором. Тот начал разваливаться, вылетали ржавые гвозди и падали расшатанные доски.

— НЕТ! НЕТ! НЕТ, РАМОНА! НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО! — рты взывали к ней. “БУДЕТ ЕЁ ХУЖЕ, ЕСЛИ ТЫ ЭТО СДЕЛАЕШЬ! МЫ ХОТИМ ПОМОЧЬ ТЕБЕ, МЫ СДЕЛАЕМ БЫСТРО, БЕЗБОЛЕЗНЕННО...”

— ДА ПОШЛА ТЫ! — крикнула Рамона.

Кукольный ужас набросился на забор с новой яростью, как Годзилла на Токио. Полетели доски, деревянные щепки и тучи опилок.

— ТЫ ТУПАЯ, ТУПАЯ, ТУПАЯ, НЕСЧАСТНАЯ МАНДА! — кричала Франкенкукла сходя с ума от ярости. “КТО ТЫ ТАКАЯ, ЧТОБЫ НАРУШАТЬ РАВНОВЕСИЕ? КАК ТЫ СМЕЕШЬ ПРОТИВИТЬСЯ НАМ? ДА КЕМ ТЫ СЕБЯ ВОЗОМНИЛА, МАТЬ ТВОЮ?”

Но к тому времени Рамона уже была на ногах и бежала.

Когда она наконец остановилась, то сразу же прислушалась к приближению Франкенкуклы, но ничего не услышала. Она была рада, что ей каким-то образом удалось вырваться из делового квартала с его "Всякой всячиной".

Но она чертовски хорошо знала, что единственная причина, по которой ей удалось уйти, заключалась не в том, что она перехитрила Кукловода, а в том, что ему или ей наскучила погоня и её упорство.

Как бы то ни было, она была свободна.

20

Чазз замер прямо посреди улицы. Он упал на колени, пот стекал с его головы на асфальт, как капли дождя. Он был загнан до смерти и знал об этом, но, казалось, ему было всё равно. Он только понимал, что должен бежать дальше. Ему показалось, что он слышал телефонный звонок, но он не придавал этому значения. Звук был тихим и далёким. А может его и вовсе не было. Звонок повторился сразу же с нескольких улиц.

Теперь он его прекрасно слышал.

Телефон всё звонил и звонил.

Зажав уши ладонями, он крикнул: "Ответьте наконец! Почему никто, блядь, не может ответить?"

Но причина этого была довольно очевидна: в этом городе не было людей. Но кто тогда

звонил?

Всё это не имело никакого смысла.

Если только это не Рамона или кто-то другой, но Чазз в это не верил.

Телефон всё звонил и звонил.

Разве ты не понимаешь, звонят тебе.

Нет, нет, он не хотел думать об этом. Никто ему не позвонит, потому что некому. Боже, этот звук пронзал его череп и вызывал головную боль. Пустой город, вдруг раздаётся звонок. Почему это кажется ему знакомым? Может быть, он видел нечто подобное в старом телешоу, или вычитал из какой-то книги в старших классах?

Не важно, Чазз, — сказал ему внутренний голос. Звонок для тебя, и если ты не ответишь на него, телефон никогда не перестанет звонить.

Но он этого не сделает. Он уже принял решение. Это означало бы просто напрашиваться на неприятности, а сейчас у него их было более чем достаточно. Но если он не собирался отвечать... тогда почему он шёл в направлении звонка, выслеживая его источник? Это было неосознанное решение, абсолютно неподвластное ему.

Нет, ни хрена. Я этого не сделаю.

Он двинулся в сторону звонка.

Я просто развернусь и побегу.

Он увидел что-то похожее на телефонную будку. Дверь была открыта, телефон стоял внутри, на выступе. Большой старый чёрный телефон с вращающимся диском. Боже, ну и дерьмо динозавра.

Ладно, ты нашёл его, а теперь уходи.

Но он не собирался уходить. Он видел, как его рука потянулась и подняла трубку. Она была тяжёлой. Ей можно вышибить кому-нибудь мозги, как в старом фильме.

Он поднёс её к уху.

Чазз услышал помехи, похожие на сильный ветер, дующий над пустыми полями и пустынными улочками. Он посмотрел на противоположную сторону улицы и увидел телефонные столбы, соединённые натянутыми проводами. Затем раздался медленный голос: “Чазз... мне не нравится, когда меня заставляют ждать. Когда я звоню, тебе лучше отвечать.”

Господи.

Он чуть не упал, но, как ни старался, не мог оторвать трубку от уха. Пустынные улицы вдруг стали казаться ещё более пустынными, тени — ещё более похожими на тени, а ночь — ещё более тёмной, словно тончайшее покрывало из чёрного похоронного шёлка.

— В чём дело, Чазз? Ты боишься? Ты в ужасе?

Так и было. Это был не просто телефонный звонок в пустом мёртвом городе. Ведь голос звонящего он уже слышал в том заброшенном доме, голос существа, которое он называл Матерью Пауков, женщиной с сотней ног. Он слышал, как она разговаривала с ним через дверь, и теперь она звала его, дразня своим скрипучим голосом.

— Ты хочешь, чтобы всё закончилось, Чазз?

С трудом переводя дыхание, он кивнул.

— Да... я просто... я просто хочу выбраться отсюда. Но я не знаю дороги. Я не могу найти дорогу. Я просто не могу её найти.

Мать Пауков издала шипящий звук, который медленно превратился в нечто вроде воркования.

— Бедняжка, ты потерялся и одинок, и некому тебя обнять. Некому, кроме меня.

— Пожалуйста... просто оставь меня в покое...

— О-о-о, — сказала она. “На самом деле ты этого не хочешь. Ты хочешь, чтобы мама пришла и обняла тебя. Вот что на самом деле тебе нужно.”

— Нет, я...

Но это было правдой. Он мог говорить всё, что хотел, испытывая ужас и отвращение к твари на другом конце провода, но сам не был уверен в своих словах. Её голос звучал странно успокаивающе, словно его завернули в тёмный шёлк, в котором он мог бы проспать вечность. Мелодичное звучание голоса Матери Пауков уносило его куда-то далеко, заставляя чувствовать себя беспомощным, как младенец.

— Оставайся на месте, Чазз, и мама придёт за тобой.

Но он знал, что не может этого допустить. Он представил, как она связывает его и заставляет сосать один из сморщенных мешочков.

— Нет... держись от меня подальше. Я не позволю тебе прикоснуться ко мне.

— Твои слова ранят меня. Не ухудшай ситуацию, Чазз.

С этими словами телефон выскользнул у него из рук, и он вышел на улицу, не зная, в какую сторону бежать, потому что все улицы выглядели совершенно одинаково. Может быть, не имеет значения, куда он пойдёт, потому что все дороги ведут в самое сердце этого кошмара, где она ждёт его. Его ноги станут её ногами, его руки станут её руками, а его бьющееся сердце сделает её сильной и бессмертной...

Цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок.

Она приближалась.

Она знала, где он, и теперь шла к нему.

Цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок.

Звук её бесчисленных ног отдавался эхом по улицам, отражаясь от фасадов зданий, становясь всё громче и громче.

Но она не шла по улицам.

Она ползла по крышам.

Он поднял глаза и увидел её ноги, перебирающиеся через карниз трехэтажного здания прямо через улицу. Он помчался прочь, выбирая направление исключительно наугад, не думая, просто зная, что ему нужно уйти, прежде чем она поймает его в ловушку. Потому что рано или поздно она это сделает.

21

Су-Ли ощущала лишь две вещи: запах и темноту. Запах шёл буквально отовсюду, сгущаясь и усиливаясь, наполняя её желудок волнами тёплой тошноты. *Испорченное мясо*, подумала она. *Вот как это пахнет. Как грузовик, полный мяса, которое испортилось.*

Что, конечно, не имело никакого смысла.

Даже если бы в доме была настоящая еда — в чём она сильно сомневалась после пережитого в закуской, — она давно бы превратилась в пыль. Ничто не гниёт так быстро, за считанные секунды.

Во-вторых, темнота.

Да, здесь и раньше было темно, но не так, как сейчас. Что-то случилось. Даже лунный свет не проникал в комнату через окна. Ничего не было видно. Как будто на дом опустили гигантское покрывало, похожее на те, что используются для птичьих клеток по ночам.

Это лишь начало.

— Держитесь вместе, — сказал Лекс, потянувшись и взяв её за руку, когда она взяла руку Крипа.

Вонь становилась всё сильнее, и Су-Ли слышала, как Крип издал рвотный звук. Воздух был почти непригоден для дыхания. Это была не просто тьма, это была абсолютная чернота. Она окутала их, как чёрный туман. Все трое были словно положены в мешки для трупов; света для них больше не существовало.

— Пошли, — выдохнул Крип. — Давайте убираться отсюда к чёртовой матери.

— Нет, — ответила Су-Ли. “Именно этого от нас и ждут. Мы больше не можем бежать. Мы должны преодолеть это.”

Лекс сжал её руку, в то время как рука Крипа, казалось, стала ещё более вялой. Он понимал, что они хотели сделать, но у него не было настоящей веры в это, никакой веры в то, что это сработает. Но Су-Ли знала, что это сработает. Если бы только он доверял им.

Что-то коснулось её лица.

Это было лёгкое прикосновение, как будто муха коснулась одной щеки. Но она знала, что это не муха. Хотя она ничего не видела, она чувствовала, как что-то парит в воздухе прямо перед её лицом. Оно снова коснулось её щеки, и хотя ей ужасно хотелось закричать, она не сделала этого. Она просто сидела, слегка дрожа.

Запах и темнота не вынудили нас двигаться, поэтому Кукловод пробует что-то новенькое. И он будет продолжать свои попытки.

Что-то коснулось тыльной стороны её ладони.

Это было похоже на палец.

Кто-то или что-то стояло в темноте прямо перед ней. Она была почти уверена в этом. Она заставила себя успокоиться. Она не собиралась ломаться, не собиралась кричать. Его физическое присутствие было почти сокрушительным. Палец или что-то ещё коснулось её носа, потом губ. Оно провело линию от её подбородка вниз по шее к груди и остановилось там.

И всё же она не двинулась с места.

— Здесь кто-то есть, — сказал Крип.

И Су-Ли, и Лекс это уже знали. Они ждали. Они взяли себя в руки. Су-Ли сопротивлялась инстинктивной потребности пнуть то, что там было. По одному виску стекала капелька пота. Во рту у нее так пересохло, что она едва не плевалась пылью. То, что было перед ней, никуда не делось. Нет, оно приближалось всё ближе и ближе. Теперь его лицо находилось в нескольких дюймах от её собственного. Она чувствовала его горячее дыхание на своём лице. В нем чувствовался отчетливый затхлый запах, знакомый ей по древним сундукам, гниющим в сырых подвалах

Ты должна сопротивляться.

Это звучало великолепно в теории, но на практике было совершенно не так. Она едва дышала, боясь, что оно услышит её, что её растущий страх зарядит его, как аккумулятор.

Рядом с ней Крип ёрзал, издавая горлом стонущие звуки.

Дышащая тварь была теперь так близко к её лицу, что выдыхаемый ею воздух заполнял всё окружающее пространство и мешал сделать хотя бы вдох. Она была не дальше, чем в дюйме от него. Пальцы коснулись её шеи, медленно потянулись вниз по обнаженным рукам. Один из них коснулся её левой груди.

"Я могу это сделать", — лихорадочно думала она. Я не сломаюсь.

Затем существо, словно почувствовав это, просунуло руку между её ног, в то же время его холодные деревянные губы прижались к её собственным. Всё это было ужасно, но ещё хуже было то, что она почувствовала, как его язык скользнул ей в рот, только это был не язык, а что-то вроде сегментированного червя.

Она закричала.

22

Как раз перед тем, как Су-Ли закричала, Крип тоже почувствовал что-то в воздухе вокруг себя. Почти как энергия, текущая по тыльной стороне его рук покалывающими волнами, как статическое электричество. Что бы это ни было, оно нарастало, и именно этого он боялся больше всего: какую форму оно примет и сможет ли он противостоять этому, потому что он был на грани сумасшествия.

Что-то упало ему на колени, и он испуганно отбросил это свободной рукой.

Что-то ещё упало.

Оно задело его голову и скатилось на тыльную сторону ладони. С тихим вскриком Крип ударил по нему, чувствуя, как небольшой шарик лопнул под его ладонью растекаясь горячей слизью по его коже. Он вытер её о джинсы. К этому времени всё его тело было покрыто жирным потом. Ещё один предмет упал ему на колени, и когда он попытался скинуть его, тварь пробежала по его руке на крошечных, щетинистых ножках. Его левая рука сжала руку Су-Ли.

"Ты же знаешь, что это такое", — сказал он себе. *Ты чертовски хорошо знаешь, что это такое.*

Да, это были пауки. Кукловод прекрасно знал, что Крип их боится. Пауки. Но в Стоксе не было насекомых. Здесь вообще ничего не было. Всё было стерильно, как в городе, хранящемся под стеклянным куполом в музее. Насекомым и прочим ползучим тварям вход воспрещён. Он заметил это раньше. Стояла тёплая летняя ночь, и не было ни одного комара. Даже когда в закускойной зажётся свет, мотыльков к ней не потянуло. Они должны были ползать по стеклу и кружиться сумасшедшими петлями, как они это обычно делали.

Но их не было.

И пауков тоже нет.

Но неверие давалась нелегко. Его фобия побеждала. Пауков стало больше. Они падали на него, а Крип извивался, бился и отбрасывал их прочь. Он хотел встать и уйти, но Су-Ли крепко держала его за руку. Ведь в этом была их сила, и он это знал. Он чувствовал это. Если Крип уберёт руку, они все обречены.

Больше на него не падали пауки.

Но он слышал, как они ползали вокруг него, повиснув на тонких нитях и потирая друг о друга свои многочисленные лапки. И кое-что ещё: высокий, едва слышный писк, который, как он знал, они издавали, когда общались друг с другом. Обычные пауки, вероятно, не делали таких вещей, но они не были обычными, и писклявые звуки, которые он слышал, были их голосами.

Они замышляют заговор, и ты это знаешь. Они обсуждают тебя и то, что они сделают, чтобы заставить тебя отпустить руку Су-Ли. Они покроют тебя и укусят одновременно. Они знают, что ты их боишься.

Рядом с ним Су-Ли напряглась и закричала.

Её тоже мучали, но он сомневался, что это были пауки. Один из них упал ему на волосы, и он вскрикнул. Другой пополз вниз по шее и забрался под рубашку. Другие облепили его руки. Он почувствовал, как крошечные ножки скользнули по его лицу, а гладкое круглое тельце прижалось к его губам, пытаясь проникнуть в рот.

Он закричал, когда они начали кусать его, и ещё больше их упало на него. Он вскочил, царапая себя и отмахиваясь от них, вскрикивая от отвращения, когда их распухшие тела превращались в кашу под его руками и вымазывали его своими сочащимися внутренностями. Он ползал по полу, почти без сознания, и сражался с ними, катаясь и шлепая себя по коже. Будь у него время, он бы содрал с себя кожу — настолько сильная у него была фобия.

Потом что-то схватило его.

Он почувствовал, как чьи-то руки схватили его и швырнули на пол с такой силой, что у него перехватило дыхание. Заострённые пальцы пригвоздили его к полу. Он пытался сопротивляться, вырваться, но это было бесполезно. Он вцепился в то, что держало его, и почувствовал, как соскальзывают его пальцы. Это было похоже на разрыв кожуры мягкого коричневого яблока. Когда он пару раз ударил тварь, то понял, что лицо само по себе не было мягким... но то, что было прикреплено к нему: десятки выпуклых наростов, которые лопались под его руками, выплескивая отвратительную жидкость ему в глаза.

Наросты были живыми.

Он чувствовал их крошечные шевелящиеся ножки.

То, что удерживало его, было облеплено паучьими яйцами. Многие он уничтожил своими ударами, но ещё больше раскрылось, вываливая на Крипа паучков, которые кусали его, сосали его кровь, пытались пробиться в его рот и ноздри, мешая дышать.

Он кричал до тех пор, пока его не покинул рассудок.

23

Лекс схватил Крипа и рывком поставил на ноги.

Крип набросился на него, как животное, брыкаясь, пинаясь и царапаясь, и Лекс ударил его по лицу с такой силой, что он упал обратно. Хотя он не мог видеть Крипа, он чувствовал, как тот съезжился у его ног, стонал и всхлипывал, полностью сломленный тем, что Кукловод бросил на него.

— Нам нужно сохранять спокойствие, — сказал Лекс, выглядя как герой дешёвого ужастика и точно зная, как глупо это звучит.

Су-Ли была рядом с ним, практически сросшись с ним, а Крип дрожал у его ног. Они оба прошли через что-то, но он видел только абсолютную темноту. Затем Су-Ли закричала, как будто с неё живьём сдирали кожу, и Крип упал на пол, крича и извиваясь, не в силах даже говорить.

И что теперь? — спросил себя Лекс. *И что теперь? Похоже, ты считаешь себя путеводной звездой, так что же дальше?*

Он чуть не рассмеялся от этого. Если он был путеводной звездой, то очень тусклой. Су-Ли помогла Крипу подняться на ноги. Лекс задавал вопросы им обоим, и ответы были едва связными.

— Хорошо, — сказал он. — Нам нельзя разделяться.

Ещё одна мудрость из дешёвых ужастиков, но лучше чем ничего. Они держались за руки

в темноте и ждали, что будет дальше, и когда это произошло, никто из них не ожидал этого. Начало светлеть. Не мгновенно, а очень медленно, как настраиваемая подсветка. Свечение было оранжевым, как у свечей, тусклым и колеблющимся, медленно разгорающимся.

Когда оно заполнило комнату, они увидели, что больше не одни.

Су-Ли ахнула.

Крип издал страдальческий звук.

А Лекс лишь вздохнул: “И что теперь? Что теперь, чёрт возьми?”

Он знал, что комната, которую он видел, не была той, в которой они были изначально. Здесь не было ни книжного шкафа, ни устаревшего телевизора, ни стереосистемы. Всё это исчезло. Они находились в какой-то мастерской, которая выглядела так, словно это была наполовину кукольная фабрика, а наполовину лаборатория Франкенштейна. Две стены были увешаны безволосыми кукольными головами и гладкими неокрашенными кукольными лицами, конечностями разных размеров, торсами детей и взрослых. Ни один из них не выглядел таким безжизненным, как следовало бы. Он почувствовал движение на лицах... едва уловимое, скрытое, невозможное... но там, под восковой кожей, медленно и в то же время неторопливо двигались лицевые мышцы. Даже конечности двигались, пальцы разжимались, грудь вздымалась и опускалась в такт размеренному дыханию. Мерцающий оранжевый свет только усиливал это ощущение.

Он крепче сжал руку Су-Ли и руку Крипа, чья рука казалась вялой и резиновой.

"Будь бдителен", — предупредил он себя. Это очень важно. Частично шоу ужасов, частично урок истории.

Третья стена была увешана чем-то похожим на старинные, пожелтевшие анатомические гравюры. Лексу показалось, что он узнал несколько рисунков да Винчи — искусно выполненные исследования человеческого тела. Их было несколько десятков, все теснились в поисках свободного места, многие нависали друг над другом или перекрывали друг друга. Они были очень старыми, по большей части рваными и потрёпанными, выцветшими от старости. Здесь было всё — от детальных исследований человеческого черепа до мускульно-скелетной системы, нервной и кровеносной системы. Были также схемы, где органы заменялись невероятно сложными часовыми механизмами.

Там же находился и стол, что-то вроде верстака.

За ним сидела пожилая женщина, чьё лицо было иссохшим, с глубоко врезавшимися морщинами и отвратительно искривленным ртом. Её волосы были похожи на тонкую белую пряжу. Похоже, у неё не было глаз. На столе лежало тело. Тело ребенка или чего-то похожего на ребёнка, и она зашивала его, напевая мрачную меланхоличную мелодию.

Лекс не был уверен, что это был мёртвый ребёнок.

И не был уверен, что это была кукла.

Он был почти уверен, что это какой-то ужасный гибрид и того, и другого. Его голова была отделена от тела, из горла пучками свисали крошечные провода. Они были похожи на тонкие корешки какого-то растения. Его руки и ноги также были отделены от тела. Но именно лицо привлекло его взгляд — бледное и гладкое, обрамленное роскошными желтыми волосами, плотно сжатые губы, широко раскрытые голубые, совершенно незрячие глаза.

Голос у него в голове сказал: *“Отвернись, о Боже, отвернись! Когда она закончит, он оживёт. Сядет и посмотрит на тебя своими мёртвыми лазурными глазками.”*

Четвёртую стену занимали стеллажи, заставленные безымянными стеклянными

банками и бутылками, заполненные неизвестными жидкостями и порошками, коробочками с шестерёнками, тонкими стальными трубками и катушками проволоки.

Лекс не сомневался, что перед ними кукловод этого ужасного места.

Эта женщина.

Её разум удерживал их здесь.

Он ожидал, что она развернётся к ним и признается в этом, но она этого не сделала. Она была слишком занята, собирая маленького мальчика. Ничто не могло помешать её работе, её одержимости и преданности своему ремеслу. Её руки были в постоянном движении, опытные и умелые. Прежде чем зашить туловище, она налила себе в руку из кувшина что-то розовое и живое и засунула внутрь. Затем начала прилаживать конечности на место с тщательным мастерством.

Тогда он понял, что женщина была в комнате не одна. Кукольные люди сидели на складных стульях, словно зрители. Мужчины в костюмах, а женщины в красивых платьях. Их мёртвые белые лица были похожи на резиновые маски, пустые глазницы уставились на старуху. У некоторых были пустые рукава, как будто им не доставало конечностей.

— Это безумие, — пробормотал Крип себе под нос. “Всё это чёртово безумие.”

Его голос прогремел в тишине, где единственные звуки издавали ловкие старушечьи пальцы. Это было похоже на крик в церкви. Эффект был мгновенным: старуха прекратила то, что делала. С ножницами в одной руке и хирургическим ножом в другой, она подняла взгляд своих пурпурно-красных ободранных глазниц. Кукольные люди повернули головы и посмотрели в сторону Крипа.

Один за другим они вставали.

Крип запаниковал и побежал.

Когда кукольные люди двинулись в их сторону, он выскочил в дверь и помчался по коридору. Лексу и Су-Ли ничего не оставалось, как последовать за ним. Попутно Крип открывал каждую дверь и вскрикивал. Из каждого дверного проёма появлялся кукольный человек, протягивая к нему мягкие пухлые руки. Он подбежал к двери в конце коридора, распахнул её и исчез за ней.

Лекс и Су-Ли последовали за ним, избегая протянутых рук. К тому времени, как они добрались до конца коридора и захлопнули дверь за собой, коридор был заполнен ожившими куклами.

"Опять нас загнали", — подумал Лекс, спускаясь вслед за Крипом в подвал. Теперь они загнали нас куда хотели.

24

После безумного побега со свалки, она пришла в себя еле ползущей по тротуару. Не бежала, не шагала, а ползла. Её лицо почернело от копоти, одежда посерела от пепла, она ползла по тротуару, подавленная шоком и последствиями чистого ужаса.

Наконец она остановилась.

Что ты делаешь?

Дело в том, что она не знала. К этому моменту она действительно ничего не понимала. Она очень сильно нуждалась в хорошей дозе реальности, но реальности не существовало в этом месте, и без неё она, казалось, не могла встать на ноги. Буквально.

Ладно. Остановись. Не думай об этом. Не пытайся найти в этом смысл. Для начала

хотя бы встань.

Это потребовало некоторых усилий, но она справилась.

Она сняла своё грязное пальто, прислонилась к кирпичному фасаду здания и осмотрела улицу. Она ожидала снова увидеть те же витрины, но не увидела ничего подобного. Вместо этого над фасадами нескольких зданий висел гигантский плакат с надписью: "Добро пожаловать в исторический Стокс". Если это и должно было внушить страх, то имело обратный эффект: она начала хихикать. Хихиканье нарастало внутри неё, пока не превратилось в громкий смех, эхом разносящийся по пустым улицам. Вот это было смешно! Это была грёбаная комедия! Это должно было показать, что у кукловода очень плохое чувство юмора.

"Исторический Стокс", — подумала она. Исторический Стокс. О, это просто смешно!

Когда она наконец успокоилась, то выудила из кармана сигареты и зажигалку и закурила. Грязная, перепачканная пеплом и сажей, она вытащила сигарету и с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться.

Затем она увидела микроавтобус, замерший у обочины, и всё быстро стало очень несмешным.

Она проглотила свой страх, чертовски хорошо зная, что она не какая-то съездившаяся фиалка и не собирается становиться ею сейчас. Несколько глубоких вдохов. Секунду или две, чтобы расслабить мышцы. Несколько раз затянулась сигаретой. Порядок. Она не собиралась снова разваливаться на части, как тогда, на свалке. Ни за что, чёрт возьми.

Ты была близка к тому, чтобы измотать Кукловода. А потом ты его потеряла. Что ж, найди его и попробуй ещё раз. Не позволяй управлять собой. Действуй непредсказуемо и иррационально.

Микроавтобус.

Он должен был испугать её, заставить бежать пока не выдохнется. Но нет, она этого не допустит. Кукловод ожидал, что она побежит и спрячется в укромном месте, которое он приготовил специально для неё. И тогда начнётся настоящее веселье.

Рамона в последний раз затянулась сигаретой и бросила её.

Она крадучись двинулась по тротуару, держась в тени, словно стараясь не быть замеченной. В последний момент она попыталась убежать... а потом бросилась через улицу к микроавтобусу, схватила ручку водительской двери и распахнула её.

Сгорбленный человек сидел за рулем.

Сначала её охватил страх, но довольно быстро исчез. Он просто обмяк на сиденье. Казалось, он был безжизненным витринным манекеном, и не более того.

И всё же... она действовала очень осторожно.

Она знала, как быстро они превращаются из инертных в активные.

Здравый смысл подсказывал ей убираться к чёртовой матери, но она проигнорировала его и поступила иррационально. Она схватила сгорбленного мужчину и вытащила из микроавтобуса, бросив на тротуар. Он разлетелся на куски. Она пнула его голову, и та покатила в водосток.

Она ждала, что он придёт в движение, но этого не произошло.

Она прыгнула за руль и завела машину. Она была поражена, что всё прошло так гладко. Разве мощь Кукловода не распространяется на двигатели внутреннего сгорания? Или она опять попала в ловушку?

Похуй.

В последний раз сирена доносилась с востока, и именно туда она направлялась. *Знаете что, мистер Кукловод?* подумала Рамона. *Я иду за вашей задницей.*

25

Она всё ещё была там.

Она всё ещё ждала его.

Чазз не мог видеть Матерь Пауков. Он не мог её слышать. И всё же он чувствовал её присутствие, чувствовал, как она приближается. Он был похож на уличный фонарь, а она — на мотылька. Она кружила вокруг него, подбираясь всё ближе и ближе, крадучись, скрываясь из виду, готовясь к прыжку.

Теперь он уже не бежал.

Он просто выбился из сил. Но он отказывался оставаться на месте дольше, чем на несколько секунд или даже минут. Каждый раз, когда он останавливался, он осматривался, пытаясь понять, где она может быть. Принюхивался, как ищейка. И каждый раз, когда он это делал, он думал: *“Ты не сможешь убежать от неё. Ты не сможешь убежать. Это её город, и она решает, куда ведёт каждая улица.”*

Время от времени он почти чувствовал на себе взгляд множества её глаз... если у неё вообще были глаза. От этого он покрылся холодным потом. И, однажды, несколько улиц назад, он был почти уверен, что слышал отдалённый стук огромного сердца. Мысленно он представил не Матерь Пауков, а просто огромное сердце, дряблое и чёрно-красное. Не обязательно её сердце, но, возможно, сердце города, скрытое чёрное бьющееся сердце, которое питало его. Он почти мог видеть канализацию и трубопроводы под землей — вздувшиеся от крови артерии и вены города.

"Ты сходишь с ума", — сказал он себе.

Это было правдой, и он знал это. Давным-давно было время, когда он отверг бы подобные мысли, как любой здравомыслящий человек. Но это время ушло, и реальность вместе с ним.

— Шевелись, — прошептал он себе под нос.

Чазз встал и огляделся. Он не слышал щёлканья Матери Пауков. Может быть, она отстала от него, но он ни на секунду в это не поверил. Он шёл по тротуару, смотря на двери домов, не в силах решить, обещают ли они убежище или источают угрозу. Он шёл десять, потом пятнадцать минут, но ничего не видел и не слышал. Он полностью выпрямился, перестав красться и прятаться как какой-то падальщик.

Он шёл более уверенным шагом.

Его мысли прояснились, и он начал думать менее инстинктивно и больше как человек. Ранее он бежал куда глаза глядят. Теперь, когда угроза не таилась за каждым углом, он начал думать, как найти остальных. Потому что, на самом деле, это было самое худшее... быть одному. Люди-манекены, Одноногая Леди и Матерь Пауков — все они, конечно, были ужасны, но от одиночества становилось ещё хуже.

Если бы рядом с ним был кто-то, например Рамона, он бы с радостью сражался вместе с ней (или с ним).

Забудь о Рамоне, тупица. Ты бросил её, когда та тварь схватила тебя. Ты сбежал. Ты показал ей, из чего ты сделан.

Он отказывался думать об этом.

Всё было совсем не так. И всё же мысль о том, что он трус, преследовала его и не отпускала. Она быстро разрасталась в его голове, пока не затмила все остальные мысли.

Он побежал.

Он знал, что бежит не от реальной угрозы, а от самого себя. Он метнулся за угол и врезался в одного из кукольных людей, и они оба упали.

Тварь оказалась под ним.

В те несколько секунд шока, прежде чем он смог подняться, он увидел, что это была Одноногая Леди. Её белый парик почти сорвался с головы и свисал набок, как тряпка. Её лицо было рыхлым и дряблым, глазницы заполняла бездонная чернота.

Чазз закричал и отшатнулся назад, ударившись головой о край здания и увидел искры в глазах. Хуже всего было то, что она пристала к нему. Он ударил её и оттолкнул, но она была прикована к нему. Они вместе покатались по тротуару, но он не мог отбросить её. Он оказался на спине, а она лежала на нём, не двигаясь и ничего не делая, просто мертвый манекен, сиамский близнец, от которого он не мог отделиться.

Он снова закричал, когда её ужасное лицо оказалось в нескольких дюймах от его собственного.

Её лицо пересекали огромные борозды, трещины и глубокие морщины. Чёрные швы тянулись от уголков её рта до лба, где они соединялись с более сложными стежками. Её лицо было словно сшито из трёх или четырёх лиц. Швы были настолько тугими, что оттягивали губы от розовых дёсен и похожих на колышки зубов.

Но самым шокирующим было то, что она была жива, хотя и не двигалась. Она дышала, и он чувствовал глухое биение её сердца.

Он ошалело пытался освободиться от неё, но она цепко держалась за него.

Вскочив на ноги, он снова и снова бил её о кирпичную стену здания, пытаясь разбить вдребезги, но она была невероятно крепкой и упругой. Её голова подпрыгивала на обвисшей, дряблой шее, лицо касалось его лица, губы были холодными и жирными, как рыбы внутренности.

Где-то в процессе она просто соскользнула с него, как сорванная кожа.

Он не побежал.

Он упал на задницу, бормоча что-то безумное, изо рта текла слюна, а из глаз слёзы. Он не думал, и ничего не делал. Просто ждал, пока она проснётся.

Казалось, больше ничего не осталось.

26

— Они остановились, — сказала Су-Ли, пытаясь выровнять дыхание в тёмной тесноте подвала. “Я их больше не слышу.”

— Это ещё не конец, — сказал Крип.

Лекс промолчал. Он полагал, что они не спустились бы в подвал, если бы не Крип, и это его не слишком радовало. У Крипа сдали нервы. Лекс не верил, что там, наверху, им грозила реальная опасность. Это было странно и тревожно, но настоящей угрозы не представляло. По опыту закуской он знал, что они могли выйти в любое время, когда захотят. Независимо от того, как комната перестроилась, они всё ещё могли выбраться, потому что “настоящая” комната всё ещё была там, даже если её не было видно.

Теперь он уже не был так уверен.

И снова Кукловод ими манипулировал, загоняя в нужное ему место. У него было такое чувство, что наступило кратковременное затишье, пока сирена не завоет снова.

— Здесь что-то есть, — сказал он. — То, что Кукловод хочет, чтобы мы увидели или нашли.

Крип дрожал рядом с ним.

— Что нашли?

— Даже не знаю. Но, поверь, здесь нет ничего случайного.

Все трое стояли, прислонившись к стене у подножия лестницы. Лекс запер дверь в подвал, и кукольные люди некоторое время били и царапали её, прежде чем успокоиться. Он знал, что они всё ещё там, но они ничего не предпринимали. Затишье. Он подумал, что разумнее всего было бы улизнуть сейчас, пока они бездействуют. Скоро сирена зазвучит снова, и тогда начнутся настоящие неприятности.

Но этому не суждено случиться.

Он был почти уверен, что их будет около дюжины, замерших в коридоре, и у Крипа не хватит смелости двигаться среди них, даже если это означало свободу.

Так они и ждали, сидя плечом к плечу, не в силах вернуться и боясь углубиться в сам подвал.

Лекс, чувствуя себя злым и расстроенным из-за всего этого, сказал: “Как ты думаешь, что нам делать?”

— Откуда мне знать?

— Ты привёл нас сюда.

— У меня не было выбора.

— Ты мог бы действовать более разумно.

— Пошёл ты.

— Прекратите, — сказала Су-Ли. “Прекратите оба. Раз уж мы здесь, давайте посмотрим, что здесь есть.”

— Здесь крошечная тьма. Ни черта не видно.

— Воспользуйся зажигалкой, — предложил Лекс.

Крип, вздохнув, выудил её и протянул Лексу, не желая быть тем, кто навлечёт на себя гнев Кукловода. Лекс взял её и зажёл. Пламя было ярким и ровным. Они оказались в длинном узком коридоре. У стен было навалено много всякого хлама: стопки смоченных водой картонных коробок, старые велосипедные рамы и особенно отвратительного вида матрас, почти чёрный от пятен, как будто кто-то давным-давно истекал на нём кровью.

Удивительно, но на старом комодe стоял канделябр. В нём были закреплены три наполовину сгоревшие красные свечи. Как в старом европейском фильме ужасов

— То, что надо, — сказала Су-Ли.

Лекс зажёл свечи.

— Теперь мы можем притвориться, что мы пара тупиц в фильме про монстров.

Крип хихикнул, но в его смехе не было веселья, только медленно разгорающаяся истерика.

Лекс шёл впереди по коридору, чувствуя себя так, словно идёт по коридору в доме с привидениями на Хэллоуин, ожидая, что какой-нибудь упырь вот-вот выскочит на него. Он не думал, что это далеко от истины. В конце коридора была дверь, но на ней не было ни паутины, ни кровавых отпечатков рук. Ручка была очень старой, потускневшей и грязной от многочисленных прикосновений.

Он оглянулся на Су-Ли в тусклом свете свечи.

Неровный свет окрасил её лицо в оранжевый цвет, отбрасывая тени под глазами и скулами. Это придавало её азиатским чертам почти мистический и жестокий вид. Но он знал, что она не такая. Она была практичной и добросердечной.

Он взялся за ручку без всякой голливудской драмы и распахнул дверь. То, что он увидел там, было почти тем, что он ожидал увидеть. Не совсем, конечно, потому что он не мог знать, но это не было сюрпризом.

— Коробки, — сказала Су-Ли.

Крип не согласился: “Гробы. Это гробы.”

Лекс и Су-Ли посмотрели друг на друга, а затем снова на коробки. Да, гробы. Но не современные, над которыми скорбят люди, а дешёвые сосновые коробки, которые, опять же, были похожи на инвентарь из фильма ужасов. Точнее, фильм из Хаммеровской серии, подумал Лекс. *Невесты Дракулы* или *Влюблённые Вампиры*. Один из тех, которые его мама всегда смотрела, когда он был ребенком. Их было двенадцать или пятнадцать, сложенных в беспорядочную кучу, как будто их сбросили сверху.

— Закрой дверь, — сказал Крип. — Просто закрой.

Но Лекс не был уверен, что всё будет так просто. Он был почти уверен, что им нужно открыть несколько таких коробок, иначе их никогда не выпустят отсюда. Он сказал Су-Ли то же самое.

— Да, может быть, — сказала она. “Но если мы это сделаем, разве мы не позволим снова манипулировать собой?”

— Возможно.

— Никаких может быть, — запротестовал Крип.

И всё же, когда Лекс вошёл туда, они последовали за ним. Когда он снял первую крышку, они придвинулись ближе, чтобы лучше видеть. То, что он увидел, было им самим. Манекен самого себя. На нём даже была его одежда. Именно так он и будет выглядеть в кукольном обличье: губы вытянуты в прямую линию, глазницы — глубокие отверстия, просверленные в гладком и белом лице, пальцы сцеплены на животе, как у покойника в гробу. Он не был живым в обычном смысле слова. Больше похоже на то, что оно ждёт, своего часа, чтобы ожить.

Это было ужасно... и в то же время странно интригующе. Он не мог отвести глаз, хотя ему хотелось кричать.

Крип отступил от ящика на шаг.

— Закрой эту чёртову крышку, чувак. Я не могу на это смотреть.

Лекс решил, что это довольно мудрый совет.

Он с грохотом поставил крышку на место, почти уверенный, что тварь проснётся в любой момент. К счастью, этого не произошло.

— Нам лучше проверить другие, — предложила Су-Ли.

— К чёрту всё, — сказал Крип. — Просто остановись, ладно? С меня хватит. Вам двоим нужно научиться вовремя останавливаться.

Они не обращали на него внимания.

Они сняли ещё две крышки. Су-Ли поймала себя на том, что смотрит на манекен Крипа, который был почти идентичен ему, за исключением насмешливой ухмылки на лице.

Лекс нашёл кукольный экземпляр Су-Ли.

Её копия была ещё более интригующей, чем его собственная. Фарфорово-белое лицо в

обрамлении длинных чёрных волос было безупречно, высокие скулы, полные губы. В отличие от его имитации, у этой были глаза. Не совсем человеческие глаза, больше похожие на желеобразные шары тёмной жидкости, которые, казалось, наблюдали за ним. Копия была идеальной, даже более совершенной физически, чем сама Су-Ли. Он дотронулся до её лица, и оно оказалось не пластмассовым, не деревянным, не восковым, а каким-то очень мягким, почти шёлковым. Прикосновение принесло осязательное удовольствие, и он не хотел отдёргивать руку. У него возникло сильнейшее желание провести рукой по выпуклостям её груди.

— Что ты делаешь? — спросила его Су-Ли.

— Кукла кажется почти живой, — сказал он ей.

Казалось, он не может остановиться. Прикосновение было приятным, даже эротичным, как будто само действие наполняло его мозг эндорфинами. Ему нужно было положить на неё обе руки и почувствовать каждый изгиб.

Затем Су-ли потянула его назад.

И на мгновение он почувствовал ярость, неконтролируемую ярость. Ему хотелось ударить её. Она словно лишала его величайшей радости, которую он когда-либо испытывал. Потом это прошло, и он просто растерялся.

— Оно пошевелилось, — сказал Крип тихим голосом. — Когда она оттащила тебя, кукла пошевелила рукой.

"Оно не хотело прерывать контакт", — подумал Лекс. Каким-то образом оно питалось мной, вытягивая жизненные силы.

Су-Ли, практичная и решительная, закрыла крышку и сделала то же самое с другими ящиками. С глаз долой, из сердца вон.

— Нам нужно выбираться отсюда, — сказала она. — У нас мало времени, так что не тратьте его зря. Пойдёмте."

Она повела их вверх по лестнице, отпирая дверь подвала и держа перед собой канделябр. Коридор был пуст. Кукольных людей нигде не было. Никто не насторожился. Су-Ли теперь была главной, и они полностью доверяли ей. Она потянула Лекса за руку, и он потащил Крипа за собой. Мастерская исчезла. Теперь это была просто гостиная — образ из 60-ых.

Су-Ли подвела их к входной двери, поставила канделябр в сторону и вышла в ночь. Лекс и Крип последовали за ним. Они вместе стояли на крыльце.

— И что теперь? — сказал Крип.

— А теперь мы убираемся отсюда, — сказала Су-Ли с уверенностью, с которой нельзя было спорить.

Когда они вышли на улицу, завывла сирена, словно предупреждая об опасности.

27

Шёл дождь из пепла.

Дворники бешено вращались, но никак не могли очистить ветровое стекло. Это было всё равно что заблудиться в чёрный снегопад. Пепел летел густой и тяжёлый, облепляя фары и лобовое стекло, пока она не была вынуждена остановить микроавтобус.

Ей ничего не оставалось, как переждать.

Она сидела, натянув рубашку на лицо, чтобы не дышать. Даже внутри кабины пепел был

повсюду, покрывая сиденья, приборную панель и руль, оседая на пол, как глубинный морской ил. Через десять минут Рамона тоже была покрыта им. Но даже так, внутри машины было намного лучше, чем снаружи, где он налетал, как чёрная метель.

Она ждала

И ждала.

Что, если это будет продолжаться часами? Несколько дней? Тебя похоронят заживо, — подумала она.

Но она знала, что это не продлится слишком долго. Кукловод тратил очень много энергии, чтобы создать эту иллюзию. Очень правдоподобную иллюзию — можно было дотронуться до пепла, почувствовать его, вдохнуть и задохнуться от него, но всё равно это была иллюзия.

Она съежилась на сиденье, дыша через рубашку, и надела тёмные очки, чтобы эта дрянь не попала ей в глаза. За последние пятнадцать минут температура в кабине поднялась по меньшей мере на двадцать градусов, и она уже начала потеть, одежда липла к телу, как мокрые тряпки. Она стёрла пот со лба, оставив жирные разводы пепла.

Это было отвратительно.

Если это когда-нибудь закончится, ей придется часами отмокать в ванне.

Она ждала, прислушиваясь к тому, как пепел стучит снаружи машины, словно песок. Казалось, этому не будет конца, и она чувствовала всё большую клаустрофобию, микроавтобус всё больше и больше походил на гроб, в котором её медленно хоронили заживо, на ящик, погружающийся в чёрные глубины зыбучих песков. Даже когда всё закончится, а она не была уверена, что это когда-нибудь произойдет, она будет погребена под многими футами чёрного пепла, и если она откроет раздвижную дверь микроавтобуса, то утонет в горе пепла.

Но это было лишь её разыгравшееся воображение.

Даже сейчас пеплопад медленно прекращался. Она едва слышала, как его частички оседали на крыше микроавтобуса. Она подождала ещё минут десять, пока снаружи не воцарилась мёртвая тишина, зная, что это может означать только одно из двух: либо микроавтобус полностью похоронен, либо пепельная буря наконец закончилась.

Она приоткрыла окно на дюйм, и пепел посыпался внутрь, покрыв её чёрной копотью.

Она открыла окно ещё на несколько дюймов.

Её не похоронили заживо.

Она открыла дверь и шагнула в мир, выкрашенный в чёрный цвет. Пепел доходил ей до икр. Она двигалась сквозь него, отбрасывая облака сажи с каждым шагом, пока удалялась от микроавтобуса в странный, почерневший мир. Это был истинный сожжённый Стокс. Он был похож на пластмассовую игрушку, которую заскучавший ребёнок облил жидкостью для зажигалок и поджёг.

То, что она видела, был город после пожара.

Небо казалось тёмным от копоти, лунный свет проникал сквозь дым и пепел. Кварталы выгорели дотла, от зданий остались одни лишь фундаменты. От некоторых домов не осталось ничего, кроме одной-двух закопченных труб, похожих на лишённые ветвей деревья, чёрные кольца, на которых сжигали ведьм. Она видела на улицах остовы сгоревших машин, похожие на высохшие, искорёженные панцири насекомых, которые можно найти на подоконниках заброшенных домов. Из пепла торчали груды тлеющих кирпичей и горящих досок, опрокинувшиеся телефонные столбы и кусты, которые не загорелись, а просто

засохли от палящего зноя.

Сплошной хаос.

То, что привлекло её внимание, было похоже на развалины какой-то фабрики на вершине холма, который возвышался над самим городом.

Затем, так же быстро, как и появился, мираж исчез.

Стокс снова был чист и непорочен, не осквернен и не разрушен. Улицы были чистыми, окна сияли лунным светом, а воздух был свежим.

Единственным доказательством того, что вообще что-то произошло, была сама Рамона, чёрная с головы до ног, с волосами, полными пепла. Она вдохнула чистый воздух, не удивляясь тому, как преобразился город.

Она побрела дальше.

Свет.

Она увидела мерцающий синий свет, исходящий с другой стороны улицы. Все телевизоры в витрине магазина работали. Опять же, это было похоже на клише из старого фильма. Она пошла туда, зная, что Кукловод хочет этого. Шесть или семь старых телевизоров показывали одну и ту же программу — чёрно-белый выпуск новостей, изображение было зернистым и нечётким. Ведущий новостей в строгом костюме и галстук-бабочке, с блестящими от геля волосами, держал в руках кипу бумаг, а на столе перед ним стоял громоздкий хромированный микрофон “Unidyne”.

Картинка изменилась. Теперь телевизоры показывали ужасный пожар, дома и здания, охваченные пламенем, чёрный дым, поднимающийся в небо. Затем картинка снова переключилась на ведущего, комментирующего происходящее. Образ ведущего сменился надписью на экране:

ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ

За этим последовали размытые чёрно-белые фотографии, на которых она разглядела себя и Чазза, Крипа и Даниэль, Лекса и Су-Ли. Образы продолжали повторяться. Кукловод пытался напугать её, и это у него неплохо получалось. Самым тревожным было то, что эти фотографии были сделаны не при жизни, а после смерти. Каждый из них лежал нагишом на столе в морге. Их лица выглядели дряблыми, глаза запавшими.

Рамона отвернулась.

Она злилась, обезумела от ненависти и жажды расплаты. Вдруг завывла сирена, а это означало, что ситуации снова накаляется. Напрягшись, стоя посреди улицы, она ждала этого.

28

Когда раздалась сирена, Одноногая Леди проснулась... по крайней мере, она снова была жива. Чазз видел, как это произошло. Это было похоже на какой-то трёхмерный галлюцинаторный спецэффект, только это была не фантазия, это было реально.

Неужели это происходит на самом деле? Неужели я действительно вижу это дерьмо?

Сначала Одноногая Леди лежала как сломанная марионетка в грудe тряпья, конечности раскинуты в стороны, голова свешивалась набок, пальцы растопырены, рот открыт, как будто в ожидании, что в нём совьёт гнездо воробей.

А потом... начали происходить разные вещи. С грохотом, похожим на шуршание палочек и шариков в коробке, Одноногая Леди встала. Она стояла сгорбившись, со скрюченным, как у старой леди, позвоночником, свесив голову на плечо. Она балансировала

на одной ноге, её деревянная нога слегка покачивалась, как будто могла отвалиться в любую секунду. Жизненная сила заполняла её, превращая то, что несколько мгновений назад выглядело как деревянная кукла, во что-то живое и, возможно, органическое. Она наполнялась жизнью, как воздушный шарик воздухом.

Голос в его голове сказал: "Беги, пока не лишился рассудка полностью".

Но он не побежал.

На самом деле он вообще ничего не сделал. Он просто смотрел на неё, чувствуя себя совершенно беспомощным. Одноногая Леди не делала никаких угрожающих движений, и он не мог отвести от неё глаз. Она смотрела на него, хотя у неё не было глаз, а он смотрел на неё. Он чувствовал себя добычей. Однажды, на уроке биологии, он видел, как мистер Берри бросил мышь в клетку любимой крысиной змеи по имени Герман. Поначалу мышь была очень рада тому, что выбралась из тесной картонной коробки, в которой её принесли из зоомагазина. Она прыгала и резвилась от неожиданной свободы... потом она увидела Германа. Она вжалась в угол клетки, дрожа от чистого ужаса, когда Герман медленно, неумолимо двинулся в её направлении.

Чазз чувствовал себя точно так же, как та мышь.

Может быть, у Одноногой Леди и не было глаз как таковых, но в дырах её лица было что-то живое, и оно уставилось прямо на него. Она смотрела на него, как Герман на мышь, готовясь нанести удар.

Чазз знал, что должен что-то предпринять.

По крайней мере, встать с задницы и использовать свою врождённую силу и скорость. Но он не сделал этого или чего-то ещё, потому что был выжат как лимон. Он чувствовал себя как одна из тех грязных тряпок, которые его мачеха вешала на верёвку после того, как хорошенько вычистит пол в кухне. Он был вялым, промокшим и неспособным к действию.

Одноногая Леди просто стояла. Она была одета в какой-то заплесневелый халат или сорочку, потрепанную чёрную тряпку, больше напоминающую вороньи перья.

— Хорошие мальчики будут вознаграждены, — сказала она, её голос эхом отдавался в его голове. — Плохие мальчики будут наказаны.

Она сделала несколько шагов в его сторону, потом ещё несколько. "Тук-тук, тук-тук, тук-тук", — постукивал её колышек. Она шагнула прямо в лунный свет, и он по-настоящему рассмотрел её лицо, глубокие морщины, разрезы и швы, обесцвеченные десны и жёлтые зубы-иголки, губы, похожие на сухую луковую шелуху. Он знал, что это не ткань, а какой-то материал вроде мешковины, тонко сотканный, но живой. Плоть отслаивалась, распадалась на части, нити и ленты свисали вниз, как пряди волос. Из одного шва тянулась дорожка засохшей крови.

Ты хочешь увидеть своих друзей? — раздался голос Одноногой Леди в его голове, зная, что именно этого он хочет больше всего. — Да? Ну, есть только один способ найти их, и это я. Я могу отвести тебя к ним. Всё, что тебе нужно сделать, это взять меня за руку, и я уведу тебя от страха к свету. Я познакомлю тебя с той, кто создаёт и разрушает, той, кто вознаграждает тех, кто не убегает, как испуганные маленькие мальчики. Просто возьми меня за руку. ...

Его собственный голос в голове сказал ему, что, либо он придёт в себя и придёт очень быстро, либо возьмёт её за руку и погрузился глубже в трясину этого кошмара, пока лёгкие не наполнятся чёрным илом, а сердце чёрным ужасом, и он не утонет, как кирпич. Это был решающий момент.

Одноногая Леди протянула ему руку ладонью вверх. Он мог видеть металлические стержни или кости, выпирающие под кожей.

Он встал.

Он знал, что будет делать.

Он собирался отбросить этот грёбаный манекен и убраться отсюда к чёртовой матери. Таково было его намерение. Поэтому он сильно удивился, когда протянул руку и сжал её резиновую ладонь, почувствовав, как её извивающиеся пальцы обвили его кисть, как щупальца, которые никогда не отпустят.

Он закричал в последнем приступе отчаяния.

Но было уже слишком поздно.

Слишком поздно.

29

Кукольные люди приближались.

Не один или два, а целые толпы, притягиваемые со всех сторон, как металлические опилки к магниту. И этим магнитом был их дом. Су-Ли, Крип и Лекс смотрели, как они приближаются, ковыляя, шатаясь и еле плетясь, но никогда не сворачивая с намеченного пути.

"Мы утонем в них", — подумал Крип. *Их так много, что мы будем похоронены в них заживо.*

— Нам лучше вернуться в дом, — сказал Лекс. "Это похоже на осаду."

Но Крипу эта идея не понравилась.

— К чёрту! Давайте убежим!

— Мы не можем убежать. Нам некуда бежать, — напомнила ему Су-Ли.

Она была права. Он знал, что она права. Они были пойманы в ловушку, и снова их решения принимались за них, и они реагировали, а не действовали так, как она и Лекс сказали ранее.

— Пошли, — сказала Су-Ли. — Возвращайтесь в дом. Это всё, что мы можем сделать.

Лекс начал пятиться вместе с ней, но Крип не последовал за ней, потому что увидел выход. Наконец-то нашёлся выход.

— Крип, — сказала она. — Пошли в дом.

Но он яростно замотал головой. Очевидно, они этого не видели, иначе думали бы о том же, о чём и он.

— Смотрите! — он сказал. "Вон там!"

Они ничего не заметили.

Господи, она была прямо там! Дальше по улице! Машина, вашу мать! Как они могли этого не видеть? Старый седан ещё с тех времён, когда не изобрели рулевые противоугонные устройства. Завести эту старую рухлядь не составит проблем. У него был с собой перочинный нож, и это всё, что ему нужно.

— Машина! — воскликнул он. "Вон там! Смотрите!"

Но они уже увидели её, и было очевидно, что эта идея им не нравится. Он знал, о чём они думают: ловушка. Кукловод (как Лекс любил называть его, или её, или оно) поставил машину там, чтобы они по глупости запрыгнули в неё. Крип знал, что, наверно, так и есть, особенно в этом месте, где не было машин, но, чёрт возьми, он был напуган и больше не мог

нормально мыслить. Ему нужно было выбраться отсюда. Пусть ему придётся драться с одним-двумя манекенами по пути, это всё равно стоило того.

Убирайся к чёртовой матери из этого проклятого дома и попытайся пережить на колёсах эту Ночь оживших мертвецов.

Он сорвался с места и побежал к машине.

Лекс и Су-Ли окликнули его, но к тому времени кукольные люди уже приближались со всех сторон, и у них не было шансов догнать его. И это было хорошо, потому что он не собирался прятаться в этом грёбаном доме, дожидаясь, пока эти твари доберутся до него.

Позади него Лекс и Су-Ли всё ещё кричали.

Они будут чувствовать себя по-настоящему глупо, когда он подъедет на машине и вытащит их оттуда к чёртовой матери. Приблизившись к машине, он увидел, как один из кукольных людей поднялся из-за неё, как наполняемый газом воздушный шар. Это был человек, чье лицо покрылось белой маслянистой краской, как будто находилось под раскаленной лампой. У него не было глаз, но это не мешало ему смотреть прямо на Крипа.

Он оглянулся через плечо.

Лекс и Су-Ли вернулись в дом, и улицы заполнились кукольными людьми. Теперь пути назад не было, они были повсюду. Он был один и либо делал то, за чем пришёл, либо...

Кукольный человек проковылял вокруг машины, его рот открывался и закрывался резким, механическим движением, как будто его челюсти приводились в движение пружиной, как у марионетки. А может, так оно и было. Крип подёргал дверцу со стороны водителя. Заперто. Это вызвало приступ паники. Он перебежал на другую сторону, кукольный человек был всего в нескольких футах от него. Пассажирская дверь тоже была заперта.

Но задняя дверь была открыта.

Крип залез в машину, захлопнув дверь на замок. Он быстро заблокировал другую заднюю дверцу и вздохнул с облегчением. Кукольный человек безрезультатно колотил в окна.

Бей сколько хочешь, придурок. Автомобильные стекла легко разбиваются только в кино.

Сейчас, он хотел лишь завести этот кусок дерьма. Это должно было сработать, и он знал это. Он почти видел, как это происходит у него в голове. Это было единственное, что заставило его задуматься, потому что в реальной жизни всё никогда не шло так гладко, особенно у него.

Какого чёрта?

Сначала он этого не заметил, но теперь понял: салон машины был полностью обесцвечен. Он был чёрно-белым, как в старом фильме. В свете луны его руки были кремового цвета, а сама машина пестрела разными оттенками серого.

Он подтянулся, чтобы перелезть через сиденья, решив, что не будет думать о том, что это может означать. Это была просто игра лунного света, и у него, чёрт возьми, не было времени волноваться из-за такого дерьма. Нужно было спешить.

Ключи были в замке зажигания.

Ключи в грёбаном замке зажигания!

Он начал перебираться через сиденья. Несколько кукольных людей приближались к машине.

"Ну и хрен с вами", — подумал он.

И тут что-то ударило его.

В машине с ним никого или ничего не было, но он почувствовал, как что-то вроде руки ударило его прямо в грудь и отбросило на заднее сиденье. Может быть, это была не совсем рука. Может быть, это было что-то более похожее на волну силы. Как бы то ни было, это имело физическое воздействие.

Крип поднялся.

Тупой придурок! Ты знал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, но всё равно пошёл на это!

Охваченный паникой, ожидая, что невидимая рука снова ударит его, он потянулся к ручке двери... но её не было. Это было похоже на заднюю часть полицейской машины, без ручек. Он попытался открыть замок, но тот был оплавлен. Он попробовал открыть другую дверь. У неё тоже не было ручки. Он осмотрел передние дверцы, зная, что там тоже не будет никаких ручек, потому что ловушки так не работают. Крип оказался в ловушке типа Тараканий мотель — тараканы регистрируются, но не выписываются. Тогда он потерял самообладание, колотя в окна до боли в кулаках, зная, что не выйдет, но, как животное в клетке, он не мог смириться с этим.

Кукольные люди уже собрались вокруг машины.

Десятки безглазых белых лиц прижимались к окнам, пока он не смог разглядеть ничего, кроме этих мрачных лиц, лиц из треснувшего дерева и пластика, плавящегося воска и мешковины.

Они все ухмылялись.

Они все смеялись.

Именно тогда, когда слезы покатались по его лицу, а мысли, казалось, разлетелись в разные стороны, он услышал, как звякнули ключи, висевшие в замке зажигания. Он ясно видел, как они двигались. Машина тронулась с места. Кукольные люди отступили, когда седан отъехал от бордюра.

Машина катила по улице, а Крип бил в заднее стекло, пока не исчез в ночи.

30

Стоя посреди улицы, Рамона услышала нечто такое, что заставило её подпрыгнуть. Это был не слишком громкий звук. Просто грохот, как будто что-то упало, но в тишине он был громким и неожиданным, и она знала, что это лишь начало чего-то страшного.

Минуту назад ты была в бешенстве. Ты была готова сразиться с кем угодно. Где теперь этот гнев? Где эта решимость?

Она и сама не знала. Он просто... исчез. Он высох внутри неё, испарился, оставив её дрожать одну в этом адском городе, в этом извращенном сне, и она честно не знала, что с этим делать.

Да, это так. На восток, на восток. Вот откуда всё это берётся. Отследить его источник. Ты поймёшь, что должна сделать.

И да, она это знала.

Конечно, это был очень простой план, но выполнить его будет совсем не так просто, и она это знала. Она услышала ещё один грохочущий звук, и на этот раз он донёсся сверху, как будто что-то упало на крышу. Она слышала, как что-то катится вниз. Затем оно ударилось о тротуар в трёх футах от неё. Предмет приземлился с мясистым стуком и лопнул, как тыква,

забрызгав её слизью и чем-то вроде волокнистой ткани.

Это была голова.

Не человеческая голова, а кукольная... и всё же она была очень похожа на человеческую. Рамона вскрикнула и начала стряхивать с себя ошметки. Боже, как же отвратительно. Это были не осколки древесины или пластика; это была плоть и кровь, хоть и сама мысль об этом была невозможна.

Бум, бум.

Теперь упало кое-что другое. Рука. Рука манекена. Она приземлилась в трёх футах от Рамоны и поползла в её сторону. Упала ещё одна рука, потом ещё одна. Чья-то нога опустилась и застучала по тротуару. Затем рука, другая голова — на этот раз пустая, катящаяся, как мячик, в её сторону.

Шёл дождь из кукольных частей.

Ещё одна голова упала рядом с ней. Женская голова с грязными светлыми волосами. Она чуть не задела Рамону. Она катилась по тротуару, кровь с булькающим звуком вырывалась из её рта.

Но это невозможно, сказал голос в голове Рамоны. *Это всего лишь голова манекена, а манекены не кровоточат, они неживые и не могут кровоточить, потому что они не живые, не живые, не живые...*

Но оно было живым.

Забрызганное кровью лицо дёргалось, рот пытался произнести её имя, и она знала это.

Части кукол теперь падали повсюду. Некоторые из них разбивались при ударе, но большинство остались целыми. Рамона стояла, слушая, как они падают вокруг неё, не зная, что делать. Она должна выбраться отсюда, но в каком направлении ей бежать? Чем дальше она колебалась — весь этот дождь частей тела продолжался меньше минуты — тем больше конечностей и голов скапливалось вокруг. Лишь там, где она стояла, ничего не падало, но вскоре она будет поймана в ловушку на своём маленьком островке в океане живых частей тела.

Головы выкрикивали её имя. Ноги прыгали в её направлении, руки ползли, а кисти двигались, как пауки-альбиносы.

В нескольких футах от неё упала женская голова и покатилась в её сторону. У неё были выпученные белые глаза и взъерошенные рыжие локоны, челюсти открывались и закрывались.

— РАМОНА, — взвизгнула она. — РАМОНА! РАМОНА! РАМОНА! РАМОНА!

Рамона закричала, не в силах больше сохранять спокойствие, когда ещё больше голов покатились к ней, выкрикивая её имя. Что-то ударилось о её плечо и вцепилось в него. Кукольная кисть, горячая и дряблая. Её пальцы вонзались в плоть, когда она поползла к горлу. Рамона сорвала её и отбросила. На неё свалилось ещё что-то. Маленькие существа, которые извивались в её волосах, как черви. Снова закричав, она вырывала их вместе с прядями волос. Это были пальцы. Они ползали по её голове, один из них скользнул по шее и пополз вниз по спине.

Она извивалась, вырывая пальцы из волос и отшвырнув один из них, который пытался влезть ей в рот. Она боролась, визжа от ощущения как другой палец прокладывает себе путь в ложбинку между её грудями, а тот, что шёл вдоль спины, добрался до её узких джинсов. Опустившись на колени, забыв обо всём остальном, она расстегнула молнию на джинсах и стянула их, схватив палец, который пытался попасть в её прямую кишку.

Части тела набросились на неё.

Одна кисть схватила её за запястье, другая скользнула вверх по бедру. Ещё несколько пальцев погрузились в её волосы. Один из них протиснулся между её губ, и она прикусила его, превратив в мерзкую кашу. Задыхаясь от тошноты, она выплюнула остатки.

На раздумья не оставалось времени.

Части тела окружали её, и не оставалось времени ни на что, кроме побега. Переполненная абсолютным ужасом, она вырывалась на свободу, сбивая всё со своего пути и пнув в сторону голову, которая выкатилась из тени. Она вырвала ещё несколько пальцев и бросилась в первую попавшуюся дверь, ведущую в магазин часов. Дверь была открыта, как она и предполагала, потому что в Стоксе никто не запирает свои двери, как в старые добрые времена 1960 года.

Когда она вошла в дверь магазина, кисть сжала её горло. Рамона упала на колени, ломая кукольные пальцы, и наконец оторвала кисть, которая была скользкой от какого-то тёплого выделения, похожего на пот.

Но это не может быть пот, ты же знаешь, что она, чёрт возьми, не может потеть, она никак не может потеть...

Рамона бросила кисть на пол и топтала её до тех пор, пока та не развалилась. Её глаза вылезли из орбит, зубы сжались, а кровь закипела от паники.

Он перестала двигаться.

Она вцепилась в стеклянный прилавок, заставленный часами, пытаясь отдышаться, удержаться от того, чтобы не сойти с ума.

Тук-тук-тук.

Онемев от ужаса, она оглянулась и почувствовала, как у неё подкашиваются колени. Кукольные лица. Вот что она увидела. Десятки сияющих белых кукольных лиц ударились в зеркальные стекла окон, прижимаясь ртами к стеклу, как улитки, цепляющиеся за стенки аквариума.

Они толпились у окон, все с сосущими ртами миноги и дикими глазами, красными, как спелые вишни. Уставившись внутрь, обводя пространство магазина похотливым, дьявольским взглядом, они наблюдали за ней. Глаза смотрели на неё, как огни кораблей-призраков, надвигающихся из тумана.

Лиц было так много, что они полностью закрывали окна, рты сосали стекло с отвратительными, слюнявыми звуками младенцев. Все они были продолговатыми и искаженными, сделанными из какой-то белой волнистой ткани, которая не могла удержать свою форму. Они раздувались и сдувались, вечно меняясь и мутируя, как изображения в комнате кривых зеркал.

Рамона подавила безумное желание захихикать и, спотыкаясь, прошла в какую-то мастерскую. С головокружением, почти в шоке, она упала на пол и лежала там, дрожа. Горячий пот катился по её лицу, зубы стучали. Это было уже слишком. Она сходила с ума и радовалась этому. Не было смысла бороться; лучше просто смириться и тихо сойти с ума.

Всё ещё почерневшая от копоти, липкая от пота и пепла, с расстегнутыми штанами и без пальто, с разорванной рубашкой, с болью в голове от вырванных волос, она закрыла глаза.

Нет, Рамона, не засыпай. Ты не можешь сейчас заснуть.

Но было уже слишком поздно. Усталость и травмы опустошили её, и она почувствовала, как её разум погружается во тьму. Через несколько секунд после того, как она предостерегла

себя от этого, она уже спала.

31

Как только они вошли в дом, Су-Ли закричала. Она чувствовала слабость и головокружение, полностью подавленная иррациональным ужасом. Она прислонилась к стене, бледная и дрожащая с головы до ног.

Она позвала Лекса, но его нигде не было видно.

Она чертовски хорошо знала, что арка, ведущая в гостиную, должна была быть прямо перед ней, но её там не было. И, что ещё хуже, Лекса тоже. Там, где он стоял, была стена, как будто она находилась в каком-то карнавальном доме с привидениями, с раздвижными дверями и потайными ходами.

— ЛЕКС! — крикнула она. — ЛЕКС!

Но ответа не было, только её голос возвращался к ней из дюжины разных мест, отдаваясь эхом, но не теряя своей громкости. Это было физически невозможно, но продолжалось до тех пор, пока ей не пришлось закрыть уши руками.

Когда эхо умолкло, она снова смогла думать логически. То, что она видела, было своего рода физической иллюзией, как в закусочной. Лекс, вероятно, был где-то поблизости. Сделав глубокий вдох, Су-Ли вытянула руку в направлении, где видела его последний раз и коснулась какой-то куклы. Что-то похожее на влажный мохнатый рот прикусило её палец.

Ты испугана, твой страх питает Кукловода энергией. Просто постарайся успокоиться.

Она попыталась, но безрезультатно. Она не могла побороть жгуче-белый ужас, который волнами пробегал по её телу. Чтобы победить его, ей придётся убедить себя, что стены не заставлены людьми-манекенами, а значит, ей следует прикоснуться к ним, пройти сквозь них и добраться до Лекса.

Невозможно.

Совершенно невозможно.

Она попробовала ещё раз и чуть не подавилась собственным страхом. Он заполнил её горло, как тёплая рвота. Нет, нельзя было думать о чём-то большем, таком всемогущем, таком поразительно реальном. Встретиться с ним лицом к лицу было выше её понимания. Ей нужно было двигаться. Дрожа, она поплелась по коридору, позволяя ему увести себя прочь, надеясь, что движение и расстояние каким-то образом истощат эту мрачную иллюзию, пока реальность не вернётся. Коридор, казалось, поворачивал влево и вправо, назад и вперёд, медленно сужаясь, пока её не охватила клаустрофобия.

Впереди был свет... тусклый, мутно-жёлтый, но всё равно свет.

Она шла к нему, двигаясь теперь быстрее, и когда добралась до него, ей пришлось прижать кулак ко рту, чтобы не закричать снова. Свет исходил от кукольных людей, которые выстроились вдоль стен в каком-то средневековом видении ада. Каждая пара глаз светилась, как рождественские лампочки, и, как поняла Су-Ли, причина тому была в том, чтобы она поняла, насколько была слабой и незначительной по сравнению с ними.

Их рты были широко раскрыты, как будто они кричали... кричали от осознания того, кем были. Её уши не слышали крики, но в её сознании они были пронзительными и истеричными.

Она ковыляла дальше, задыхаясь, её голова была наполнена криками мёртвых, проклятых и безумных, её глаза бешено вращались в глазницах, рассматривая кричащие лица

и сюрреалистическую, пугающую архитектуру их тел: безвольные конечности и скелетообразные тела, раскрытые, чтобы показать сложные механические внутренности и металлический каркас.

Что-то внутри Су-Ли разрывалось между смехом и криком от того, что она видела, от всех этих злобных, насмешливых, глазеющих кукольных лиц, которые смотрели со всех сторон. Так много, очень много. Глядя на них, она чувствовала, как её сердце превращается в осушенное болото, в котором не осталось ничего, кроме чёрной грязи и гниющего органического мусора. Мысленно она видела, как её душа покидает тело, подобно тысяче мерцающих светлячков, вылетающих изо рта.

Ты не можешь сейчас потерять голову. Ты не можешь! Лекс пытается найти тебя, так что постарайся помочь ему!

Да, она понимала, что это важно, но это не ослабляло её клаустрофобии. С каждой минутой она становилась всё сильнее. Теперь коридор, казалось, был полностью сделан из кукольных людей. Они вырастали из стен, как пятнистые грибы — бугристые, выпуклые и теснящиеся, искусственные лица выталкивались наружу, как расширяющиеся мыльные пузыри, пока полностью не заслоняли стены. Они, казалось, множились вокруг неё через какое-то извращённое деление, лица разделялись на ещё больше лиц, которые снова делились на ещё больше. Она смотрела немигающими, испуганными глазами, как лицо улыбающейся женщины-манекена распахнулось со звуком треснувшей скорлупы, и четыре, а затем пять сморщенных кукольных личиков появились, как голодные цыплята, овальные рты открывались и закрывались, всасывая воздух.

Это происходило снова и снова, когда лица и тела разрывались, чтобы извергнуть множество кукольных младенцев, всё ещё блестящих от отвратительной внутриутробной слизи.

Су-Ли снова подавила желание закричать и рассмеяться одновременно, чтобы выпустить наружу накачивающее безумие. Вот каково это — сходить с ума. Ей казалось, что её разум превратился в тёплую, тающую массу, которая вот-вот вытечет из черепа через уши.

Множество голов вокруг неё, казалось, раздувались, как воздушные шары, живые, но инертные, одушевлённые, но безжизненные, их пронзительные крики разносились по коридору и толкали её далеко за пределы здравого смысла.

Их горящие глаза, казалось, следили за ней, заглядывая глубоко в душу.

Даже наклонный потолок сверху теперь состоял из висящих манекенов. Лица, похожие на демонических бабуинов, ухмылялись над головой, свисающие конечности раскачивались взад и вперёд в каком-то неслышимом ритме, острые пальцы, похожие на иглы, касались её головы и оставляли царапины на шее.

Самым разумным было бы вернуться обратно, но теперь пути назад не было. Позади неё стены сомкнулись, запечатав проход кукольными частями, а стены впереди всё сужались и сужались. Она бежала, спотыкалась, падала, вставала, снова падала, лица становились всё ближе, а пальцы, словно корни деревьев, путались в её длинных волосах. Изогнутые рты звали её по имени и умоляли присоединиться к ним.

Упав в очередной раз, она подняла глаза и увидела вздувшийся живот кукольной женщины. Он был разрезан, как анатомическая модель, чтобы показать кукольный плод внутри, висящий вверх ногами в амниотическом мешке. Это была пластмассовая неживая вещь... и всё же она сосала большой палец с чавкающими звуками. Когда он повернул своё сморщенное, безглазое лицо к Су-Ли, она отползла на четвереньках, издавая горлом

болезненный стон.

Это иллюзия, сказала она себе.

Это иллюзия, созданная для того, чтобы расшатать твой рассудок, усилить страх и тем самым усилить власть Кукловода. И ты это знаешь. Ты всё это знаешь, но продолжаешь вестись на это. Ты продолжаешь реагировать вместо того, чтобы действовать. Это была дурацкая идея бежать по этому коридору, и ты знала это, но всё равно так сделала.

Эта мысль её остановила. Господи, она ползала на четвереньках, как животное, как какой-то крот, копошащийся под землей. Она встала. Выпрямилась во весь рост. Она должна думать о том, как выбраться из этой передрыги, пока не стало ещё хуже... если это вообще возможно. Путь назад был закрыт. Или, по крайней мере, так казалось. А что, если это вовсе не так? Что же тогда?

Су-Ли развернулась и пошла обратно тем же путем, которым пришла.

Кукольные существа, которые были стенами её тесного маленького мира, сразу же начали волноваться. Они тряслись и дрожали. Пальцы сжались, конечности задёргались, рты начали издавать низкий стонущий звук.

И всё же она не остановилась.

Она разрушала тёмные чары этого места.

По-другому и быть не могло.

Она продолжала двигаться, теперь уже быстрее, и проход начал открываться. Она несколько раз моргнула, чтобы убедиться в этом. Но, да, он открывался.

Это не может быть так просто.

Но, возможно, так оно и было. Она почти поверила в это, пока не увидела чёрную неуклюжую фигуру, вышедшую из прохода. В том, что это был один из кукольных людей, она сомневалась не больше, чем в том, что он пришёл за ней. Она нарушила правила маленькой игры Кукловода и теперь будет наказана.

Она начала отступать назад, её решимость улетучивалась.

Нет, нет, нет! — предупредила она себя. Не отступай! Не поддавайся страху! Неужели ты не понимаешь? Иллюзия рассеивается, карточный домик вот-вот рухнет, так что эта... эта... тварь была послана, чтобы усилить кошмар! Не сдавайся! Кукловод настолько силен, насколько ты его себе представляешь!

Как будто прочитав её мысли, существо издало низкое горловое рычание.

Су-Ли задрожала.

Оно хотело, чтобы она дрожала, ему нужно было, чтобы она дрожала, потому что чем больше она дрожала, тем смертоноснее оно становилось. Её страх был горячим воздухом, который раздувал его. Без этого оно было всего лишь сморщенным резиновым мешком... но даже знание этого не помогало, потому что она была сильно напугана. Она могла видеть только неуклюжую тёмную тень, неуклонно движущуюся в её направлении, но ужас, который она внушала, был очень реальным, подкрепляемым злобным рычанием. По мере того как оно приближалось, светящиеся глаза кукольных лиц гасли один за другим. Оно несло с собой тьму, движущуюся стену черноты.

Она буквально не могла этого вынести.

Когда гас свет, люди-куклы, выстроившиеся вдоль стен, также переставали двигаться. Это выглядело так, словно эта тварь вытягивала из них жизнь. Су-Ли не видела полностью морды существа, лишь его длинные и скрюченные зубы в гаснущих огнях.

Зазвонили часы.

Растревожённая Рамона проснулась в темноте часовой мастерской. Она подпрыгнула и затряслась. Все чёртовы часы в здании звонили — дедушкины и кукушкины, юбилейные и будильники. БИНГ, БИНГ, БИНГ! БОНГ! БОНГ! БОНГ! По лавке разносилось эхо от звонотрели и ударов. Эффект был не просто ошеломляющим, но и шокирующим.

Это что-то предвещает, подумала она.

На самом деле, зажав уши руками и немного успокоившись, она знала, что это может означать только одно: Кукловод хочет, чтобы она проснулась. Оно не хотело, чтобы она отдыхала. Оно не хотело, чтобы она засыпала. Оно хотело, чтобы она была измотана и нервничала, потому что иллюзии работали бы намного лучше, если бы она была физически и умственно истощена.

Но дело было не только в этом.

Она была полна решимости проследить этот кошмар до его источника, который находился где-то на востоке, и этого нельзя было допустить. Кукловод бросил на неё Франкенкуклу, а затем обрушил на неё дождь из частей манекенов. Оно не остановится ни перед чем, чтобы запугать её, сбить с толку, причинить боль и, возможно, даже убить.

И Рамоне очень нужно было помнить об этом.

Разум, стоявший за всем этим, был не только изворотлив, но и хитёр, коварен и чрезвычайно опасен.

Но эти часы, эти чёртовы часы ...

Рамона сидела, понимая, что должна что-то предпринять, поскольку звон, казалось, заполнял её череп, причинял боль ушам и даже вызывал боль в зубах, если такое было действительно возможно. Это сведёт её с ума, как наверно отчасти и было задумано.

Не думая и не планируя ничего, она быстро поднялась на ноги, больше всего взволнованная и разозлённая.

— ЭТО НЕ СРАБОТАЕТ! — крикнула она, перекрывая шум. “ЭТО НЕ СРАБОТАЕТ! Т СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ГРЯЗНЫЙ СУКИН СЫН? ЭТО НИ ХРЕНА НЕ СРАБОТАЕТ! Я ИДУ ТОБОЙ, И ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ МЕНЯ ОСТАНОВИТЬ!”

Она ожидала, что её неповиновение обрушит на неё ад, возможно, в виде неистовой кукольной армии... но этого не произошло. То, что произошло, было настолько неуловимым, что она чуть не пропустила это. В самом воздухе часовой мастерской что-то изменилось, как будто атмосферное давление резко возросло или уменьшилось. Волосы у неё на затылке встали дыбом, как будто она была в самолёте, набирающем высоту.

А потом... часы остановились.

Тишина, сменившая какофонию, была почти оглушительной.

Рамона вызывающе стояла, как бы говоря Кукловоду попробовать что-нибудь ещё, потому что она быстро приспосабливается и готова драться.

Но ничего не произошло.

"Не сиди здесь и не жди этого", — сказала она себе. *Не давай ему времени на создание новых ужасов.*

Жалея, что у неё нет фонарика, потому что в магазине было так невыносимо темно, она обошла прилавок, осторожно войдя в заднюю комнату, которая была чёрной, как

погребённый гроб. Здесь должна быть дверь. Чёрный ход. Она пыталась быть непредсказуемой. Это было очень важно, и она это знала. Поэтому она развернулась и пошла обратно в магазин к входной двери.

Она всмотрелась в тёмные улицы.

Они были пусты, совершенно пусты, и в этой пустоте таилась угроза. Она не видела кукольных людей. На стекле всё ещё остались липкие пятна от их сосущих ртов, и Рамона не могла притворяться, что сама мысль об этом её не очень беспокоит.

Она открыла дверь.

Всё ещё держась за неё, она сделала два шага и позволила своему инстинкту принять решение за неё. Он велел ей выйти через чёрный ход. Она снова развернулась и вошла в лавку. Достала сигареты и закурила. Пламя её сигареты превращало тени в живые, разумные существа, которые скользили по стенам вокруг неё, прятались в углах и ползали по циферблатам часов.

Она стояла у витрины и курила.

Её инстинкт и женская интуиция были перегружены, и она это знала. От этого у неё покалывало кожу, а кровь превращалась в горячий пар.

Она пыталась вновь ощутить изменения в атмосфере.

Что-то будет в воздухе, когда оно решит нанести удар, когда оно пошлёт новый ужас, чтобы мучить её. Это, опять же, будет неуловимо, но всё же будет, и она должна быть готова почувствовать это. Это был ключ к разгадке.

Но она ничего не чувствовала.

Она сделала несколько затяжек и бросила сигарету. Та ударилась о циферблат часов и рассыпалась дождём искр, оставив пепел тлеть на деревянном полу. *Пусть это проклятое место сгорит дотла*, подумала она. Рамона снова зашла в заднюю комнату и щёлкнула своей зажигалкой. Она не удивилась, что комната изменилась. В Стоксе всё было так, как вы и предполагали. В мерцающем свете зажигалки она увидела дедушкины часы с торчащими наружу внутренностями, препарированные часы с кукушкой и верстаки, заваленные запчастями: маятники, колонные колёса, пружины, шестерни и зубья.

Многое из этого использовалось и при создании кукольных людей, подумала она.

За верстаками и полками с деталями была ещё одна дверь.

Пламя обожгло ей пальцы, и ей пришлось выключить зажигалку. Она снова осторожно двинулась между часами и верстаками, стукнувшись бедром о стол. Она потянулась в темноте к двери... но её там не было.

Дерьмо.

Она снова почувствовала что-то в воздухе. Что-то должно было произойти, и она почувствовала, как дрожь пробежала по её рукам. Ей казалось, что её внутренности втянулись в грудь, словно ища защиты в грудной клетке. У неё пересохло во рту. Её глаза расширились. Она пошатнулась и чуть не выронила зажигалку. Она щёлкнула ей.

Господи.

Несколько кукольных людей стояли вокруг неё образуя полукруг. Судя по всему, это были женщины. Они были совершенно голые, как раздетые манекены, сделанные из какого-то гладкого белого материала, их груди были просто выпуклостями без сосков. Они были лысыми, по их блестящим черепам бежали крошечные трещинки, а глаза казались чёрными дырами. Их рты двигались, открываясь и закрываясь, как будто им нужно было что-то сказать.

Одна из них издала какой-то воркующий звук и протянула к Рамоне свои белые пальцы. Рамона оттолкнула её руку, кисть куклы вывалилась из запястья и с грохотом упала на пол. У них всех мгновенно расширились рты, превратившись в чёрные пропасти, и они закричали с высоким пронзительным воем.

— Нет! — закричала Рамона, когда они все потянулись к ней.

Никакой пощады. Когда их холодные руки схватили её, она обезумела, как дерущаяся кошка, отбиваясь и брыкаясь, когда они царапали её, вырывая пряди волос и крича ей прямо в лицо. Она сбила с ног двух из них, обезглавила третью, а когда четвёртая схватил её сзади, она издала вопль, развернулась, схватив куклу за руки, и сделала бросок. Кукольная женщина разбилась вдребезги о стену. Рамона сражалась с ними в темноте, вырываясь из их хваток и натываясь на верстаки и полки.

Потом вой прекратился.

Она вытащила из кармана зажигалку и щёлкнула. Тени отпрянули, оранжевое пламя отразилось на стенах. Кукольные женщины исчезли. Рамона поворачивалась то в одну, то в другую сторону, ища их, её разум балансировал на грани безумия.

Потом позади неё: дыхание.

И хихиканье.

Затем что-то ударило её, и она упала на колени, искры вспыхнули в её глазах. Она почувствовала, что падает на пол. Она потеряла сознание.

Не прошло и нескольких минут, как она открыла глаза.

В её голове раздался голос: *"Что произошло?"*

Путаница мыслей. Тревога. Шок. Она получила сильный удар по затылку. Это она уже знала. И она знала, что находится в ужасной опасности... но удар по голове вкупе с усталостью сделал её слабой, а тело — онемевшим. Она открыла глаза, и они тут же закрылись.

Что-то было у неё на груди, и она чувствовала, как маленький холодный рот жадно посасывает её левую грудь.

Вскрикнув, она села и взмахом руки сбила тварь. Она услышала, как что-то грохнулось на пол. Что бы это ни было, сейчас оно ползло к ней. Оно издавало какой-то булькающий звук, от которого к её горлу накатывала тошнота.

Зажигалка.

Она всё ещё сжимала её в левой руке. Она щёлкнула ей, и в комнате стало светло. Она увидела, как существо ползёт к ней по полу. Оно было похоже на распухшего младенца, безволосого, с обесцвеченной плотью. У него не было ни глаз, ни носа, только ухмыляющееся чёрное отверстие вместо рта. Оно передвигалось спазматическими рывками, как какой-то слизняк из ада. Его дыхание — потому что, да, оно определённо дышало — было неровным.

Рамона уже была на ногах, зажигалка дрожала в её руке.

Она попятилась и ударилась о стену. Нет, не стену, а дверь. Она чувствовала, как ручка упирается ей в спину. Когда этот дёргающийся, голодный маленький ужас почти настиг её, она на ощупь открыла дверь, и в комнату хлынул лунный свет.

Вот тогда-то эта тварь прыгнула.

Как паук, оно приподнялось и оттолкнулось от пола, и она пнула его изо всех сил. Оно разлетелось на куски, которые продолжали извиваться и дребезжать.

Но к тому времени она уже выскочила за дверь, на ходу застёгивая рубашку, не

уверенная, что она вообще в здравом уме.

В темноте седана, который медленно ехал в неизвестном направлении, Крип всё глубже и глубже погружался в бездны собственного сознания. Сколько времени он просидел на заднем сиденье, дрожа и бредя, он не знал. Только внезапно, как будто в его мозгу зажётся свет, сознание вернулось, и он услышал голос в своей голове, говорящий: *"Какого хрена ты делаешь? Ты ждёшь, что мама придёт и прогонит Бугимена?"*

Он выпрямился на сиденье.

Он не был самым храбрым и спокойным из людей даже в лучшие времена, и сейчас его нервы звенели, как колокольчики на ветру. Он боялся действовать. Он боялся не действовать. Как бы то ни было, ситуация была не из лучших: он сидел в большом чёрном автомобиле, который ехал по тёмным улицам города-призрака, как катафалк похоронной процессии.

Он решил, что это, вероятно, не так уж далеко от истины.

Внутри машины всё было по-прежнему чёрно-белым. Он мог видеть цвета снаружи машины — красный знак остановки, жёлтый бордюр, пурпурный цветущий куст сирени — но внутри всё было серым, белым и чёрным.

Ты собираешься сидеть и ничего не делать, киска?

Одному Богу известно, как далеко он сейчас от остальных. Так или иначе, он должен был положить этому конец. Он должен был выйти из этой грёбаной машины прямо сейчас. Это была отличная идея, но как он это сделает? Он был в ужасе и почти боялся пошевелиться, боялся что-либо предпринять на случай, если тот, кто всё это контролировал, решит наказать его.

Но ты должен что-то сделать.

Боже, да, он знал это... но что?

Он уставился на руль, наблюдая, как тот плавно поворачивается влево или вправо, когда машине нужно было свернуть за угол. Это было безумие. Он был безумен.

Он беспомощно сидел, а затем почувствовал горячий запах тухлятины в машине.

Он был почти уверен, что какая-нибудь мёртвая тварь материализуется на сиденье рядом с ним, настолько сильно пахло. Он ждал, пока запах рассеется, как будто машина только что проехала мимо какого-то гниющего животного на дороге, но он не рассеялся, а стал сильнее, горячее и тошнотворней.

Капля жидкости упала ему на лицо.

Вздвогнув, он смахнул её... его пальцы были мокрыми от чего-то тёмного. Кровь? Господи, неужели это кровь? Но он знал, что это так. В старых чёрно-белых фильмах кровь всегда выглядела черной, и он помнил, что это очень пугало его в детстве. Чёрная дрянь, вытекающая из людей. Не красная, а... чёрная. Когда эта мысль пронеслась в его суматошном мозгу, ещё одна капля упала на кончик носа, а другая на макушку. Было жарко, очень жарко.

Упало ещё больше капель чёрной крови. Она стекала сверху, как будто потолок превратился в решето. Она падала ему на голову и стекала по лицу, как горячее масло. Он отполз, прижимаясь к противоположной двери. На сидении уже собралась небольшая лужица. Затем с потолка в нескольких дюймах от его лица свесилась полоска обивки...

только это была не обивка, не ткань и не кожа.

Это была плоть.

Живая ткань.

Нет, не живая, а мёртвая. Он чувствовал исходящий от неё запах гниения. Он сделал всё, что мог, чтобы сдержать рвотный позыв. Машина была не из металла, дерева, резины и пластика... нет, это было живое существо, организм, который был мёртв или умирал. Она разлагалась вокруг него, и он был пойман в неё, как мышь в гниющую тыкву.

Крип просто сидел, ошеломлённый и почти задыхающийся от этой мысли. Этого не может быть. У него просто галлюцинации. Его вообще здесь нет. Сейчас он лежит в палате с мягкими стенами, накачанный сильнодействующим снотворным, и кричит во всё горло.

Паника пронзила его изнутри, острая и резкая, когда голос в затылке сказал: *“Сначала машина сгниёт как любое живое существо, потом черви выползут из сидений, трупные мухи вылупятся из приборной доски и прочие паразиты будут копошиться в этой каше. И ты будешь здесь. Увидишь всё это...”*

Он больше не мог этого выносить.

Он просто не мог.

Дико визжа, он колотил по окнам, с потолка над ним свисали огромные лоскуты плоти, а сиденья под ним превратились в гниль. В воздухе стоял густой трупный запах, зелёный туман, горячий и вызывающий тошноту. Он ощущал его вкус на языке, чувствовал его мерзкие соки, как росу на лице. Когда Крип попытался перелезть через переднее сиденье, ухватившись за губчатую ткань его обивки, из неё хлынула чёрная жижа, замаравшая обе его руки.

Гниль была везде, и не было никакого спасения от неё.

Он маниакально принялся рвать обивку, раздирая её пальцами, впиваясь ногтями в мясистые ткани, и где-то в процессе начал кричать, когда его рассудок окончательно помутился.

34

Пока Су-Ли всё глубже запутывалась в лабиринте кукольного коридора, Лекс делал всё возможное, чтобы не потерять самообладание. Он говорил себе, что всё это иллюзия, физическая или ментальная, но всё равно иллюзия. Он должен был игнорировать свои низменные животные инстинкты страха и необходимости бежать вслепую. Он должен оставаться на месте, иначе он заблудится.

Но в конце концов, когда реальность была полностью разорвана на части и заново создана вокруг него, он потерял контроль над собой.

— ТЕБЕ ПРИДЁТСЯ ПРИДУМАТЬ ЧТО-НИБУДЬ ПОЛУЧШЕ! — воскликнул “ЖАЛКИЙ ДЕШЁВЫЙ ТРЮК! ЭТО ЧЕРТОВСКИ ВТОРОСОРТНО, КАК И ТЫ!”

Выплеснув свой гнев словами, он почувствовал себя лучше, сильнее. Он всё ещё был напуган, но он делал единственное, что мог сделать, направляя весь ужас в ненависть и гнев, пока его руки не сжались в кулаки, тело не затряслось, а зубы не стиснулись. Он находился в длинном, узком освещённом коридоре, стены которого были покрыты каким-то розовым блестящим материалом, который расширялся и сжимался при дыхании. Потому что оно дышало, и он слышал его низкое, шипящее дыхание. Он пытался притвориться, что ничего не слышит, потому что казалось, что если он признает этот звук и ужас, который он внушает, то

станет гораздо хуже.

— Это будет не так просто, — мягко и решительно сказал Лекс. “Я знаю твой секрет. Ты один, и тебе страшно, и ты пытаешься внушить нам этот страх. Но это не работает. Потому что ты слаб.”

Похоже, оно его услышало.

Не успел он произнести эти слова, как звуки дыхания стихли, и он едва мог их расслышать. Стены уже не дышали. Они мелко дрожали и всё ещё казались сделанными из мягкой розовой кожи, но уже не дышали.

На мгновение ему показалось, что он слышит страшный и далёкий звук мучительного вздоха.

Затем стены снова начали дышать. Дышать? Нет, они хватали ртом воздух почти болезненно, как лёгкие умирающего человека.

— Жалкая иллюзия, — сказал Лекс, пнув ногой стену.

Самым удивительным и почти комичным было то, что появился синяк. Если бы вся эта история не была такой идиотской, он бы рассмеялся.

Стены всё ещё дышали, но теперь они немного успокоились. Затем они начали набухать с каждым вдохом, раздуваясь и раздуваясь, как наполненные воздухом мешки. Они сжимались. Ну что ж, пора проверить его по шкале клаустрофобии. Стены надвигались всё ближе и ближе. Они раздавят его, задушат своей мясистой массой.

Лекс бил ногой снова и снова, но, несмотря на синяки, стены не отступали.

Именно тогда произошло самое неожиданное и неприятное.

На стенах появились овальные углубления, тысячи по обе стороны от него. Они расширились, пока не стали похожи на глянцевые камеры пузырьчатой плёнки, только водянисто-розового цвета. Когда они расширились до размеров, что казалось должны были взорваться от внутреннего давления, они раскрывались. Это были не волдыри, а глаза — зелёные, голубые, карие, некоторые красные, как в фильмах ужасов. Теперь он находился в камере из плоти с тысячами глаз, сочащихся слизистой жидкостью.

Стены продолжали надвигаться всё ближе, глаза, бесчисленные живые немигающие шарики, уставились на него, глядя ему прямо в душу, пока его кожа буквально не начала покрываться мурашками, и он обнял своё дрожащее тело от чистого ужаса.

"Нет, нет, нет", — произнёс в его мозгу детский голос. *Всё что угодно, только не это.*

Он знал, что не может позволить этому сломить себя. У него не было фобий. Но Кукловод был полон решимости сломить его. Оно использовало смесь клаустрофобии, ометафобии(боязнь глаз) и скопофобии(боязнь быть увиденным) и самым страшным было то, что она работала. Лексу казалось, что дрожит не только его кожа, но и внутренности.

Вот как оно ломает его.

Вот как оно поймёт его.

Глаза всё приближались. Они были большими, распухшими и блестящими, из них текли слизистые слезы. Он знал, что через несколько секунд они прикоснутся к нему.

— Нет, — пробормотал он себе под нос. Он не мог этого допустить. Остальные нуждались в нём, и он это знал. Более того, Су-Ли нуждалась в нём, и он не мог её подвести. Но страх вывел его из строя, полностью лишил желания сражаться.

Не позволяй этому случиться, сказал он себе. *Не дай ему победить. Борись! Используй свой разум! Думай! Думай!*

И независимо от того, было ли это осознанно или нет, он сделал первое, что показалось

ему разумным: он ткнул указательным пальцем в один из глаз. Ощущение не было неприятным, по крайней мере для него. По крайней мере, не изначально. Он полностью погрузил палец и почувствовал, как оно вздрогнуло от вторжения и, возможно, от боли.

Но это продолжалось недолго.

Восхитительное и почти непристойное тактильное ощущение сменилось болью. Внутри было очень жарко. Плоть его пальца горела, как будто его ужалила медуза. Когда он попытался выдернуть палец обратно, глаз закрылся, как розовый сморщенный рот вокруг кончика его пальца, и ему пришлось дёргать изо всех сил, чтобы освободиться. Студенистая слизь, похожая на яичный белок, брызнула ему на руку. Она обжигала его кожу. Но что ещё хуже... он почувствовал резкий укол в левом глазу, как будто ткнул сам себя.

Несмотря на боль, он тыкал глаза снова и снова, чувствуя, как они лопаются брызгами слизи, и чувствуя, как боль отдаётся в его собственных глазах. Но он не сдавался. Так он выколол ещё шесть глаз, пока боль не заставила его упасть на колени.

Когда он открыл глаза, пытаясь совладать с болью в них, стены с глазами отступили на несколько дюймов. Он приготовился повыбивать их все... но что-то начало происходить. Пока он смотрел, из каждого глаза выросли крошечные ножки, как у паука. По четыре у каждого глаза. И со способностью передвигаться, они отделились от стен.

Лекс вскрикнул.

Он пинал и бил кулаками по стенам, давя глазных пауков под собой и на себе, пока не стал мокрым от глазной слизи.

Они ползали по его лицу и копошились в волосах, спускались по спине и забирались на штанины, и единственное, что он мог сделать в своём безумии — это выбраться оттуда, пока не утонет в них. Он начал пробираться прямо через стены, вырывая куски розовой плоти.

35

Су-Ли ползла на четвереньках по проходу между куклами, пока не поняла, что кукол нет и на самом деле она поднимается по лестнице. Переход был быстрым, и она понятия не имела, было ли это очередная иллюзия. Она остановилась, пытаясь приспособиться к окружению.

Откуда, чёрт возьми, взялась эта лестница?

Она не знала, и ей, честно говоря, было всё равно. Главное то, что она выбралась из того ужасного кукольного дома. Ковёр приятно шелестел под её руками. Она так устала, так сильно устала. Она опустила голову на одну ступеньку, наслаждаясь ощущением ворса под щекой.

Да, это было приятно.

Ей нужно было позвать Лекса, но у неё не было ни сил, ни воздуха в лёгких. Всё её тело болело, мышцы были напряжены. Её веки закрылись, и она начала засыпать, когда где-то позади раздался громкий стук.

Она подняла голову.

Тук-тук-тук.

Под ней было что-то вроде прихожей с тёмными панелями на стенах и блестящим паркетным полом. Там стояла старинная вешалка для одежды, несколько больших напольных ваз и шкаф с множеством выдвижных ящиков, выглядевший как антиквариат восемнадцатого века. Также там была массивная дверь с шестью панелями.

Тук-тук-тук.

Кто-то стучал в дверь. Стучал? Чёрт возьми, они колотили по ней кулаками. Они очень хотели войти.

Су-Ли знала, кто это был.

Или, лучше сказать, что это было.

Это не могло быть ничем иным, как неуклюжей фигурой, которую она видела в кукольном коридоре, тёмной приближающейся фигурой. Оно всё ещё преследовало её и хотело заполучить.

Она сжала губы, потому что не осмелилась издать ни звука, крик застрял у неё в горле. Кулак снова забарабанил в дверь, и Су-Ли показалось, что весь дом затрясся вместе с ней.

Шевелись!

Всхлипывая, но отказываясь сдаваться, она, опершись о перила, поднялась на ноги. Она стояла в нерешительности, чувствуя слабость в коленях. Она уже чувствовала запах того, что надвигалось на неё, — запах старых гобеленов, гниющих в тёмных шкафах, и тяжёлых заплесневелых портьер, изъеденных молью и покрытых паутиной. Почти тошнотворный запах древности, знакомый ей по пыльным египетским гробницам.

Она вскарабкалась по лестнице и оказалась в длинном узком коридоре, уходящем в обоих направлениях. Он был освещён старинными газовыми лампами, которые отбрасывали неровный свет. Когда стук повторился, она напряглась, зная, что должна пойти и спрятаться за одной из многочисленных дверей. Подойдет любая из них. Ей нужно было плотно закрыться и ждать в темноте... и молиться.

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук!

Теперь стук звучал громче, настойчивее. Она слышала, как внизу отчаянно дребезжит дверная ручка. Каждый раз, когда кулак ударял в дверь, в неё словно вбивали гвоздь. Она почти чувствовала боль. Это заставило её желудок сжаться в комок.

Она побежала налево, пробуя открыть дверь за дверью и обнаруживая, что они все заперты. Она отбросила в сторону тяжелый гобелен и обнаружила, что смотрит на пыльное окно. Может быть, это и был выход. Она стёрла пыль со стекла и выглянула наружу. Она увидела Луну, высоко висящую над зубчатыми крышами. Далеко внизу между покосившимися зданиями пролегали узкие кривые улочки. Казалось, что окно, из которого она смотрела, находилось в сотне футов над ними, как будто сам дом завис в воздухе.

Раздался оглушительный треск, и она поняла, что дверь внизу сорвана с петель, и существо, которое искало ее, теперь находилось в доме, принеся с собой запах сухой гнили и древних склепов.

Су-Ли побежала обратно по коридору.

На верхней площадке лестницы она остановилась, но только на мгновение. Она не могла видеть существо внизу, но слышала его топот, болезненную походку, звук волочащейся ноги. Его зловоние отравляло весь дом. Она увидела, как неровные тени начали ползти вверх по ступеням.

Она пробовала открыть двери, пока не нашла одну незапертую. Это была ловушка, и она знала это, но иного выбора у неё не было. Она как можно тише закрыла дверь, заперла её и вошла в просторную комнату с огромной готической кроватью с балдахином и красными велюровыми занавесками, свисающими с массивных резных тиковых столбиков.

Комната мечты. Бесчисленные красные и чёрные бархатные подушки, одеяло тёмно-алого цвета. Как же ей хотелось прилечь, чтобы...

Тук-тук-тук.

Оно было уже у двери, и Су-Ли знала, что ничего не может с этим поделать. Она была мухой, которая попала в паутину по собственной воле. У неё возникло ощущение, что её с самого начала направляла невидимая длань Кукловода.

Но больше идти было некуда, сказал слабый и уязвлённый голос в её голове. *У тебя не было иного выбора.*

Может быть, так оно и было, а может быть, ей просто не хватало решимости, но когда замок щёлкнул и упал на пол, а дверь бесшумно распахнулась, она поняла, что таких вещей, как выбор, у неё больше нет и никогда не будет.

Запах твари заполнил комнату.

Кривая тень змеилась по полу в её направлении.

О, пожалуйста... Боже мой, нет... нет...

Она увидела искажённую, похожую на пугало, фигуру двигающуюся в её направлении, с искривленной плотской усмешкой на губах. И когда она закричала, к ней потянулись руки, похожие на бледных тарантулов.

36

— *Ш-ш-ш,* — прошептал ему в ухо мягкий голос. *“Теперь в этом нет необходимости.”*

То, что осталось от разума Крипа, услышало голос, но отвергло его. Рядом никого не было. Он был один в машине, и безымянный страх в его мозгу уверял его, что он всегда будет один. И всё же он ощущал чьё-то присутствие рядом с собой, какую-то форму, физическое искажение пространства. Он был один и не один одновременно.

С потолка всё ещё капало, обшивка всё ещё гнила вокруг него. Машина остановилась прямо посреди улицы, как будто у неё больше не было ни сил, ни возможности двигаться дальше.

— Кто... кто здесь? — услышал он свой собственный голос прежде, чем смог подавить его.

— Это всего лишь я, — сказал голос. “Твой друг.”

Голос был странно похож на голос Рамоны, но Рамона не могла быть с ним в машине, просто не могла. Хотя он и был закутан в тугую кокон ужаса, Крип знал, что должен убедиться, что рядом действительно кто-то есть. Глаза никого не увидели, но другие чувства твердили об обратном. Он вытянул руку и ахнул, коснувшись чего-то, чего не мог видеть. Это не было ужасно, просто необычно, поэтому он снова протянул руку и коснулся волос, длинных прядей, которые легко скользили между его пальцами. Ему нравилось это ощущение. Он продолжал водить по волосам пальцами, пару раз коснувшись самой головы. Ощущение ему не понравилось, как от прикосновения к резине, но его пальцы не могли перестать гладить роскошные локоны.

— Вот видишь? Ко мне приятно прикасаться. Мне и самой приятно — сказал бархатистый голос, отчего Крип невольно расслабился.

Теперь он провёл обеими руками по волосам. О да, это были шелковистые и тонкие длинные волосы. Он почувствовал, как что-то скользнуло по его руке. Он стряхнул это с неё, но появились другие, много других. Скальп, казалось, кишел ими. Он должен был бы прийти в ужас, но не пришёл. Он начал выдёргивать маленьких длинноногих существ, расчесывая волосы, как обезьяна, выдергивающая гнид из шкуры другой обезьяны.

— Очень приятно, — сказал ему голос. “Ты даже не представляешь, как долго они щипали меня. Вытащи их всех.”

Да, именно это он и хотел сделать. Это приносило ему невероятное удовольствие. Он выдёргивал извивающихся насекомых и швырял их на переднее сиденье. Иногда они кусали его, но в основном просто хотели убежать. Один из них, очень распухший, распустил крылья и улетел, задев его нос.

— Я такая же, как ты, — сказал голос. “Я сломана... я не цела. Но вместе мы можем стать завершёнными.”

Да, в этом была своя логика.

Он выдернул ещё несколько паразитов, не столько нащупывая их, сколь ощущая. Ловкими, натренированными пальцами он хватал их, когда они выбегали из своих укрытий, и быстро расправлялся с ними. Теперь он не отбрасывал их, а раздавливал, как извивающиеся маленькие ягоды, чувствуя нарастающее возбуждение, когда сгустки холодного желе стекали с его пальцев. Они не хотели умирать, но он должен был убить их, потому что они оскверняли свои присутствием такие прекрасные волосы.

Хотя он всё ещё не мог видеть таинственную незнакомку на соседнем сиденье, он слышал, как она радостно воркует. Её конечности издавали шуршащие звуки, похожие на царапанье ветвями деревьев крыш домов, а иногда она издавала низкие, тревожные, но странно соблазнительными звуки.

— Я чувствую себя намного лучше — сказал ему голос, почти задыхаясь от удовольствия. “Когда ты закончишь, я сделаю кое-что для тебя. Ты никогда не возжелаешь дружку. Я кое-что знаю. Секретные вещи. Хочешь, чтобы я показала?”

— Да, — пробормотал он. — О да.

После всего дерьма, через которое он прошёл сегодня вечером, достаточно ужасного, чтобы сломить любого мужчину, он наконец-то получил передышку. Наконец-то он нашёл друга, которому можно доверять и о котором можно заботиться, который будет доверять и заботиться о нём. Она была прекрасна. Он мог судить только по ощущению её волос и её голосу, даже не зная её имени, но это, казалось, не имело значения. Такие вещи были незначительны. Он продолжал очищать её волосы от паразитов, пока не стало казаться, что их больше нет, и она не издала горлом высокий звук, похожий на пение цикад.

— Посмотри вокруг, — сказала она. — Видишь?

Пока Крип ухаживал за ней, машина перестала гнить и истекать кровью. Как и его рассудок, она снова была целой и невредимой. Она была прочной и безопасной. Запах тоже исчез.

— Ты помог мне, и я помогу тебе, — сказала она, её голос теперь был восхитительно соблазнительным. — Теперь тебе нужно расслабиться.

Она толкнула его обратно на сиденье, и он с готовностью откинулся на спинку и позволил ей делать всё за него. Она схватила его руку очень холодными пальцами и прижала к своей груди. Её кожа была очень гладкой. Его рука была между её грудей, и он чувствовал возбуждённое биение её сердца.

— Я жива, как и ты, — сказала она так, словно никогда в этом не сомневалась. “Ты хочешь меня увидеть?”

— Да, да.

Усевшись ему на колени, она приняла форму и казалось, что задолго до того, как он увидел её по-настоящему, он уже видел её в своём воображении. Волосы у нее были длинные

и тёмные. Лунный свет придавал им блеск. Узкое лицо, высокие скулы, огромные пустые глазницы. Её губы были полными, и когда она улыбнулась, он увидел, что зубы у неё длинные и острые, как у гадюки, и понял, что она хочет пронзить его ими. Нет, это было неправильно, совсем не то, чего он ожидал.

— Слезь с меня, — сказал он. — Отвали от меня, мать твою!

Её ноги обхватили его бёдра как ножницы, и она не отпускала его. Её волосы уже начали сесть, собираясь в пучок на голове, как увядший куст. Её лицо было покрыто трещинами, кожа шелушилась, как старые обои, отваливаясь и открывая сморщенное лицо, похожее на мягкую гнилую сливу. Её дыхание пахло гниющими фруктами и испорченным сидром. Его возлюбленная из сновидений выглядела как старуха, пролежавшая три месяца в могиле. Её волосы кишели термитами, которые впивались в кожу головы, как в кору мёртвого дерева. Они ползали по её лицу и исчезали в глазницах.

— Я же говорила, что сломалась, — сказала она. — Теперь ты тоже будешь сломан....

Крип вскрикнул и начал бороться с тварью. Он не знал была это реальность или подобие реальности, но он знал наверняка, что она сделает ужасные, невыразимые вещи с ним, если он не остановит её сейчас. Когда насекомые полетели ему в лицо, а её дыхание превратилось в гнилостное зловоние, он схватил её руки и попытался сбросить с себя. Одна рука была из материала очень похожего на плоть, которая крошилась под его пальцами, а другая была не более чем металлическим каркасом. Пальцы, сжимавшие его горло, были не пальцами, а когтями дикого зверя.

Крепко прижавшись к нему, её потрескавшееся кукольное личико приблизилось к его собственному. И хотя её лицо больше походило на плохо анимированную маску, розовый язык, который извивался между губами куклы в поисках его собственного, был очень даже живым.

37

Когда Чазз вырвался из хватки Одноногой Леди, он знал, что заплатит за это. Он знал, что ему не позволят просто сбежать. Он побежал прочь от неё, набирая скорость, и тут что-то ударило его в спину. Оно врезалось в него с силой тарана, отбросив на шесть футов.

Потом он услышал, как она идёт за ним.

Она шла по тротуару небрежной походкой старой женщины, которая никуда не спешит и знает, что в конце концов доберётся туда, куда идёт.

"Тук-тук, тук-тук, тук-тук", — стучал её колышек, когда она приближалась к нему. Он просто лежал, онемевший и бесчувственный, его конечности покалывало.

— *Что я тебе сказала о плохих мальчиках?* — раздался её голос у него в голове. *Что я тебе сказала?*

Она постучала колышком по тротуару, чтобы подчеркнуть это. Хотя его мозг был наполовину погружен в сон, он очень хорошо помнил, что она сказала. Хорошие мальчики будут вознаграждены. Плохие мальчики будут наказаны. Да, именно это она и сказала, и теперь собиралась наказать его.

Чазз знал, что должен двигаться, должен мотивировать себя (как однажды сказал тренер), иначе всё будет кончено. Помощь не придёт. Некому было спасать его задницу, кроме него самого. Но он должен был хотеть этого, и если он хотел этого достаточно сильно, он мог достичь этого. Десятки ободряющих речей эхом отдавались в его голове, и он

заставил себя встать на четвереньки. Это был первый шаг. Потом он встанет на ноги и тогда... и тогда...

Оуууууу... Господи.

Одноногая Леди пнула его. Она пнула его своим колышком прямо между ног, хорошенько стукнув по шарам. Чазз стиснул зубы и снова упал. *Вот сука! Грязная грёбаная сука!* Боль, как всегда, прочистила ему мозги, и гнев затмил страх и нерешительность. Он откатился в сторону, прежде чем она успела пнуть его снова.

ПЛОХОЙ МАЛЬЧИК! — завизжала она у него в голове. **ПЛОХОЙ, ПЛОХО МАЛЬЧИК! ТЫ БУДЕШЬ НАКАЗАН! ТЫ БУДЕШЬ КАСТРИРОВАН! Я ОТОРВУ ТЕ МАЛЕНЬКИЕ ЯЙЦА ЗУБАМИ И ПЛЮНУ ТЕБЕ В ЛИЦО! ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?**

Чазз прекрасно её расслышал.

Он вскочил на ноги и, когда она протянула к нему руку, похожую на чешуйчатую иссохшую птичью лапу, ударил её кулаком прямо в лицо. Но Одноногая Леди не упала. Её голова откинулась назад, и на одно безумное мгновение он подумал, что она отпружинится прямо в него, но этого не произошло. Её лицо смотрело прямо на Луну, затем раздался скрип и треск, как от ломающихся сухих веток, и её голова вернулась на место. Пустые глазницы уставились на него. Несколько швов разошлись на её обвисшем лице, и кровь, чёрная, как сырая нефть, стекала по щекам.

Ты ударил Учителя! — кричала она у него в голове. *Я отведу тебя к Директору, создателю и разрушителю! Ты падёшь прямо к Её ногам!*

Чазз отступил назад, чтобы она не смогла схватить его, потому что он знал, что если она сделает это, то никогда больше не отпустит его. Она стояла и смотрела на него. Её серые губы разошлись и сморщились, обнажив потрескавшиеся розовые дёсны и кривые жёлтые зубы. Она облизала их пятнистым языком.

Теперь твоя рука, мальчик! Дай Учителю свою руку!

Чазз, обезумев от всего этого, снова бросился на неё. Как только он попытался врезать ей, что-то, словно горячая волна силы, ударило его в лицо с такой силой, что он услышал, как хрящ в его носу треснул, как грецкий орех, и он упал на землю, кровь сочилась из его сломанного носа.

Так начинается наказание, сообщила ему Одноногая Леди. *Когда всё закончится ты будешь плохим маленьким мальчиком без яиц и костей, распростёртым ниц перед Той, кто создаёт и разрушает!*

Прежде чем он успел что-то сделать, кроме как застонать от боли в носу, она схватила его за волосы чешуйчатой лапой и потащила по тротуару. Её колышек стучал *тук-тук, тук-тук, тук-тук*, пока она тащила его на восток, где с ним разберутся.

Неважно, сколько он боролся, её рука не отпускала его. Всё, что он получал от неё — гортанное рычание и резкий рывок, который чуть не вырвал ему волосы с корнями. Он попытался вырваться, но её рука была мягкой и склизкой, как от вазелина.

— Пожалуйста, — выдохнул он. — Пожалуйста... отпусти меня.

Но она продолжала тащить его. *Да, плохие маленькие мальчики в конце концов всегда просят пощадить их. Но побереги свои мольбы и голос до того момента, когда начнётся настоящая боль, ты, жалкий маленький говнюк!*

Обмякшего и всхлипывающего Чазза тянули к его судьбе.

Несмотря на то, что приближалось к ней, Су-Ли не закричала, потому что у неё не было голоса. Крик был внутри неё, эхом отдаваясь в черепе, но она не могла позволить ему вырваться наружу. Её горло было стянуто, губы плотно сжаты, челюсти сомкнуты. Она умрёт молча, в страшной агонии. Всё, что произошло раньше, было лишь прелюдией к этому ужасному моменту.

Отступая от существа с ободренным лицом, она была почти уверена, что видела его где-то раньше. Разве это не призрак из её детских кошмаров? Мрачная фигура, крадущаяся по угольно-чёрным закоулкам её подсознания? Может быть, и нет. Единственное, в чём она могла быть уверена, это то, что оно не было живым в общем смысле этого слова — это был зомби-каркас, сплав нескольких живых манекенов.

В её голове было слишком много мыслей и эмоций, все они обострились из-за страха, лишая её возможности думать связно. Существо, казалось, знало об этом, питалось её ужасом. Она практически слышала глухой биение его сердца. Оно остановилось футах в четырёх от неё, уставившись на неё глазами, которые были не глазами, а глубокими чёрными впадинами.

— Это ты, куколка? — сказала оно, и вот тогда она закричала.

Тварь представляла собой неуклюжую тушу, вся раздутая, бугристая и обезображенная, с костлявыми конечностями, торчащими под прямым углом от тела, с негнуцимыми растопыренными пальцами. Лицо представляло собой сдувшийся, похожий на маску, мяч, гротескный пазл, который стягивался грубыми швами толстой бечёвки, создающими выпуклые карманы гнилой ткани.

Понимая, что вызывает отвращение у неё, оно ухмыльнулось кривым ртом, отчего у неё подкосились колени. У него не было губ, только рваная дыра, как будто оно грызло свой собственный рот от голода. Его серые заострённые зубы были способны и на большее.

Су-Ли не успела увернуться от него. Оно потянулось к ней и ухватило за её руку лапой, похожей на бейсбольную перчатку, пальцы больно впились ей в кожу. Существо что-то шептало ей, но в состоянии крайнего ужаса она не смогла разобрать ни искажённых слов, ни скрипучего кукольного голоса, который их произносил.

Оно заговорило снова, и на сей раз она ясно расслышала его слова: *“Ты будешь моей прекрасной невестой, куколка. И на нашем брачном ложе я познаю тебя.”*

Его намерения были очевидны.

Су-Ли вскрикнула, споткнулась и ударилась задницей об пол. Она поползла прочь, поднимаясь на ноги, а человек-пугало подбирался всё ближе и ближе.

Оно ухмылялось... если эту кривую, мёртвенно-бледную гримасу действительно можно было так назвать. Свободные концы бечёвки свисали с его лица, которое вблизи было жёлто-серым, потрескавшимся, как сухая глина. Оно было в постоянном движении, как будто внутри было что-то, что очень хотело выбраться наружу.

Пугало снова схватило её с невероятной скоростью.

На этот раз она отреагировала мгновенно, отдирая его пальцы от своей руки. Они были сильны, их хватка была железной... и всё же они были ужасно дряблыми. Ей удалось вырваться, и один из них лопнул горячей струей слизи, как раздутая гусеница. Вскрикнув от отвращения, она отвернулась и почувствовала, как пугало лапает её. Повинуясь инстинкту, она вцепилась в него ногтями, попав прямо в лицо. Её мизинец зацепился за петлю бечёвки, и она услышала, как та выдернулась со звуком, похожим на то, как продевают нитку в

петлицу. Оно издало крик, который был наполовину мучительным, наполовину яростным.

Прежде чем она успела убежать, одна из его рук схватила её за волосы и потащила назад. С небольшим усилием оно развернуло её и швырнуло прямо на кровать. Её голова ударилась об один из прикроватных столбиков. Она пришла в себя, но не сразу. Поднявшись на ноги, ошеломлённая и вялая, она снова попыталась вцепиться ногтями ему в лицо, но промахнулась.

Ради бога, беги! Если оно поймает тебя, то изнасилует!

Где-то в глубине её разума голос, который не принадлежал ей, хихикнул при одной мысли об этом. Манекен, насилующий женщину? Похотливая кукла? Да, разум, конечно, был ошеломлён, и в этом не было никакого смысла, но она не сомневалась, что оно попытается это сделать, и если ему это удастся, она сойдет с ума. Не было никакой альтернативы. Она просто сойдет с ума.

Оно снова схватило её и било головой о спинку кровати, пока она не обмякла. Она чувствовала, как пальцы, похожие на крючки, царапают её спину, разрывая рубашку и царапая позвоночник. Боль была невыносимой, но когда она попыталась сопротивляться, оно снова ударило её лицом о столбик кровати.

Когда она пришла в себя, то обнаружила, что лежит на кровати, а оно наваливается на неё сверху. Его лицо было сильно изуродовано, вся левая сторона обвисла, как мокрый бумажный пакет. Она чувствовала вонь его дыхания, когда оно чуть не задышалось от возбуждения. Всё его лицо раздувалось и сдувалось, когда оно дышало, воздух выходил через многочисленные швы.

Она закричала и отшвырнула его, соскользнув с кровати и ударившись коленями об пол. У нее болела голова, и всё лицо было в крови. Но по-настоящему пугало то, что она была обнажена. Оно аккуратно раздело её, и теперь она ползала по полу, едва не сходя с ума.

Свет погас.

Тьма была абсолютной и непроницаемой.

Су-Ли поднялась на ноги и спотыкаясь побрела, натыкаясь и опрокидывая предметы, которые падали на пол или разбивались у её ног. Она слышала его дыхание. Слева? Справа? Прямо за ней? Она должна была найти дверь. Её вытянутые пальцы коснулись кожаной маски, и она снова закричала. Она кружилась, двигаясь туда-сюда, пытаясь найти дверь и стараясь держаться подальше от него, пока оно молча следовало за ней.

Что-то коснулось её затылка.

Она полоснула его ногтями.

Что-то схватило её за грудь, и она отбросила его руку в сторону.

Она кружила, вздрагивала, останавливалась, искала, нащупывала дорогу и знала, что никогда не найдёт дверь, потому что это не было запланировано. Рыдая от ужаса, почти в шоке, она попыталась ещё раз, но оно схватило её за горло.

— Это ты, куколка? — спросило оно, другой рукой грубо разминая её левую грудь. Она боролась, царапалась и брыкалась, но это было бесполезно. Теперь его дыхание было горячим и обжигающим, как воздух из доменной печи. Оно буквально пылало от возбуждения.

— Пожалуйста, — услышала она свой хнычущий голос. — Пожалуйста...

— Не надо умолять, куколка, — выдохнуло оно. “В этом нет никакой необходимости...”

Она в последний раз резко вцепилась в него ногтями, но её пальцами лишь погрузились в изъеденные молью лохмотья и заплесневелые куски ткани, пыльные как бинты египетской

мумии. Но ничто из того, что она сделала, не охладило пылающий в нём огонь.

Последнее, что она помнила, это то, как она лежала на кровати, а оно грубо входило в неё. Она кричала, выплескивая весь ужас и безумие происходящего... по крайней мере, до тех пор, пока оно не слилось с ней в страстном поцелуе.

39

Лекс понятия не имел, где он и что вообще происходит. Он помнил глаза, множество глаз, как они ползали, как насекомые, вываливаясь из стен, которые сжимались, словно чьё-то горло. А потом, потом...

Он не был уверен в реальности происходящего. Пытался разобраться в этом, применяя логику, но даже его рассудительный мозг не мог ничего объяснить. Он вспомнил машину, которая увезла Крипа, потом его разлучили с Су-Ли и то, что за этим последовало.

Господи, неужели это действительно произошло?

Его ощущение времени было искажено, растянуто, как ириска, пока минуты не стали казаться часами, а дни — секундами. Он должен был взять себя в руки. Он должен был найти Су-Ли. Самое удивительное, что он оказался снаружи, сидел на прохладной траве перед домом. Он ничего не помнил после того, как начал рыть туннель. Каким-то образом... дом выбросил его.

Выбросил?

Нет, дом выbleвал его. Как собака, которая не может удержать что-то в себе. И почему это произошло? Потому что он отказывался принять предложенную ему иллюзию? Так ли это было? Может быть. И всё же он чувствовал, что дело не только в этом. Чёрт, он был уверен, что за этим кроется нечто большее.

Почему собака что-то выbleвывает?

Ответ прост: собака или любое другое живое существо с желудком извергает из себя то, что губительно для неё, от чего она может умереть. Лекс продолжал рассуждать в том же духе. Окей. Почему он был вреден? Отчасти из-за его упрямства. Логично. Но была и другая причина, по которой он был опухолью на теле Стокса.

И ответ на этот вопрос был очевиден.

Настолько очевиден, что это было смешно.

Да ладно. Это не может быть так просто.

Но, возможно, так оно и было. Он прорылся сквозь стены. Он повредил дом и тем самым ранил Стокса. Он искренне не верил, что стены дома на самом деле были живой тканью. Это была галлюцинация, образ, помещённый в его разум, чтобы напугать или сломить его, чтобы у него не возникло мысли прорваться через них. И, возможно, для дома и для Стокса это было слабым местом.

Но он не был полностью уверен в этом.

Всё было так запутано. Он верил, что всё в Стоксе, включая сам город, было галлюцинацией, но не просто психологической или ментальной галлюцинацией, а физической. Некоторые вещи были всего лишь иллюзиями, но другие были очень даже реальны. Отличить их друг от друга было нелегко. Они были смешаны, сплетены в общий моток, идеально объединены.

И всё это было результатом извращённого ума, который собрал всё это вместе и сделал реальным. Было ли это намеренно или случайно, оставалось неясным.

Он хотел остаться.

Он хотел найти Кукловода и уничтожить его.

И именно в этот момент, он посмотрел на восток и увидел оранжевое зарево на горизонте, которое медленно угасло. Он не думал, что это уловка. Он должен был пойти туда, потому что это был источник этого кошмара.

40

Фонарик.

Рамона решила, что ей нужен фонарик. Наткнувшись на витрину с надписью "СКОБЯНАЯ ЛАВКА", она вошла внутрь. Дверь была открыта. Конечно, она была открыта. В Стоксе всё было открыто. В Стоксе можно было доверять соседям и не беспокоиться о ворах или людях из большого города. Странный термин. *Люди из большого города*. Фраза человека, который провёл всю свою жизнь в маленьком городке, потому что был слишком консервативен, чтобы покинуть его.

Люди из большого города. Эти кишачие крысами места прогнили вместе с ними. И большинство из них — грязные чужеземцы. Иммигранты. Мусор со всех концов света.

У нее перехватило дыхание. Она уже начинала верить, что это голос Кукловода. Узкое мышление параноика-ксенофоба.

Найти фонарик оказалось достаточно легко.

Она рассчитывала на маленький светодиодный фонарик, но всё современное было чуждо Стоксу, поэтому ей пришлось довольствоваться тяжёлым фонарём из нержавеющей стали. Его тяжесть нравилась ей. В отличие от современных, которые, вероятно, разбились бы от простого падения, этим можно было разmozжить череп.

Ну ладно, в путь.

Она шла наугад, неуклонно продвигаясь на восток, хоть все улицы и выглядели одинаково. Это была иллюзия, чтобы сбить её с толку и заставить ходить кругами. Лабиринт, но, как и в любом лабиринте, в нём должен был быть выход.

А потом... бинго.

Будь я проклята.

Перед ней раскинулся большой парк. Обычный городской парк со скамейками, деревьями и тёмной громадой военного мемориала в отдалении. Она увидела неподалёку фонтан, который ожил, как только она посмотрела на него — искрящаяся вода, окрашенная в оранжевые, синие и зелёные цвета огнями снизу.

— Очень мило, — пробормотала она.

Ориентируясь с помощью фонарика, она вышла на небольшой мостик, перекинутый через бурлящий ручей. Среди кувшинок квакали лягушки. На перилах были вырезаны имена влюбленных. Интересно. Она изучала их все на свету, проверяя даты, вырезанные там. Ни одной позднее, чем 1960 год. Как она и подозревала. Великий пожар выжиг это проклятое место дотла, и то, что она видела, было не более чем идеализированным воспоминанием.

Рамона пересекла мост и вышла на дорожку. Она продолжала водить лучом фонарика, стараясь обнаружить кукольных людей до того, как они заметят её, если это возможно. Но их не было. Они снова погрузились в спячку, как будто Кукловоду время от времени требовался отдых. Тот, кто стоял за всем этим, должно быть, тратил много энергии, чтобы поддерживать иллюзию.

Она вышла на открытую площадку с арочной сценой и рядами деревянных сидений, привинченных к бетонной плите. Прекрасное место, чтобы послушать концерт в летний вечер. Она приказала себе двигаться дальше, но застыла на месте. Здесь что-то есть. Она должна доверять своим инстинктам.

Но что она ищет?

Это место говорило с ней, но её разум был забит всякими мыслями. Ей нужно было расслабиться как на йоге: опустошить свой разум и двигаться по течению. Она не была уверена, что это сработает, но у неё возникло внезапное необъяснимое желание подойти к сцене. Она протиснулась между рядами сидений и положила руки на пол сцены.

Здесь что-то есть.

Она чувствовала это.

Да, энергия концентрировалась здесь. Она не была ни отрицательная, ни положительная, просто поток энергии, памяти, стекающий сюда как листья, плывущие по ручью. В давно минувшие дни здесь каждый четверг вечером проводились концерты. Обернувшись, она увидела их в темноте, всех добрых людей Стокса, которые сидели там, постукивая ногами и хлопая в ладоши, в то время как позади неё играл оркестр, фальшивя, как и все городские оркестры, но никто, казалось, не замечал этого. Там, на зелёной лужайке, продавцы раздавали хот-доги, воздушные шары, арахис и газировку. Она заметила, что мужчины были в костюмах, а дамы — в летних платьях и больших широкополых шляпах с цветами. Даже дети были красиво одеты.

Был ли город таким на самом деле?

Или Кукловод хотел запомнить его таким?

Не думай. Чувствуй.

Пусть всё идёт своим чередом.

Странное электричество проходило через её артерии и вены, стекаясь прямо в голову. Новый образ. Стояла середина лета. Все киоски заколочены. На их крышах гнездились птицы. Несколько досок отвалилось и скрипело на ветру. Весь парк был заросшим и заброшенным. Даже маленький мостик вдалеке... ограждения были сломаны, ручей пересох. С такого расстояния она физически не могла этого рассмотреть, но она всё прекрасно видела, даже надпись на перилах:

К ЧЁРТУ СТОКС

Эти воспоминания причиняли Кукловоду боль. Это было оскорбление для него, пощёчина.

Рамона очень хорошо чувствовала его боль... боль, граничащую с яростью. Она почувствовала запах горячей резины. Да, возле ручья лежала груда шин, которые кто-то поджёт. Подростки. Они пили и ругались, мусоря и мочась в траву. Что-то произошло. Что-то сильно изменило Стокс.

Но что именно? Что, чёрт возьми, это было?

Рамона заметила старую сторбленную женщину, сидящую на краю сцены. Несмотря на летнюю жару, она была закутана в какую-то тёмную шаль, такую же старую и изношенную, как и она сама. Рамона видела её лицо. Оно было древним и сморщенным, как персиковая косточка, с бледной кожей, усеянной множеством морщин. Она что-то бормотала. Зубы у неё были серые и узкие, гниющие на чёрных деснах. Один глаз был обычным, но другой — бледным, почти серебристым.

— Одна я осталась, — сказала она. “Ты меня слышишь? Одна я.”

Рамона была всего в нескольких футах от неё. Её собственное горло так пересохло, что она едва могла говорить, но ей удалось выдать одно слово: “Почему?”

— Все ушли, — сказала старуха. Холодным, хищным взглядом она окинула парк и его руины. Тёплый летний ветерок трепал её седые волосы.

— Да, все ушли, — сказала она преданным голосом. Она попыталась изобразить что-то вроде улыбки, но её губы были кривыми, коричневыми и уродливыми, как мёртвые дождевые черви.

Сначала Рамона не была уверена, что старая леди заметила её присутствие, но та вытянула шею и посмотрела на неё не столько здоровым глазом, сколько серебристо-бледным. Сначала Рамоне показалось, что его покрывает какой-то бледный нарост, похожий на птеригиум, но теперь он выглядел полностью обесцвеченным. Старуха пронзила Рамону взглядом, и та ахнула.

В этом глазе заключена сила. Может быть, не в нём, а в безумном мозгу за ним. В нём что-то есть. Какая-то невероятная мощь.

— Они думали, что смогут просто так уйти, но у меня были другие планы, — сказала она, на этот раз обращаясь непосредственно к Рамоне. “Я записала все их имена в книгу, из которой нет выхода, лишь если я того не захочу. Скоро их всех постигнет кара. Скоро... — в её голосе звучало почти торжествующее ликование, восторг обезумевшего ума, чья месть близка.

Рамона стояла, вся дрожа, тошнота накатывала на неё.

"Хватит с меня этого дерьма", — подумала она. Я ничего не понимаю. Я просто хочу выбраться отсюда.

Но это было не так просто. Она подключилась к сознанию города и ей некуда было бежать. Она просто дрожала, желая убежать, но даже боясь пошевелиться. Мёртвый глаз старухи уставился на неё, пригвоздив к месту, как булавка жука. Она больше ничего не говорила, но Рамона слышала её. Она читала старушечьи мысли, ужасные и невыразимые вещи эхом отдавались из змеиной ямы её подсознания.

(Вероломные и коварные предатели, вот кто они такие.)

(Они хотели покинуть этот город, мой город, город, который моя семья построила кровью и потом, но я не позволю им. Это мой город, и он принадлежит мне, и они принадлежат мне. Его кишки — мои кишки, его кровь течёт в моих венах, и я страдаю так же, как страдает он, и кто они такие, чтобы поворачиваться к нему спиной? Я покажу им ошибочность их путей!)

Рамона чуть не упала. Она чувствовала себя так, словно её окунули в ледяную воду. Холодный пот выступил у неё на лбу и побежал по лицу. От этого кожа на голове стала жирной. Он стекал по её спине, капал между грудей, бисером покрывал бёдра, и только благодаря многолетним физическим тренировкам она смогла устоять на ногах.

(СКОРО ОНО ПРИДЁТ, И НИКТО НЕ СМОЖЕТ ЭТО ОСТАНОВИТЬ! ОНО ОВЛАДИМ ИМИ! ПРЕВРАТИТ В ТО, ЧЕМ ОНИ НЕ МОГУТ ЯВЛЯТЬСЯ!!!)

Рамона обхватила голову руками, потому что больше не хотела слышать этих слов. Они выжигались в её разуме и искажали сознание, разрывая его на части и заполняя чернильной тьмой. Образы были слишком сильны, они были разрушительны: надвигающиеся страшные лица, протянутые белые руки и огромные пустые глазницы, похожие на пустые окна, глядящие в какое-то чёрное измерение страданий.

Последнее, что она запомнила, это то, что она стояла на коленях в траве, и мир

вращался вокруг неё. Она хватала ртом воздух и дрожала, голова болела, а глаза отказывались открываться из-за страха перед тем, что они могли увидеть.

— Ну же... — услышала она свой голос. — Возьми себя в руки...

Она снова оказалась в темноте. Фонарик погас, и она не стала его включать. Она предпочла прятаться в тени.

Но ужасные образы всё ещё преследовали её.

Они мучили её.

Крадущиеся чёрные фигуры, которые не были мужчинами и женщинами и всё же не были куклами или манекенами, но каким-то ужасным гибридом. Мужчины, женщины и дети, которые больше не были мужчинами, женщинами и детьми, но бездушными искусственными существами, которые выполняли приказы безумного ума, который оживил их...

— Хватит, — пробормотала она себе под нос.

Рамона встала и прислонилась к ограждению сцены, пытаясь отдышаться и сосредоточиться на своих мыслях. Медленно, очень медленно она прогнала кошмарные образы из своей головы, чувствуя, что знает многое и в то же время не знает ничего. Сток пришёл в упадок, стал заброшенным городом-призраком. С этого всё и началось. Потом случились ещё кое-какие события, и она не считала пожар худшим из них.

Рамона отошла от сцены и подошла к сиденьям, стоявшим в лунном свете, словно безмолвные свидетели.

Старуха. Её семья, должно быть, построила город, и когда он пришёл в упадок, что иногда случается с маленькими городками, она не собиралась с этим мириться. Она имела власть над горожанами. Они принадлежали ей. Они принадлежали ей, и она не позволила им уйти. Она была похожа на маленькую девочку, играющую в куклы... только её куклы были людьми.

Вздыхнув, Рамона посмотрела на восток. Когда она это сделала, её захлестнуло чувство страха и возбуждения. Она чуть не подавилась им. Бормоча что-то себе под нос, она двинулась через парк на восток, зная, что ничто не сможет её остановить. Было ли это то, куда она хотела пойти, или то, куда её направляла невидимая длань, не имело значения.

Дойдя до края тенистого парка, она остановилась: “Теперь я кое-что знаю. Я кое-что знаю.”

А потом позади неё раздался голос: "Ты ничего не знаешь."

41

Это была фабрика.

В этом не было никаких сомнений. Хотя на первый взгляд это выглядело как сюрреалистическая карикатура на замок Дракулы, какую можно увидеть в старом комиксе, это действительно была фабрика. Крип знал, что здесь что-то производили. Что-то секретное. Что-то утерянное, и снова найденное. Что-то, чего не должно было существовать, но оно существовало.

Он был внутри, и казалось, что он не столько вошёл сам, сколько был засосан внутрь. Машина высадила его у дверей и уехала, оставив смотреть на завод с ужасом и восхищением. Здание было похоже на огромное тёмное яйцо, из которого вот-вот кто-то вылупится. Таково было его первое впечатление. Затем ему показалось, что завод больше похож на крепость из

серых каменных блоков, трёхэтажную, с плоской крышей и высокими тёмными зарешечёнными окнами на первом этаже, что также придавало ему вид тюрьмы или сумасшедшего дома.

Безумно хихикающий голос в его голове сказал: *"Отсюда нет выхода"*.

Он двигался сквозь темноту, натываясь на предметы и пробираясь сквозь тени, которые вовсе не казались тенями. Хотя он никогда раньше не бывал в этом месте, он приблизительно представлял, как оно устроено изнутри. Как в велосипедном колесе все длинные коридоры-спицы вели в центр. В центре была огромная полая колонна, тянущаяся с первого по третий этаж.

Он не задавался вопросом, откуда ему всё это известно.

Как и голос в его голове, который постоянно спрашивал его, какого чёрта он делает, он проигнорировал этот вопрос.

Он был здесь, потому что сюда его привезла машина.

Он был здесь, потому что это то место, где он должен был быть.

Он находился в длинной узкой комнате. В дальнем конце была арка, соединявшая комнату с коридором, который должен был привести его к центру. Но он ещё не был готов отправиться туда. Он боялся идти туда. Для начала он осмотрит эту комнату.

"Теперь ты в звере", — сообщил ему внутренний голос. Зверю, которого построил Кукловод.

Крип обдумывал это... а потом всё начало происходить.

Сначала завывла сирена, прорезая ночь пронзительным, почти болезненным звуком. Но если раньше она звучала издали, то теперь он находился возле её источника.

Зазвенела сирена, и зверь проснулся. Он потянулся, зевнул и зарычал. Но это было не рычание как таковое, а шум фабрики, ожившей в темноте — рёв, лязг и звон механизмов, скрежет зубчатых колёс. Чаны дымились, трубы дрожали, огромные прессы шипели, формы трещали от сильного жара, лязгали цепи.

Это была фабрика-призрак, и ему пришлось закрыть уши чтобы не оглохнуть. Через несколько секунд всё прекратилось, завод снова замер.

Бум.

Крип наткнулся на стол. Он мог видеть предметы на столе перед собой, который был похож на огромный промышленный верстак. Комната была заполнена такими столами. Именно здесь и производилась сборка.

В его голове была только одна мысль: *прикоснись*.

Ему нужно было потрогать то, что лежало на столах. Ему нужно было исследовать это кончиками пальцев, хотя он инстинктивно понимал, что это очень плохая идея.

Прикоснись.

Ты должен прикоснуться.

Ты должен почувствовать.

Так он и сделал. Его пальцы блуждали по разным предметам. катушки проволоки, шестерёнки, металлические стержни... потом что-то мягкое. Он не знал, что это такое, но не мог перестать к этому прикасаться. Оно было дряблым и тёплым, и он почувствовал себя ребёнком на школьном карнавале в честь Хэллоуина, исследующим содержимое мисок в темноте. Странная, хлюпающая субстанция, которая должна была быть мозгом мертвеца, глазами яблоками и кишками, но на самом деле оказывалась губкой, пропитанной желатином, виноградом в склизком рассоле и большими сгустками холодных спагетти.

Но это... оно не было фальшивым. Оно было живым и пульсировало под его пальцами, как живое человеческое сердце.

Он исследовал дальше.

Пальцы, он нашёл пальцы. Пальцы, которые были холодными и неподвижными, пока он не коснулся их, а затем они ожили и коснулись его собственных. Он нашёл стеклянные шары, которые, должно быть, были глазами, и сосуд с языками, которые жадно лизали его пальцы. Всё, к чему он прикасался, оживало.

Крип подошёл к следующему верстаку.

Он протянул руку, зная, что должен коснуться того, что там лежало. Он почувствовал что-то шелковистое, похожее на мягкую, нежную кожу. Наверное, это и была кожа, но очень уж дряблая. Он водил пальцами вверх и вниз, пока не понял, что это женщина. Он нащупал пупок на плоском животе, а ещё выше — её рёбра и две округлые груди без сосков. Он размял их, обеспокоенный тем, что, в отличие от настоящей плоти, его пальцы оставляли вмятины, похожие на крошечные кратеры. Нет, нет, нет! Так не пойдет. С пронзительным смехом, рвущимся из горла, он начал лихорадочно разглаживать впадины, формируя идеальные конусы груди.

Да, так лучше.

Его пальцы продолжали исследовать её. Он нашёл небольшой холмик безволосого лобка между бёдрами и нежно провёл по нему кончиками пальцев, чтобы не испортить его совершенство. Его указательный палец исследовал расщелину, которая была прохладной на ощупь, но постепенно, казалось, согревалась и увлажнялась, пока он игрался с ней.

Нет, это неправильно. Это не женщина. Это кукла.

В подтверждение его мыслей он обнаружил, что у неё нет ног, а когда он исследовал её плечи, то не нашёл и рук. Головы тоже не было. Из обрубка шеи торчал стержень с гладким стекловидным шариком на конце. Были и другие вещи... верёвки, тонкие стальные трубки.

Да, это была кукла, незавершённая кукла... но сама мысль о её теле и о том, как она реагирует на его прикосновения, была невероятно волнующей. Он возбудился, его член стал твердым. Крип понимал, что это неправильно и извращённо. Извращённо? Чёрт возьми, это было безумие.

Но он не мог остановиться.

Теперь он лапал её обеими руками, и пот, густой, как оливковое масло, стекал по его лицу, когда он дрожал от возбуждения, пытаясь побороть совершенно непристойное желание взобраться на стол и войти в то, что лежало там. Теперь её кожа больше походила на кожу, и он был уверен, что чувствует, как она покрывается мурашками. И да, теперь у груди были соски, и они затвердели под его пальцами. Один из них источал крошечную струйку молока, которое обжигало его руку. Он слышал стоны, страстные женские стоны... но торс не мог стонать, у него не было головы.

Но теперь он мог видеть не только туловище, но и другие предметы на столе, и одним из них было лицо. Не вся голова, а лишь передняя половина. На лице не было глаз, но губы образовывали идеальный круг, постанывая от удовольствия. Раздался щелчок, и он увидел руку, костяшки пальцев которой барабанили по столу в предвкушении. Другая рука схватила его за запястье, скользая большим пальцем вниз и вверх по его ладони.

Крип понял, что сходит с ума.

Он сходил с ума от ужаса и похоти и, казалось, не мог разрушить чары, которые наложила на него эта женщина... или её части.

Сделай же что-нибудь! Остановись!

Одна из её ног, подтянутая, гладкая и очень женственная, пришла в движение. Он обнаружил, что облизывает её пальцы, в то время как другая нога обвилась вокруг него, крепко сжимая. Одна из рук расстегнула молнию, поглаживая его твёрдый член. Торс придвинулся ближе, пока головка его пениса не оказалась прижатой к искусственной вульве.

Разврат! Мерзкий, отвратительный, извращенный разврат! — услышал он чей-то голос в своей голове.

Туловище прижалось к нему, пока он не почувствовал, как головка его члена скользнула внутрь. Оно заметно дрожало от волн накатывающего удовольствия. Он всё глубже погружался в горячую щель, пока они не стали единым целым. Крип стонал. Лицо исказила гримаса страсти, зубы были стиснуты, дыхание вырывалось короткими, резкими рывками. Ноги держали его в тисках. Руки вцепились в края стола. Туловище выгнуло спину, когда почувствовало приближающуюся кульминацию...

Крип закричал и вырвался из её объятий.

У него едва хватило сил сделать это. Весь дрожа, с пульсирующим членом он отпрянул на пять-шесть футов от стола. Чувство ненависти к самому себя нарастало в нём.

Лицо кричало от предательства.

Туловище билось об стол.

Кисти сжались в кулаки и забарабанили по верстаку.

В голове у Крипа это прозвучало словно одновременно закрипели тысячи ржавых петель. Его разум заполнил истерический и безумный стук туловища и других частей, лишенных не столько оргазма, сколько семени, которое бы он дал им. Они нуждались в жизненной силе, которое оно несло.

Визг продолжался, становясь всё пронзительнее, выводя его нервную систему из равновесия и ударяя разрядами электричества, как будто он помочился на оборванную линию электропередач. Крип отшатнулся, потеряв равновесие, блеванул и, стуча зубами, упал на колени, дрожа и обмочив штаны. Его глаза выкатились из орбит. У него потекло из носа. Рвота и желчь потекли по подбородку.

Убирайся отсюда! У тебя не так много времени!

Он поднялся на ноги, когда шум в его голове затих, и с нарастающим ужасом услышал, как существо на скамье пытается поспешно собраться. Он больше ничего не видел. Темнота была густой и непроницаемой, и от этого всё становилось только хуже.

Он должен был найти дверь, выход.

Крип слепо двинулся обратно, натываясь и спотыкаясь о предметы. Но он не замедлил шага. Он вырвется из этой сумасшедшей фабрики. Зацепившись за верстак, он вытянул руки, чтобы не упасть лицом на его поверхность и то, что на ней лежало. Он погрузился по локоть во что-то, что, несомненно, было мертвецом, возможно, не одним. Плоть была мягкой от разложения, черви поползли по его рукам, когда он выдернул их из трупа. И вонь... Боже милостивый, невыносимое зловоние.

Крип отшатнулся, пытаясь подавить хихиканье, и врезался в стену. Он ощупал её, пока не нашел арку, ведущую в коридор. Воздух в нём был прохладнее, как будто он вёл в гробницу.

Позади себя он услышал, как что-то сошло с одного из столов, и голос, похожий на скрежет ножа по ржавой бочке: *“Это ты, куколка?”*

Чазз плохо различал сон и реальность. Он лишь знал, что нашёл безопасное, тёмное место, которое он никогда не покинет. Он помнил, как Одноногая Леди тащила его какое-то ужасное место, а потом он каким-то образом освободился и спрятала в этом укромном уголке, где, как он знал, он был в полной безопасности. Пока он не шевелится и не издаёт ни звука, он будет в безопасности. Как в детстве, когда он вёл себя плохо, мачеха запирала его в чулане, потому что думала, что он испугается, но всё было как раз наоборот. Там он чувствовал себя полностью защищённым.

Его нынешнее убежище было таким же.

Это был туннель. Очень тёмный, очень безопасный. Здесь было тепло и уютно, и никто не мог достать его. Это было место, которое он часто посещал в своих снах, идеальное убежище.

Одноногая Леди была рядом.

Он это чувствовал. Она ищет его, но никогда не найдёт. Она все бубнила и бубнила, и если он сосредоточится на своих мыслях, то сможет заглушить её ужасный голос.

Не слушай её! Не позволяй этому голосу звучать в твоей голове, иначе она найдёт тебя и накажет, а ты этого не хочешь!

Нет, он этого не хотел. Когда мачеха наказывала его, он всегда знал, что в конце концов всё закончится. Ей наскучит издеваться над ним, и она найдёт себе новое развлечение. Но Одноногая Леди была не такой. Она, как и любая неживая вещь, была создана для ожидания. Как кирпичи в стене или трещины на тротуаре. Десять минут или десять лет ничего для них не значили.

— *Давай, мальчик, прячься в гнилой дырке своей мамы, заберись поглубже в её грязный чехол для членов!* — доносился её голос. — *Исследуй этот изношенный туннель, куда грязные люди сливают своё семя! Сиди там, маленькая бородавка! Там тебе самое место!*”

Голос эхом отдавался в его убежище, и он сказал себе, что не должен слушать, потому что, если он будет слушать, она выследит его. И хотя он так отчаянно старался вести себя тихо, так тихо, как делал это в чулане, когда был мальчишкой с фингалом, фиолетовыми отметинами от ремня на заднице и сигаретными ожогами на ногах, он не мог сдержать тихое, испуганное хныканье, вырывавшееся изо рта.

— *А-га!* — восторженно воскликнула Одноногая Леди. — *Я слышу тебя! Не думай, что сможешь спрятаться от Учителя, потому что Учитель найдёт тебя, как всегда находит плохих маленьких мальчиков! Я вытащу тебя, мой милый маленький членосос, а потом пообедаю твоими яичками! Нежные и сладкие, как маленькие абрикосы, которые я буду жевать, пока сок не потечет по моему подбородку!*”

Чазз сунул кулак в рот, чтобы не закричать, как кричал в детстве, когда мачеха подносила зажжённую сигарету к кончику его маленького пениса. Он засунул его как можно глубже, потому что больше не должен был издавать никаких звуков, иначе эта ведьма схватит его и сварит его яйца вкрутую в своём кипящем чёрном котле. Он пытался делать всё, что угодно, но только не слушать голос, и начал медленно вспоминать о концерте, выпивке, микроавтобусе, Стоксе и Рамоне, горячей маленькой Рамоне с её тугой дырочкой и умелым ртом, которая сделает всё, чтобы мужчина был счастлив, потому что сама страдала комплексом неполноценности. Бедная, милая Рамона. Он использовал её недостатки так же,

как мачеха когда-то использовала его. *Если ты не сделаешь то, что я скажу, твой отец рассердится и отправит тебя в приёмную семью, а мы уедем в солнечную Флориду и никогда больше не вспомним о тебе, жалкий маленький засранец.* И когда Чазз осознал это, он понял, насколько был испорчен, и насколько испорченным он был всегда, начиная со смерти матери. Жестокое обращение его мачехи ещё больше превратило его в эгоистичный кусок дерьма, и мысль об этом причиняла ему сильную боль. Боже милостивый, он загладит свою вину перед людьми, которых обидел. Он загладит свою вину перед Рамоной, потому что она была единственным лучиком света в его жалкой жизни...

Становилось всё светлее и светлее.

Туннель выталкивал его обратно в злобный мир Стокса.

Он изгонял Чазза, как что-то вредное, чужеродное. Его безопасное убежище навсегда исчезло, когда жёлтые когтистые руки схватили его за лодыжки.

— *Дырявый маленький ублюдок,* — сказала Одноногая Леди, вытащив его и удерживая за щиколотки. — *Готов войти в мир на своих ногах? Только не вы, молодой господин! Вы пойдёте на четвереньках к ожидающей вас даме!*”

Крича и извиваясь, Чазз видел, как вокруг немного медленно материализуется комната. Он мог видеть стены, увешанные частями кукол — безликие головы и руки, ноги, туловища и кисти рук. Он увидел сосуды со стеклянными глазами, шарнирные челюсти, многочисленные пустые лица, свисающие с крюков. Он также заметил стойки с блестящими инструментами: ножами, пилами, иглами. Он знал, что его притащили сюда не только для того, чтобы кастрировать, но и для того, чтобы тщательно разобрать на части.

И самое худшее было то, что у этого представления была своя аудитория.

Несколько дюжин кукольных людей мрачно наблюдали за происходящим, сидя в креслах, словно студенты-медики, наблюдающие за вскрытием трупа. Все они болтали на каком-то непонятном языке, многие кричали и поднимали вверх белые руки, как на аукционе.

— Они торгуются за тебя, — сказала Одноногая Леди, злобно глядя на него из-под лоскутной маски своего лица. “У тебя так много прекрасных частей. Твое сердце и яйца уже принадлежат мне. Без возражений, молодой господин. Но... твои ноги, твои руки, глаза и лицо... о, так много замечательных вещей! Что вы сказали? Вон та прекрасная леди хотела бы иметь твоё мужское достоинство, и она его получит!”

Чазз мог видеть леди, о которой шла речь.

Ужасное существо, развалившееся на стуле. Её плоть пульсировала. Она была обнажена, и у неё не было рук. Её тело было ужасно выпуклым и округлым, как множество розовых ватных шариков, объединенных в единое целое, глубокий разрез между ног тянулся от лобка к животу. Грудь — две огромные, сочащиеся красной жижей сферы. Он плохо разглядел её лицо за этими раздутыми грудями, но видел достаточно, чтобы его внутренности превратились в соус. Её голову венчали волнистые пшенично-жёлтые волосы с голубыми бантами, пухлые губы были алыми, а глубоко посаженные глаза казались выцветшими белыми шариками.

Одноногая Леди хихикнула и стукнула кольшком об пол. “Ей оно очень нужно!”

К этому моменту Чазз даже не пытался кричать. Гораздо проще было просто хихикать вместе с остальными. Одноногая Леди протянула руку между его ног и начала ласкать и грубо сжимать его достоинство.

Женщина-пузырь вздрогнула, дрожа от восторга, щель между ног расширилась в чёрную

пропасть, которая могла бы поглотить его целиком.

43

Су-Ли скорчилась в углу на соломенной подстилке, алые струйки крови стекали по внутренней стороне её бёдер. Она была голая, дрожащая от холода, сбитая с толку и не могла вспомнить, как попала сюда. Может быть, она сидела бы так целую вечность, прислонившись спиной к холодным шлакоблочным стенам с вытянутыми руками и растопыренными пальцами. Она просто сидела, слушая рыдания срывающегося голоса.

Рыдания?

Да, она слышала. Жалобное рыдание женщины, из которой с корнем вырвали всё человеческое, протащили через грязь, а затем засунули обратно жирными вонючими пальцами. Она сама когда-то так рыдала. Но это было давно. Рыдания продолжались, и она поняла, что это её голос, но это, казалось, ничего не значило для неё. Она лишь чувствовала острую режущую боль в животе.

Кровь стекала на пол между её ног, образуя тёмную липкую лужу, приклеившую её к месту.

Моя кровь.

Моя жизнь.

Она положила руки на живот.

Он была огромным и круглым, кожа натянутой, готовая в любой момент порваться от внутреннего давления. Больше похож на шар, наполненный воздухом или газом. Даже пупок у неё теперь торчал наружу, как кончик большого пальца. Внутри что-то было. Что-то беспокойно шевелилось, покусывая и грызя её изнутри.

"Тебя изнасиловали", — сказал ей чей-то голос.

Нет.

Тебя изнасиловала кукла.

Нет!

Тебя изнасиловала марионетка.

Нет!

Тебя изнасиловал манекен, и в тебе его семя...

НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕЕЕЕЕЕТ!!!

Она снова и снова шлёпала себя ладонями по животу, как по барабану, отбивая неровный ритм и чувствуя невыносимую агонию от боли внутри. Если там есть что-то живое, и одновременно не живое, человеческое, и одновременно кукольное, плотское, но и из воска и дерева... она убьёт это. Она разорвёт тварь на части. Её пальцы изогнулись в когти, приготовившись сделать это, как только оно появится на свет.

Но что-то начало происходить.

Что-то, что погрузило её разум в пустоту небытия. Всё началось с пальцев ног. Холод высасывал тепло из её вен, заменяя кровь ледяной слизью. Он поднимался всё выше, опутывая своими корнями бёдра и отдаваясь в животе. Её изнасилованная плоть становилась резиновой, кости — замёрзшими палочками, груди — выпуклыми мешочками льда, и это продолжалось и продолжалось, выталкивая жар из неё и заполняя пустоты холодной чернотой. Тьма поглотила её внутренности, затем конечности и пальцы, и, наконец, мозг. Она больше не чувствовала и не испытывала эмоций.

Су-Ли слышала голос, говоривший ей, что будет дальше, и у неё не было желания противиться этому. Непокорность больше не входила в её планы. Принятие и послушание — всё, что у неё осталось. Её лёгкие стали пустыми мешочками, глаза — чёрными стекляшками, и когда существо начало прокладывать себе путь наружу, в конце концов вывалившись из её живота с чавкающими и скользящими звуками, её лицо расплылось в улыбке, и она посмотрела вниз на сморщенный, покрытый кровью ужас у своих ног, и сказала: "Это ты, куколка?"

44

Хотя Рамона знала, что это ловушка, она всё равно пошла с женщиной к её выходящему в парк дому. Она заварила им чай. Женщина сказала, что её зовут миссис МакГиннес и она живёт в Стоксе уже очень давно и прекрасно знает, как здесь всё устроено. Это была уловка, которой она заманила Рамону в свою паутину.

Миссис МакГиннес была крупной, но болезненно выглядящей женщиной. Она была полноватой, но её кожа была жёлтой и сухой, почти шелушащейся. Но её голубые глаза добродушно взирали на Рамону из распухших глазниц, и она сказала, что расскажет ей всё, что та хочет знать.

Потягивая чай, миссис МакГиннес сказала: "Я знаю, что вас, как и многих, притянуло сюда... но куда же ты собралась идти сейчас?"

— Я иду на восток, — сказала ей Рамона. "Я найду источник этого кошмара."

— Это глупо.

Рамона пожала плечами.

— Бог любит дураков. Лучше с боем прорываться до цели, чем занять глухую оборону.

— У тебя хорошо подвешен язык.

Рамона проигнорировала замечание. Она больше не обращала внимания на такие вещи. Посмотрев на чай в своей чашке, она решила, что он, вероятно, отравлен. Она не станет его пить.

— Вы сказали, что я ничего не знаю.

— Нет, ты только догадываешься.

— Тогда расскажите мне то, чего я не знаю.

— Это длинная история.

— У меня достаточно времени.

Миссис МакГиннес пожала плечами.

— Как скажешь. Я уже упоминала ранее, что давно живу здесь. Разве что Матушка живёт дольше. Я была одной из немногих, кто не пытался бежать и не строил против неё заговоров, так что я осталась. Мне позволили остаться самой собой. Не марионеткой, как прочие.

— Кто такая Матушка?

Миссис МакГиннес стукнула чашкой о блюдце.

— Кто такая? Ну, может быть, лучше спросить, что оно такое. Она — Матушка Кроу. Последняя из семьи, кто практиковал это.

— Практиковался в чём?

— В искусстве создания кукол. Кроу не были простыми создателями игрушек, дорогая. О нет, нет, нет. Их творения были чем-то большим, чем просто заводными куклами. Видишь

ли, Кроу не всегда были создателями кукол. В Старой Европе они были часовщиками, мастерами создания утончённых часовых механизмов. Они применили эти навыки, секреты и приёмы и к своим “куклам”.

— Это... это всё так безумно.

Старуха улыбнулась, как будто слишком хорошо понимала это чувство.

— Ты сказала, что направляешься на восток... но знаешь ли ты куда на самом деле идёшь?

— Сирена, — сказала Рамона. “Я иду на звук сирены.”

Миссис МакГиннес кивнула.

— Умная девочка, а может, и не очень. Звучит сирена, и эти твари просыпаются, не так ли? Как деревянные куклы, решившие, что они больше не деревянные? Послушай, сирена — гудок начала их работы и Матушка Кроу управляет им так же, как и многие поколения до неё.

— Гудок начала работы где?

— На фабрике, дитя. Завод на холме, где делают кукол... по крайней мере, там, где их раньше делали. Теперь там происходят другие вещи, от которых у тебя кровь застынет в жилах, — она отмахнулась от этой мысли. — А теперь послушай. До пожара 1960 года завод Кроу был источником жизненной силы Стокса. Почти каждый в городе работал там, и это был хороший город с хорошими людьми, которые жили хорошей жизнью и уважали друг друга. Не то что паразиты в большом городе. Это были хорошие люди, и это был их город, и семья Кроу делала всё, чтобы он процветал. Ты слишком молода, чтобы знать об этом городе или фабрике, но когда-то, когда фабрика работала без остановки и была кровью этого города, там делали кукол. Кукол для детей. Куклы, марионетки, даже манекены. Творения Кроу были широко известны, заказы поступали отовсюду, а люди были сытыми и счастливыми и город процветал. И наблюдала за всем этим, фабрикой и городом, Матушка Кроу. Старая, добрая Матушка Кроу, любившая каждого из своих детей больше, чем себя саму.

Рамона удивлённо приподняла бровь. Та старуха на сцене не показалась ей любящей матерью.

— Дайте угадаю. Фабрика пришла в упадок, закрылась, люди ушли туда, где трава была зеленее, и Матушка Кроу приняла это близко к сердцу.

— Твой язык, — сказала миссис МакГиннес, качая головой. — Твой ужасный язык.

— Я что-то не так понял?

— Да, дорогая. Когда они нуждались в ней, она всегда была рядом. Но когда она нуждалась в них, они бросили её.

Рамона кивнула.

— Людям нужно кушать, мэм. Я уверена, что они не хотели уезжать, но им нужна была работа, чтобы прокормить своих детей. Я не думаю, что это преступление. Какого чёрта ей от них надо? Их первенцы?

По лицу старой леди пробежала тень, и Рамона поняла, что сказала лишнего. Но она ничего не могла с собой поделать. Она слишком многое пережила, и её нервы не только были на пределе, но и гудели, как телефонные провода. Она напряглась, приготовившись к драке.

— Может быть, она даже заслужила их, — сказала миссис МакГиннес, её дыхание участилось. — Она и её семья сделали многое для города и его жителей, и взамен они хотели

лишь одну простую вещь: верность.

Рамона кивнула.

— Возможно. Но, возможно, она просила слишком многого. Верность — это хорошо, но она не поставит еду на стол. Готова ли была Матушка Кроу содержать всех из своего кармана?

— Ее карманы были так же пусты, как и их!

— Значит, у них не было выбора. Поэтому они ушли.

Миссис Макгиннес кивнула.

— Не все, не сразу. Но семья за семьей они покинули кладбище. Ведь Стокс — большое старое кладбище. Душа города была испорчена, прогнила до основания, и вот тогда он начал кровоточить. Я не ожидаю, что ты поверишь, но все, кто остались, видели это. Кровь начала сочиться из земли, пузыряться, как сырая нефть. В воздухе чувствовался её запах и вкус. Она просачивалась сквозь трещины на асфальте, заполняла дворы и бежала по водостокам. Одних это приводило в ужас, другие были в восторге от мистики всего происходящего.

Рамона вздохнула.

— А Матушка Кроу? Что она сказала о крови?

— Никто не знал. Она спряталась на старой фабрике, как паук в щели, и не выходила оттуда.

Как паук, подумала Рамона, потому что эта сумасшедшая старуха по-своему опутала весь город паутиной, и ей не нравилось, что горожане, её люди уходят из города, как мухи из паутины. Но кровь? Что это значит? Либо миссис МакГиннес преувеличивала, чтобы оправдать свою точку зрения, либо случилось что-то очень странное, и, учитывая всё, что Рамона видела, она не сомневалась, что в Стоксе могут произойти вещи, которые не могут произойти в любом другом месте.

— Как вы объясните эту кровь?

Миссис МакГиннес снова звякнула чашкой.

— Город умирал. Он выпускал последний вздох. И как всё, что лежит израненное и измученное на смертном одре, он истекал кровью. Злокачественная опухоль проникла в этот город, и мы видели, как гнила его плоть. Буквально. Дома разваливались, деревья стояли без листьев. Вода в ручье испортилась, небо почернело, и ветер приносил кладбищенскую вонь. Невозможно, скажешь ты? Ты думаешь, я приукрашиваю, не так ли? Я говорю то, что видела. Этот город пожирала болезнь. Тогда мы этого не знали, но тому была причина. Видишь ли, там, на фабрике, Матушка Кроу тоже умирала. Злокачественная опухоль, поразившая город, зародилась в ней и распространилась от фабрики в город. Я же говорила тебе, что в этом городе течёт кровь Кроу. Когда она заболела и умерла, то же самое произошло и с городом. К тому времени нас осталось не так уж много. Может быть, двадцать семей, не больше. Но все мы были свидетелями этого.

Она продолжала рассказывать, что Матушка Кроу, возможно, физически умерла, но что-то в ней отказывалось уйти так просто. Что бы это ни было — упрямая гордость, гнев или тёмное колдовство — оно осталось. Оно окрепло, захватило город и заставило заплатить ужасную цену тех, кто хотел уйти.

— Оно хотело жертвоприношений? — спросила Рамона.

— Да, в некотором роде. Ты смотришь на меня как на сумасшедшую, моя дорогая, и, может быть, так оно и есть, но я кое-что видела. Ужасные вещи постигали тех, кто не был верен семье, которая дала им кров. Я видела всё это. Ужасная машина на фабрике всё ещё

изготавливала кукол, и постепенно они заменяли людей... пока не осталось никого.

— Потом был пожар.

Миссис МакГинесс, казалось, была огорчена этим.

— Да, он разгорелся в городе и дошёл до фабрики, а когда всё было кончено, Стокс превратился в развалины. Но то, что было на фабрике, что некогда являлось Матушкой Кроу, всё ещё осталось там, слившись с машинами в нечто настолько мощное, что было способно переделать город по своему идеальному образу. Но Она также иногда нуждается в людях, вроде вас. Ты и твои друзья, вы не должны умирать или позволять этим ужасам изводить вас и высасывать из вас силы. Хватит сражаться. Смиритесь, как я. Станьте частью Её города, и Она обеспечит вас всем, что вам угодно.

Рамона молча уставилась на неё.

Она не могла вымолвить и слова. Всё это чушь собачья. Неужели старуха Кроу всерьёз думает, что сможет засосать людей в эту преисподнюю, и они будут счастливо жить на кладбище Стокса, принимать то, что она предлагает, и почитать её, свою королеву? Чёртово безумие. Вот что это было. Рамона была полна решимости добраться до этой фабрики и положить этому конец.

— Я не собираюсь мириться с этим, — сказала она, — и никто другой в здравом уме тоже. Матушка Кроу, или что она там сейчас, должна быть остановлена. Это безумие зашло слишком далеко. Кем, чёрт возьми, она себя возомнила? Кто дал ей право манипулировать этими людьми?

Тень пробежала по лицу миссис МакГиннес. Она полностью затмила её лицо, лишь глаза, теперь жёлтые и яркие, как яичные желтки, уставились на Рамону.

Чудовище почти вырвалось наружу.

— Она всё для них сделала! Пока они спали, она трудилась! Пока они процветали, она истекала кровью! Они были её пшеницей, и она обращалась с ними с любовью и большой заботой, срезая сорняки, которые росли вокруг них! Она просила только верности и... и послушания! Ведь они принадлежали ей по праву рождения!

Миссис Макгинесс встала, её желтоватые губы растянулись в кислой усмешке, обнажив длинные зубы.

— Они отработывали свои смены! С восьми до четырёх, с четырёх до полуночи и с полуночи до восьми. Но она отработывала все смены сразу, став частью фабрики, а затем и города! Этим она хотела показать, что каждый должен жертвовать и каждый должен страдать ради всеобщего блага, ведь все мы единое целое! Ты слышишь меня, глупая маленькая пизда? Мы все одно единое целое!

Рамона тоже поднялась на ноги.

— Я уйду.

— *ТЫЫЫЫ НИКУДА НЕ ПОЙДЕШЬ!*

Миссис МакГинесс говорила все громче и громче, её голос срывался на визг: "Такая ШЛЮХА, как ТЫ, не сможет понять ответственности возложенной на Матушку Кроу и того что она сделала и должна сделать, чтобы сохранить этот город! ТЫ не познала страдания и муки зарождения её города! ТЫ не можешь ни видеть, ни чувствовать, как её кровь течёт в Стоксе! Это её ребёнок, которого она вырастила и лелеяла и никогда не отпустит! ТЫ всего лишь маленькая шлюха, как и всё твоё поколение! ТВАРИ! ШЛЮХИ! ПЕДИКИ! БЕРУЩИ И НЕ ДАЮЩИЕ НИЧЕГО ВЗАМЕН! ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ОЦЕНИТЬ КРАСОТУ ТОГО, ОНА СДЕЛАЛА! КАК И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ! ПАРАЗИТЫ! ТЫ..."

подниматься.

К тому, что ждало там, в темноте.

И тут она услышала вой сирены.

45

Лекс тоже слышал какофонию, как и Крип внутри фабрики. Он шёл по извилистой дороге, ведущей к фабрике на холме, и ничто не могло его остановить. Он знал, куда ему нужно идти, но не имел понятия, что будет делать.

"Я иду за тобой", — подумал он. Это всё, что тебе нужно знать. Твоя эта идея или моя, не имеет значения. Я просто иду за тобой.

Пока он взбирался по обсаженной деревьями дороге и очертания фабрики медленно увеличивались в размерах, он говорил себе, что всё, что он сделает, будет сделано ради Су-Ли. Что бы ни случилось, чем бы ему ни пришлось пожертвовать и сколько бы своей крови он ни пролил, он сделает это для неё, потому что был многим ей обязан.

Впереди, на повороте, он увидел фигуру.

Его первым побуждением было окликнуть её, но тревога заглушила это желание. Он знал, что это не человек. В Стоксе не было ничего по-настоящему живого.

Он зашагал быстрее.

Фигура поманила его к себе и скрылась в тени. Он решил, что поймает и разорвёт тварь на части. Ничто меньшее его не удовлетворит. Иногда фигура выходила на освещённые лунным светом участки дороги и Лекс заметил, что она передвигается со странным покачиванием, характерным для кукольных людей.

Он дошёл до следующего поворота и увидел на дороге тёмную лужу. Он знал, что она не природного происхождения. Как поётся в песне, в Южной Калифорнии никогда не идёт дождь, и уж точно никогда не идёт дождь в Стоксе... если Кукловод того не захочет.

Лекс опустился на колени у лужи.

Он понял, что это кровь, ещё до того, как прикоснулся к ней. Он опустил в неё указательный палец, и она оказалась очень тёплой, почти горячей. Больше похоже на жидкость, которая вытекла из трансмиссии, чем на что-то, что вытекло из живого тела.

Поднявшись, он возобновил погоню.

Фигура стояла на следующем повороте и махала ему рукой.

"Значит, ты истекаешь кровью", — подумал он. Наверное, это что-то значит, но сейчас у меня нет времени на головоломки.

Он натёкался на всё новые и новые лужи крови. Если бы существо, за которым он шёл, было человеком, оно бы не смогло сделать и двух шагов. В нём попросту не осталось бы ни капли крови. По-видимому, эта тварь могла истекать кровью бесконечно; резервуар никогда не пересыхал. Ещё одно пятно крови, за ним ещё одно, потом лужа, которая медленно стекала в канаву на обочине дороги.

Лекс чувствовал себя охотником, идущим по кровавому следу раненой добычи.

Лужи становились всё больше и больше, и теперь он увидел, что их соединяли кровавые отпечатки ног. Маленькие, вероятно женские.

Су-Ли, подумал он. Так Кукловод хочет, чтобы ты думал, но это чушь собачья. Это всё часть его игры.

Теперь лишь поле постриженной травы отделяло его от фабрики. Это было большое

здание, с плоской крышей, квадратное, идеально геометрическое, как ряд блоков, нагроможденных друг на друга. Хотя Луна освещала всю прилегающую территорию, её свет не касался строения. Оно оставалось тёмным, как будто вырезанным из чёрной плотной бумаги. Фигура манила его из полутени, отбрасываемой этим местом.

Лекс остановился.

На самом деле, он не столько остановился сам, сколько был остановлен. Казалось, он врезался в невидимую стену. Он смотрел на очертания фабрики так же, как Гензель и Гретель, должно быть, смотрели на сахарный домик Большой злой ведьмы. Затем он действительно почувствовал потоки силы, исходящие от здания, отталкивающие его назад, заставляющие его колени дрожать от собственного веса. Сила чистой ненависти, и на мгновение ему показалось, что он видит ярко-красные глаза, смотрящие на него из одного из верхних окон.

Да, так оно и было.

Если он и сомневался в этом раньше, то теперь сомнений не осталось. Эпицентр кошмара Стокса находился здесь, и Лекс чувствовал исходящие отсюда шупальца, обвивающие весь город. Источник тёмной и убийственной силы, это было всё равно что стоять перед трансформатором.

Лекс знал, что может просто уйти, а может прорваться туда. Только последнее могло ослабить Кукловода. Первое сделало бы его намного сильнее.

Он сделал шаг, потом ещё один.

От ненависти к этому месту у него разболелась голова, а по лицу побежали капельки пота размером с кукурузные зёрна. Он стёр их, становясь всё более решительным с каждым шагом, приближавшим его к больному сердцу Стокса. И тут он почувствовал жар, похожий на дыхание демона. Воздух вокруг него заполнился клубящимся дымом, и он услышал крики и вопли горящих в аду душ.

Он двинулся вперёд, и дым рассеялся, и появился кукольный человек, только это был не просто кукольный человек, а кукольная женщина, и этой женщиной была Су-Ли, протягивающая к нему бледные белые руки, и казалось, что от неё исходит волчий голод.

Он слышал её голос: *Оно сделало мне больно. Оно разорвало меня на части. Оно лишило меня всего, что у меня было. Почему ты допустил это? Почему ты позволил ему причинить мне такую боль?*

Лекс не совсем понимал, о чём она говорит.

Он слышал её слова в своей голове. И под каждым словом скрывалось воспоминание о том, что случилось с ней в доме после того, как они расстались. Увидев это, он почувствовал себя так, словно его ударили в живот. Он закричал. Из его глаз потекли слезы.

А потом голос, доносящийся из глубин его души, сказал: **"ДОСТАТОЧНО ЧЁРТОВЫ ИГРЫ!"**

И тогда всё изменилось.

Очень быстро.

Безупречное совершенство куклы Су-Ли исчезло. Языки пламени лизали её одежду, а длинные красивые волосы вспыхивали с тошнотворным зловонием. Её лицо пузырилось и стекало. Она была похожа на восковую куклу, брошенную в огонь. Она закричала, когда её конечности начали изгибаться.

Это не Су-Ли, сказал себе Лекс.

Это не Су-Ли.

Это проекция, физическая галлюцинация, которая носит её лицо. Это маска, а под ней есть что-то ещё. Пусть оно покажет себя.

Оболочка продолжала таять, пока не раскололась подобно огромным челюстям и не извергла монстра, который легко вышел из горящих, плавящихся останков Су-Ли. То, что он увидел, было сгорбленным, высохшим существом, которое сильно напоминало ему мать Нормана Бейтса. Старуха в чёрном платье с белым воротничком, простом пуританском одеянии, застёгнутом до самого горла. Её лицо представляло собой череп, покрытый остатками серой плотью, её белые волосы были собраны в строгий маленький пучок. Но в отличие от трупа в "Психо", это существо было живым. Зубы у твари были длинные и острые, а тянущиеся к нему руки напоминали хитиновые когти.

Но Лекс не побежал.

И когда она потянулась к нему, чтобы содрать кожу с лица, он отреагировал как загнанный в угол зверь и напал первым. Он трижды хорошенько врезал ей, отчего её голова каждый раз подпрыгивала на сухой шее, пока что-то не хрустнуло, и она свесилась на левое плечо. Она полоснула ногтями, оставив неглубокие борозды на его лице, прежде чем Лекс схватил её и бросил на землю, прыгая на ней и слыша, как её кости трескаются под ним, как сухие палки.

Когда он наконец успокоился, на земле ничего не было.

Но дверь на фабрику была распахнута настежь.

Вот его приглашение.

46

Идя по тёмному коридору, ведущему к центру фабрики, Крип слышал, как вокруг него что-то движется. Не кукольные люди, а то, что он принял за крыс, сотни крыс, которые бежали по полу, карабкались по стенам и болтались не более чем в трёх футах над ним, роняя свой помёт ему на голову. Он видел их сверкающие глаза, но они не пугали его, потому что у него было странное чувство, что они, как и он, ищут убежище.

Кто-то преследовал его.

Он слышал шлепанье ног той, кто хотела завершить начатое.

Пройдя около двадцати футов по коридору, он понял, что ступил в какую-то тёмную пещеру, которая простиралась до бесконечности.

Он видел такое место только во сне и знал, что оно будет тянуться на многие мили, и никогда он не будет ближе к выходу, чем сейчас. Но он не мог повернуть назад. Если он это сделает, она поймает его. Остановка была хуже смерти. Других вариантов не было. Он будет идти до тех пор, пока плоть не отвалится от его костей, потому что у него просто не будет другого выхода.

Он понимал, что должен был бы испугаться, но не испугался.

Пока нет.

Пока режиссёру этой маленькой пьесы не станет скучно, и он не опустит занавес. Вот тогда-то Крипу станет по-настоящему страшно.

Затем, словно по команде, он заглянул в пасть ада.

Он достиг центра фабрики. Только всё было не совсем так, как он себе представлял. Это была печь для обжига, пылающая доменная печь, из которой вырывались длинные языки пламени. От дыма у него заслезились глаза.

У него появился ещё один вариант.

Вернуться к тому, что преследовало его, или шагнуть в огонь.

Ему выбирать. Поэтому без промедлений он сделал то, что должен был сделать.

47

С бешено колотящимся сердцем Рамона поднялась по лестнице в поисках Су-Ли. Включив свой надёжный фонарь, она изучала каждую тень, внимательно всматриваясь и прислушиваясь в поисках угрозы. Она знала, что, когда придёт время, оно выскочит из темноты и вонзит когти ей в горло.

Ты разозлила Матушку Кроу, и она приготовила для тебя кое-что особенное.

Поднимаясь наверх, она всё больше ощущала в воздухе запах плесени, который был неуместен в Стоксе. Такие запахи были присущи другим городам и населяющим их паразитам, но не Стоксу. У Стокса всегда был летний аромат — сирень и гортензии, гибискус и бархатцы.

Это остановило Рамону.

Это был запах покинутого дома, незанятого жилища, где на окнах густо скапливалась пыль, а на подоконниках — высохшие мухи, где ковры зеленели от сырой гнили, а по стенам росли чёрные узоры плесени. Такого не могло быть в Стоксе, по крайней мере, в воображении Матушки Кроу.

Но запах становился всё сильнее, как будто дом был какой-то большой тыквой, которая гнила изнутри. И, возможно, так оно и было.

Фонарь высветил обесцвеченные обои, потолок с отсутствующими плитками и пыльный пол. Она почувствовала резкий запах мышинового и крысиного помёта, слышала, как внутри стен копошатся какие-то существа. Ей пришлось перешагнуть через мумифицированный труп маленькой птички с вывернутым крылом. Пауки соткали себе объёмные паутины в углах.

Интересно.

Рамона слышала резкий голос Матушки Кроу: *“Я показала тебе красоту и совершенство, но такая городская шлюха, как ты, не смогла этого постичь. Так что довольствуйся этим. Я даю тебе гниль и заброшенность, к которой ты привыкла. Я оставлю тебя корчиться в собственной грязи. Это твоя стихия, свинья.”*

Воздух становился всё холоднее. Теперь она могла видеть своё дыхание.

— Су-Ли? — крикнула она. “Если ты здесь, отзовись! Если ты этого не сделаешь, я уйду!”

Она почувствовала лёгкое изменение в атмосфере, потому что знала, что нарушает тщательно продуманные планы Матушки Кроу. Всё это было подстроено специально для неё. Она должна была подняться. Она должна была увидеть то, что её ждёт.

Ей показалось, что из коридора донёсся глухой стук. Там была дверь. Она подошла к ней, глядя на её покрытую паутиной поверхность с грязной от многочисленных прикосновений ручкой. Она знала, что ей не понравится то, что она увидит, но если бы она сейчас обернулась, то не удивилась бы, если бы лестница просто исчезла.

— Хорошо, — сказала она, “Я буду играть в твою игру. Но позже, ты сыграешь в мою.”

Дверь оказалась заперта. Она ожидала, что какой-нибудь электрический разряд пронзит её при прикосновении, но ничего не произошло. Просто старая дверная ручка на старой

двери в старом доме. Неужели теперь Матушка Кроу пытается её переубедить? Ей захотелось сделать шаг назад и обдумать всё это.

Чушь. Именно этого она от тебя и ждёт.

Рамона старалась казаться неуверенной и полной тревоги, что было не так уж трудно, потому что именно так она себя и чувствовала. Затем она шагнула вперёд, и дверь оказалась незапертой. Она распахнула её и почувствовала тёплый, мясной запах, который напомнил ей запах размороженной свинины. Она огляделась вокруг, осматривая большую спальню, в которой не было ничего, кроме металлического каркаса кровати.

— Су-Ли? — сказала она.

Что-то треснуло. Она услышала это не столько наяву, сколько в своём разуме. Образ, как треснуло яйцо и из него вылезло какое-то пушистое существо. Это должно было что-то означать, но что?

Свет выхватил из темноты обмякшую фигуру у дальней стены.

— Чёрт, — пробормотала она, и у неё перехватило дыхание.

Она не сразу узнала Су-Ли. Обнажённая женская фигура, длинноногая, с копной блестящих чёрных волос, свисающих на лицо. Именно волосы, если не всё остальное, вызвали узнавание, потому что она знала очень немногих женщин за пределами модных журналов, у которых были столь красивые волосы. Су-Ли, конечно, была мертва. Она выглядела опустошенной и костлявой, её бледная кожа была покрыта пятнами крови, которые были даже в волосах. Это было не слишком удивительно, потому что выглядело так, как будто внутри неё взорвалась бомба, образовав тёмную рану от промежности до живота. Она сидела в луже крови, которая также была разбрызгана по стене позади неё и даже капала с потолка.

Рамона отвернулась, стараясь не блевануть.

Её голову пронзила резкая боль, и она поняла, что произошло, и увидела всё во всех ужасных подробностях. Ей пришлось прислониться к дверному косяку, чтобы не упасть.

Оно вышло из неё, подумала она. Семя, которое было посажено в неё вошло и вышло из неё... нет, оно прогрызло себе путь наружу, пока она чувствовала всю эту боль. По крайней мере, до тех пор, пока не потеряла сознание от шока и агонии.

То, что находилось в комнате, обрушивалось на неё волнами бесформенного чёрного зла. Она едва могла отдышаться.

(ВОТ ЧТО ПРОИСХОДИТ С ГОРОДСКИМИ ШЛЮХАМИ)

В её голове эхом отдавались эти слова. Боль была невыносимой, каждое слово ранило как бритва.

— *Пожалуйста...* — услышала она свой голос.

(ОНИ ПРИЕЗЖАЮТ В СТОКС, НАШ ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД, И РАСПРОСТРАНЯ СВОЮ БОЛЕЗНЬ СВОИМИ ГРЯЗНЫМИ ЗАРАЖЁННЫМИ ЧАСТЯМИ ТЕЛА)

Рамона упала на колени. Голова у неё была словно груша, на которой боец отработывает удары. *Бум-бум, бах-бах.* Она боролась, чтобы остаться в сознании, но Матушка Кроу побеждала. И кто она такая, чтобы противостоять тому, что может обмануть смерть и воссоздать целый город из дымящегося чёрного пепла и развалин?

(ГРЯЗНАЯ КИТАЯНКА, ДВУХДОЛЛАРОВАЯ ШЛЮХА-ГУК, ПРОСЯЩАЯ ОБ ЭТОМ)

— Нет, нет, нет, нет, — Рамона застонала. *“Пожалуйста, пожалуйста, не надо больше...”*

(УМОЛЯЛА ОБ ЭТОМ, ЖЕЛАЛА ЭТОГО, И ОНА ПОЛУЧИЛА ЭТО)

— Заткнись!

(ОНА ЗАКРИЧАЛА, КОГДА ОН ПРОНЗИЛ ЕЁ, КОГДА ОН РАЗОРВАЛ ЧУЖЕЗЕМНУЮ ПИЗДУ! ОНА ВИЗЖАЛА И КРИЧАЛА, А ОН ПРОДОЛЖАЛ ДОЛБЕ ЕЁ, РАЗРЫВАЯ НА ЧАСТИ!!!)

Рамона почувствовала, как в ней закипает гнев, который заглушал страх и ослаблял боль. Она знала, что это её единственное оружие против Матушки Кроу в городе где лишь сила воли имела значение.

— ДА ПОШЛА ТЫ! — закричала на неё Рамона. — ПОШЛА ТЫ, ЗЛОБНАЯ, СТАРМАНДА! К ЧЁРТУ ТЕБЯ И ТВОЙ СТОКС!

Дом затрясся, и Рамона подумала, что сейчас на неё обрушится весь гнев Матушки Кроу. На улицах гремел гром, запах жареной плоти и палёных волос пронёсся по дому горячим, тошнотворным потоком.

Но её ненависть и гнев сместились в город, оставив Рамону стоять возле безжизненного тела Су-Ли. Она была похожа на старую ржавую трубу, которая лопнула и хлынула кровавым потоком. Добрая, милая Су-Ли. Рамона заставит эту злобную старую ведьму заплатить за всё.

Она услышала что-то под кроватью. Какой-то царапающий звук, похожий на скрежет когтей крысы. Но это была не крыса. Она посветила туда и увидела блестящие чёрные глаза, похожие на глаза Тряпичной Энн, уставившиеся на неё.

— Так вот ты где, — сказала она сдавленным голосом.

Оно шевельнулось. Свет отражался от его глаз-пуговиц и зубов. Его когти застучали по полу. Рамона подошла ближе к кровати, не желая рассматривать тварь... но что-то в ней требовало, чтобы она смотрела на неё, как на какого-то уродца в банке. Нарастающего в ней ужаса было почти достаточно, чтобы упасть замертво.

— Покажись, — сказала она, её голос звучал решительно, но слабо.

Там, в тени, что-то зашуршало. Оно издало какой-то влажный сосущий звук.

— Иииииииии, — пропищало оно, отчего по спине Рамоны пробежали мурашки. Это прозвучало, как будто кто-то наступил на мышь.

Она пнула ногой кровать, но тварь умчалась прочь быстрее, чем Рамона смогла рассмотреть её. Оно пробежало по трупу Су-Ли, забрызгав его кровью, когти тикали, как у кошки, которая не может убрать свои когти. Свет выхватил его зубастую ухмылку и блестящую, похожую на луковицу, эмбриональную голову со свисающими на одну сторону волосами, похожими на водоросли.

"Оно думает, что ты играешь с ним", — подумала Рамона.

Сама идея была ужасной, но она была почти уверена в этом. Может быть, Матушка Кроу и придумала весь этот спектакль с изнасилованием, беременностью и родами, но теперь, когда оно было живо, оно обладало разумом ребёнка и хотело играть.

Это было до крайности нелепо.

Рамона попыталась проследить за ним с помощью своего фонаря. Оно заскользило по полу, влево, потом вправо, потом она потеряла его и почувствовала, как оно скользнуло между её ног. *О, Господи.* Что-то подсказывало ей, что такой ужас должен быть уничтожен, что позволить ему выжить — почти грех... но она не знала, готова ли она к этому.

Она услышала какой-то скрип и резко развернулась.

Тварь прыгала на кровати, взлетая на пять или шесть футов. Оно была уродливым, бугристым и извивалось, как зародыш крысы. Затем оно спрыгнуло с кровати, как будто

хотело, чтобы она тоже попробовала. Рамону одновременно охватили ужас и жалость. Она направила свет прямо ему в лицо, и оно завизжало, как будто его ошпарили. Ему не нравился свет. Его лицо было сморщено и покрыто глубокими морщинами, глаза были пустыми серыми шариками. Когда оно завизжало, его челюсти широко раскрылись, и она увидела, что у него было два зуба. Каждый длинный, острый и похожий на клык. Один на нижней челюсти и один на верхней. Оба были окрашены в розовый цвет от того, как оно появилось на свет. Она сравнила их с клювом птенца.

Оно спряталось от света, повернувшись к ней спиной, и она увидела выпирающие шишковатые кости под перепончатой плотью. Оно дрожало. Когда она подошла ближе, сжимая фонарь, как дубинку, оно попискивая заскользило по полу.

Рамона бросилась за ним, и оно прыгнуло прямо ей в лицо.

Она еле увернулась. Тем не менее, его плоть коснулась её щеки, и оно было холодным и скользким, как мёртвый карп. Оно ударилось о стену, но не упало. Просто зависло, вцепившись когтями в штукатурку. Теперь оно дышало очень тяжело. Когда она подошла к нему поближе, оно пискнуло и задрожало, как будто испугалось, а из его задних лап выпала капля розового желе, как будто оно обделалось от страха.

Это было уже слишком.

Она собиралась уйти. Возможно, это было неправильно, но она больше не могла этого выносить. Её отвращение к этой твари было слишком велико, и если она коснётся её снова, она просто сойдёт с ума.

Оно повернуло голову и посмотрело на неё, улыбнувшись сочными розовыми дёснами, его два шипообразных зуба выглядели смертельно опасными, предназначенными для того, чтобы пронзать ярёмные вены. Его блестящие кукольные глаза смотрели на неё, наполненные наивным идиотизмом, от которого у нее защемило сердце, даже когда по рукам побежали мурашки. Она никак не могла отделаться от мысли, что это вовсе не живое существо, а какая-то ужасная бутафория или отвратительная игрушка.

Оно несколько раз стукнуло коленями о стену. Оно хотело, чтобы она снова пришла за ним. Оно хотело, чтобы она попыталась поймать его. Игра, это была всего лишь игра... и всё же она видела его зубы и когти, способные запросто убить.

— Иииии? — пискнуло оно.

— Нет, — ответила она. — Хватит играть. У меня нет времени.

Оно щёлкнуло зубами и забарабанило по стене. Оно издало шипящий звук, похожий на змеиный. Из его пасти свисали длинные ленты слюны.

— Иииииии! — оно снова запищало, но на этот раз в его тонком пронзительном голосе отчетливо слышались гнев и нетерпение.

Почти обезумев от ужаса, с трясущимся фонарём в руке, Рамона попятилась к двери. Адская маленькая куколка смотрела на нее сверкающими глазами. Оно начало карабкаться вверх по стене, оставляя глубокие дыры в штукатурке.

— Иииии! — оно завизжало на неё. — Иииии!

Ей захотелось отбросить фонарь и зажать уши руками, потому что звук, который оно издавало, был слишком ужасен, и крик вырвался из её горла. Пот струился по ее лицу, а надежный фонарь дрожал в руке. Теперь оно висело под самым потолком, как какая-то обезьяна-мутант. Оно сложило свои распухшие губы в нечто вроде поцелуя с засосом. Может быть, она и сошла с ума, но она почти чувствовала, что оно испытывает к ней определённую привязанность. Теперь оно висело на одной когтистой руке, раскачиваясь и стороны в

сторону.

Я потерял маму, Рамона. Я хочу, чтобы ты была моей мамой и моим товарищем по играм, а ночью я свернусь калачиком рядом с тобой и никогда не отпущу. А когда я проголодаюсь, то прильну ртом к твоей груди и высосу из тебя всю кровь. Ты можешь кричать сколько угодно, но как только я вцеплюсь в тебя зубами, ты не сможешь освободиться!

Эти слова пронесли у неё в голове, и все они были произнесены пронзительным голосом. К чёрту всё это. Она направилась к двери. Она больше не могла этого выносить. Свет упал на выпотрошенный труп Су-Ли, и на этот раз она действительно закричала.

Маленький уродец очень разволновался. Оно подражало её крику и подпрыгнуло к потолку. Рамона бросилась к двери, и та захлопнулась у неё перед носом. Она почувствовала, как когти, похожие на шипы стеблей роз, задели её щеку, и она упала на спину, пытаясь ослепить маленького монстра светом. Но он был слишком быстр. Размытое пятно пронеслось мимо её лица, и она вскрикнула.

— ОТВАЛИ ОТ МЕНЯ! — крикнула она.

Но это только обрадовало существо, и оно завизжало от восторга, прыгая вокруг неё. Задыхаясь, чувствуя головокружение, с мокрым от пота лицом, она видела его на потолке, потом на стенах, а потом совсем потеряла, прежде чем оно свалилось ей на плечо, и она почувствовала его горячее дыхание на своей шее. Она уронила фонарь и потянулась, чтобы схватить его. Его плоть, казалось, расползлась под её пальцами, и волны отвращения прокатились по ней.

— Нет! — воскликнула она, когда чудовище прижалось своей раздутой мордой к её лицу, ухмыляясь с детским ликованием, его хищные клыки высунулись и укусили её за кончик носа.

Холодный пот залил её тело, и она совершенно обезумела от паники и ярости. Она сорвала его с себя и швырнула изо всех сил, услышав, как оно ударилось о стену с мясистым шлепком. Она схватила фонарь и направила на него луч. Оно сидело на корточках на полу, издавая ужасные хнычущие звуки. Его голова была мокрой от того, что должно было быть кровью, и вскоре она поняла почему. Она повредила его. Его голова раскололась, как у куклы, ударившейся о стену, а у ног лежал кусок черепа.

Его серые глаза заблестели, когда оно посмотрело на неё. Пасть открылась и издала сердитый рёв. Окровавленное и сломанное, оно бросилось на неё. Она еле успела отбить его в сторону фонариком. Едва оно коснулось пола, как она уже пинала и топтала его изо всех сил. Крича от боли, оно скользило по полу, волоча за собой окровавленные часовые механизмы и куски плоти.

— Иииииии, — жалобно пищало оно. — Иииииииииииииии...

На глазах у Рамоны, преисполненной отвращения и раскаяния, оно наполовину доползло, наполовину допрыгало до трупа своей матери. Оно вцепилось в её раздвинутые бедра, пытаясь вернуться туда, где, возможно, ощущало безопасность и защиту от большого плохого мира. Шлепающие звуки, которые оно издавало, когда пыталось проникнуть в Су-Ли, стали последней каплей.

Рамона крича подбежала к нему. Зверь укоризненно посмотрел на неё, прежде чем она снесла его голову с плеч. Она долго стояла, чувствуя странное облегчение и вину. Но одного взгляда на забрызганное кровью лицо Су-Ли было достаточно, чтобы избавиться от последнего. В течение нескольких секунд внутри дрожащего тела куклы раздавалось тихое

жужжание, затем оно прекратилось, и воцарилась тишина.

Она направилась к двери, открыла её и, спотыкаясь, пошла по коридору. Она нашла лестницу и спустилась по ней на несгибаемых ногах, едва не падая. Она не могла правильно классифицировать то, что чувствовала в тот момент. Это было какое-то невероятное сочетание горя, вины и облегчения. Выйдя на улицу, она ушла как можно дальше от дома в парк, где рухнула на колени.

Она выключила фонарь.

— Я убила его, — подумала она. Да, я убила его.

И хотя она понимала, что у неё не было выбора, ей от этого не становилось легче, потому что оно было по-своему живым существом, ребёнком.

Через некоторое время Рамона поднялась на ноги и снова двинулась на восток.

48

Когда Чазз снова открыл глаза, он висел в двадцати футах над землей в какой-то огромной тёмной комнате. Он мог видеть окна в крыше высоко над собой, и бледный лунный свет освещал его. Он был голый. Он почувствовал, как по коже пробежал холодок.

Его первой мыслью было: *Если я мёртв, как я могу чувствовать холод?*

А это означало, что он вовсе не мёртв. Последнее, что он помнил, — как Одноногая Леди держала его за лодыжки, словно новорожденного, в комнате, похожей на викторианскую комнату для вскрытий. Он вспомнил женщину-пузырь. Он вспомнил, как Одноногая Леди сжимала его яйца... и больше ничего.

Содрогнувшись, он попытался просунуть руку между ног, чтобы проверить, всё ли на месте, но не смог пошевелить рукой. На самом деле он не мог пошевелить ни рукой, ни ногами, ни даже телом. Лучшее, что он мог сделать, — это слегка приподнять голову. Он был связан, подвешен в воздухе в этой огромной, залитой лунным светом комнате.

Он начал паниковать. Он был сильным парнем, но даже он не был достаточно силен, чтобы разорвать узы, которые сковывали его.

— Кто-нибудь! — закричал он. — КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ МНЕ! Я В ЛОВУШКЕ!

Его голос отозвался эхом и замер, и он осознал, что привлекать к себе внимание не лучшая идея. После этого он замолчал. Он напрягал мышцы, извиваясь так сильно, как только мог, но в итоге лишь слегка раскачивался. И тогда, вытянув голову, он увидел, что его не связывают никакие веревки или цепи. Нет, он не был привязан, он *застрял*. Он зацепился за что-то, от чего не мог освободиться.

Какого хрена?

Лунный свет показал ему то, что он не хотел видеть. Он был в паутине. Он застрял в огромной паутине, исходящей из стен и оканчивающейся высоко на потолке. В его голове проносились образы *Невероятно уменьшающегося человека*, сражающегося с огромным домашним пауком за господство в его крошечном мирке. Но в данном случае, с нарастающей истерикой понял он, это был не паук как таковой, а существо, которое он называл Матерью Пауков.

Не в силах совладать с собой, он предпринял очередную отчаянную попытку вырваться, крича, всхлипывая и, наконец, рыдая.

Всё бесполезно.

Он был наивен, думая, что смерть и расчленение от рук Одноногой Леди — самое

худшее, что только возможно. Теперь он познает истинный ужас.

Цок, цок, цок, цок, цок.

Он едва дышал. Сейчас она придёт. Она затаилась в каком-то тёмном углу и теперь приближалась. Теперь, когда он проснулся, можно было начинать.

Цок, цок, цок, цок, цок.

Теперь громче. Она возвращалась к своей жирной, сочной мухе. Теперь, когда она приближалась, он пытался вырваться ещё более отчаянно

ЦОК, ЦОК, ЦОК, ЦОК, ЦОК.

Если он не освободится до её прихода, всё будет кончено. Больше он не увидит ни Одноногую Леди, ни Стокс, вообще ничего. Жизнь, которую он знал, закончится самым жутким и ужасным образом, и он ощущал, как паника, безумие и абсолютный ужас сливаются в нём. Его детство проносилось перед глазами. Его дерьмовое детство и мачехасадистка, тёмные стены чулана, избиения, ожоги, угрозы и ненависть. Это был чёрный призрак, который преследовал его всю жизнь.

И теперь здесь, в этом ужасном месте, ему угрожал не столько паук, собранный из кукольных частей, сколько темнота детства, которая, наконец, пришла за ним, чтобы задушить его собственным тайным ужасом.

ЦОКЦОКЦОКЦОКЦОКЦОК!!!

Наверху не могло быть Бога, потому что он или она не могли остановить эту тварь. Потому что если бы он действительно существовал, то дети не умирали бы в концентрационных лагерях, не умирали бы от голода, не были бы похищены, избиты, изнасилованы и убиты. Бога не было, был только хаос. Бог был сотворен, потому что людям нужно было во что-то верить, во что-то, что убедило бы их, что они не простые букашки, ползающие по земле, и что действительно существует какая-то сказочная страна, куда попадаешь после смерти.

Чазз смеялся над откровениями, которые пришли к нему в последний час. Они могли бы обогатить его, наделить силой и превратить в достойного, заботливого человека, если бы пришли раньше, но им никогда не удавалось пробиться сквозь стену страха, высокомерия и разочарования, которую он выстроил вокруг себя.

Чазз заметил, что в паутине он не один. На ней висели десятки обглоданных трупов мужчин, женщин и детей. Теперь тонкие нити паутины сильно дрожали, и он чувствовал, как леденящая тень паучьего ужаса приближается к нему, зная, что это воплощение первобытных страхов человека, страха перед неизвестным. Так оно и было.

А потом она нависла над ним, огромная абстрактная скульптура, сплетение ног, рук и голов кукол, костей и паучьих яиц. Она жужжала, щёлкала и шипела. Токсичные испарения вырывались из её многочисленных чёрных ртов, которые сморщивались, открывались и закрывались, вязкие сгустки слюны падали с них на его лицо и жгли, Боже, жгли, как кислота, и Чазз закричал, когда почувствовал, как кожа его подбородка и щёк растворяется.

Я не сдамся так просто! — проревел голос в его голове. *Я не умру вот так! Я... ОТКАЗЫВАЮСЬ!*

Боль придала ему сил, и последним невероятным усилием ему удалось высвободить одну руку. Он отбрасывал спадающие шёлковые нити и разрывал гроздья выпуклых яиц, которые лопались, как водяные шары, проливая на него желеобразную слизь.

И всё же он боролся.

Он вырвал кукольную руку, разбил вдребезги ухмыляющееся кукольное лицо и принялся

колотить Матерь Пауков. Она направила на него дюжину пустоглазых лиц-манекенов, и он бил их кулаком, отбрасывая одних и разбивая другие. Он причинял ей боль, он знал это. Она визжала и дрожала.

Если бы только этого было достаточно...

Он продолжал это делать, не обращая внимания на сломанные костяшки. И единственное, что действительно останавливало его, — это лица, которые открывали свои чёрные, влажные рты и брызгали на него липкими шёлковыми нитями. Они облепили сеткой его лицо и окровавленную руку. Они были влажными, эластичными и жгучими, их невозможно было порвать.

Она поймала его.

Он причинил ей боль, но теперь она обездвижила его. Одно из лиц распахнулось, появился мясистый хоботок, ужасающе фаллический и пульсирующий. Кончик его сморщился, открылся, как крошечный ротик, и оттуда появилась хирургически тонкая чёрная игла. Она воткнула её ему в горло, и в то же мгновение другие рты выпустили такие же хоботки и точно так же ткнули его. Оцепенев от токсинов, Чазз безвольно повис, когда Матерь Пауков начала сосать его кровь со звуком детей, сосущих молоко через соломинки. Она выпила достаточно, чтобы вывести его из борьбы, и к тому времени он был вялым и частично закутанным в кокон, хныча от страха и безумия.

— Итак, Крутой парень, — произнесла она дюжиной шелковистых и откровенно чувственных голосов. “Твои части были обещаны другим, и моя работа — разделить тебя на них.”

Головы манекенов раскрылись, и появились жвала, хитиновые челюсти, их внутренние края были усеяны бритвенными лезвиями. Матерь Пауков взяла то, что Одноногая Леди и женщина-пузырь хотели получить в первую очередь: его мужское достоинство. Она откусила его яйца и член, а Чазз заверещал высоким, воющим звуком, который усилился в огромной комнате, отдаваясь эхом и возвращаясь к нему.

Должно быть, где-то там внизу была публика, потому что он слышал, как сотни голосов стонут от удовольствия: *OOOOOOOOOOOOOOOO...*

Матерь Пауков билась в экстазе, её рты выпускали горячие струи пара, а внутри неё что-то жужжало и визжало.

Чазз всё ещё кричал, хотя силы быстро покидали его. Когда кровь хлынула у него между ног, бесчисленные распухшие розовые языки высунулись из-под паука и жадно принялись лакать её. Тем не менее, он продолжал метаться в своём коконе, крича и мотая головой из стороны в сторону, его глаза были выпучены, как будто они собирались вырваться из своих глазниц.

Она отрезала ему левую руку, потом правую.

АААААААА, застонали возбуждённые голоса.

Последнее, что она взяла, было его всё ещё бьющееся сердце, вырвав его из груди, как луковицу из чёрной почвы, выставив его на всеобщее обозрение, прежде чем опустить её, в протянутые руки.

Рамона стояла на дороге, глядя на фабрику на холме, и холод пробирал её до костей. Даже если бы она не знала, что это сосредоточие зла Стокса, она бы почувствовала это.

Фабрика выростала из вершины холма, как ядовитый гриб, сочась токсинами и отравляя всё вокруг, включая город. Это была злокачественная опухоль, которую нужно было вырезать, вырвать с корнем и сжечь дотла.

Она была незваной гостьей.

Матушка Кроу не хотела видеть её здесь. На самом деле она боялась этого так же сильно, как сама Рамона боялась зайти туда. Вот что у них было общего: страх и ярость. Они обе были готовы сражаться насмерть, и ни одна из них не отступит.

Это был конец игры.

Затем Рамона решительно направилась к заводу.

И всё стало меняться так же, как и в парке. Реальность искажалась, и она почувствовала запах дыма. Да, густой, едкий дым горящего города. Она услышала что-то вроде приглушенного взрыва, и фабрика перед ней буквально раскололась, извергая языки пламени и огромные клубы пепла.

Все началось здесь. Пожар начался здесь, на фабрике, и перекинулся на город. Вот что случилось на самом деле.

Она никак не могла этого знать, но была уверена: всё началось здесь, и она видела это. Что бы там ни говорила миссис МакГиннес, всё началось не в городе. Все началось с завода.

Небо над головой было освещено красным сиянием, и волны жара накатывали на неё. Деревья по обе стороны дороги вспыхнули ярким пламенем. Поле горело. Фабрика была охвачена языками пламени, и она слышала крики людей. Она оглянулась и увидела, как сзади горит город. Это был невероятно мощный пожар, больше похожий на огненный шторм. Она снова перевела взгляд на фабрику. Та была полностью разрушена, высокие стены огня достигали небес. Раздался ещё один взрыв, а затем ещё один из её пылающего чрева, и с неба посыпались обломки горящего дерева, тлеющие кирпичи и раскалённые куски металла. Фабрика испускала дух, и вот что она извергала в предсмертных муках.

Жар был достаточно сильным, но Рамона продолжала идти, не обращая на это внимания. Она двигалась сквозь тлеющий пепел глубиной в четыре дюйма, обходила горящие обломки фабрики, отмахиваясь от клубов дыма. Раздался ещё один взрыв, и ещё больше обломков посыпалось на поля пепла. Сначала она решила, что это части трупов, но это были не трупы, а части кукол и манекенов. Она видела ухмыляющиеся оплавленные лица и почерневшие головы, конечности и тела. Вещи, приваренные друг к другу невообразимым жаром, человекообразные каркасы, чья пластиковая и восковая плоть пузырилась и стекала. Вдруг она поняла, что крик, который она слышала, был не криком людей, а криком самих кукол... их обугленные и покрытые волдырями рты кричали в ночи, мучимые общей агонией.

Но куклы не могут кричать. Манекены и куклы не чувствуют боли, — сообщил ей голос разума. Но я их слышу...

Потом... всё начало исчезать, лишь фабрика вокруг неё осталась лежать в руинах. Почему ей это показали? Но ответов не было, поэтому она просто перестала задавать вопросы и приняла всё как есть. Останки завода были разбросаны повсюду, как кости в поле после великой битвы. Кирпичи застряли в спутанной траве, из их груд росли молодые деревца. Жуткая тишина повисла в воздухе. Она слышала скрип металла на ветру, может быть, останки водосточного жёлоба или какая-то другая железяка.

Две дымовые трубы всё ещё вздымались над почерневшими обломками, как лишенные плоти пальцы, одна прямая и высокая, другая накренившаяся, как будто могла рухнуть в

любой момент. Вороны сидели на них, расправив крылья и каркая.

Чем ближе она подходила к фабрике, тем больше встречала обломков.

Кроме кирпичей, сгнивших досок и старых почерневших брёвен, появились ещё ржавые детали различных механизмов, останки трубопроводов и железных труб, в которых гнездились ласточки. Она обошла останки третьей дымовой трубы, обильно оплетённые сорняками. Огромные шестерёнки вырастали из земли, как спины древних ящеров. Фабрика рухнула сама под себя, заполнив огромные ямы и подвалы горами искорёженного железа и множественными плитками черепицы, напоминавших ей чешуйки кожи.

И всё же она не могла не задаться вопросом, почему ей всё это показывают?

Но теперь ответ был очевиден. Матушка Кроу показала ей пожар и его последствия, словно вбивая ей в голову, что всё, что жило (или существовало) на фабрике, давно ушло. Огонь нейтрализовал его и сделал безвредным. Теперь всё это было лишь напоминанием, а вся местность превратилась в кладбище. Здесь не было никакой опасности. Рамона должна вернуться в город. Вот откуда исходила настоящая угроза.

Но Рамона, конечно, на это не купилась.

Она открыла дверь и вошла.

Потому что пришло время.

50

— *Куда же ты, куколка? Что ты собираешься делать, когда доберёшься туда? —* произнёс скрипящий голос. *Знаешь ли ты, кого найдёшь и что они скажут тебе?*

Крип прижался к стене, ощущая нереальность происходящего. Он ждал, думая: *"Я должен убежать от неё, пока она не нашла меня"*.

Но куда бежать? Хороший вопрос. Да, он слышал голос, но он звучал и спереди, и сзади, и со всех сторон одновременно.

— *Не волнуйся, куколка, увиденное поразит тебя,* — сказал голос, хихикая.

Вот тогда-то и появился свет. Не электрических ламп, конечно, а колеблющихся оранжево-жёлтых огней, как у огромных старинных свечей. Тех, что отбрасывают крадущиеся неровные тени. Но свет есть свет, и Крип довольствовался всем, что имел. Коридор был больше похож на круговой промышленный туннель с алюминиевыми трубами, через которые, должно быть, проходили электрические линии или паропроводы.

Не зная, что ещё делать, он двинулся дальше, и вскоре туннель расширился, и он увидел... ну, сначала он не понял, что увидел. Он присмотрелся и различил, что это были литейные формы, похожие на те, что используются для штамповки пластмассовых деталей. Все они были раскрыты, как раковины моллюсков. Он видел формы для кистей и ступней, ног и туловищ, рук и голов, множество лиц, тщательно вырезанных из алюминия. Они были похожи на слепки посмертных масок. Он заметил и другие большие формы, предназначенные для отлива манекенов целиком.

По пути он встретил десятки таких.

Одни для мужчин, другие для женщин и даже детей. Глядя на них и думая о том, что из них выходит, Крип начал дрожать, а потом и потеть. Хотя вокруг было жарко, пот, который катился по его лицу, был прохладным. От него исходил отвратительный запах, который вызывал тошноту. Это был запах человеческой машины, отравленной желчью собственного страха, помешательства и ужаса. Люди, которые шли на виселицу или электрический стул,

вероятно, потели так же. Он никогда раньше не ощущал такого запаха и полагал, что большинство людей ощущают его только один раз — прямо перед смертью.

Ну же, куколка, перестань думать. У тебя это плохо получается. И, кроме того, ты уже почти на месте, скоро ты встретишься с тем, кого ищешь.

Голос продолжал насмехаться над ним, но Крип продолжал движение вперёд. Теперь он не видел причин спорить со своей судьбой или пытаться убежать от неё. Он пойдёт туда, куда велит голос, и увидит, что ждёт его там, потому что на самом деле другого выхода не было.

Форм становилось всё больше и больше, они теснились у стен, пока полностью не перекрывали их. Затем он увидел её. Даже дрожа от ужаса, он не был по-настоящему удивлён.

Даниэль висела на стене.

Точнее не Даниэль, а тот ужас, который он видел вместе с Лексом и Су-Ли по телевизору. Даниэль переделали в куклу — бледное и голое существо, её конечности вращались в суставах, а груди походили на маленькие холмики с сосками. Клитор между её ног, казалось, пульсировал жизненной силой, набухший и сочный, как спелый персик. Её кожа казалась гладкой, но местами свисала как недосброшенная кожа змеи. Её грудь поднималась и опускалась, как будто ей действительно нужно было дышать.

— *Посмотри на меня, куколка,* — сказала она, смешно выпятив челюсть. *Скоро ты станешь таким же, как я.*

Её светлые блестящие волосы свисали на бок, как парик. Один глаз превратился в чёрную дыру, другой сверкал как лунный камень. Её лицо походило на маску, недоделанную, но ужасно живую.

Крипу пришла в голову мысль о бегстве. Это было чисто инстинктивно, но это было единственное, что он мог придумать.

— *Нет, нет, не сейчас,* — прошипела экс-Даниэль. *Не сейчас, когда ты так далеко зашёл.*

Она оскалившись извивалась на крюке, показывая крошечные зубы, похожие на зазубренные зёрна кукурузы. Если он не послушается её, то она спустится и сделает с ним что-то ужасное.

— *Иди и посмотри, кто ждёт тебя, куколка.*

Слезы лились из его глаз, зубы стучали, руки тряслись так сильно, что ему пришлось прижать их к бокам. Он не смел даже моргнуть, ведь в мгновение ока в этом месте могут произойти самые отвратительные вещи.

— Нет! — закричал он, собрав всю свою волю в кулак. “Я не пойду, и ты не заставишь меня!”

Ему было приятно слышать свои слова. Чёрт, он чувствовал себя сильным, решительным и стойким... но он всё ещё шёл вперёд.

И самое тревожное во всём этом было то, что он не мог остановиться.

Его тело не реагировало. Его нервная система была захвачена, и он больше не отвечал за своё собственное тело. Теперь он был как пассажир в автобусе. Он больше не владел собой... и всё же он мог говорить, мог шевелить губами, головой, руками, он просто не мог остановить свои ноги.

Это было безумие.

Отчаявшись, он бил себя по лицу, пока щёки не покраснели и не запыхали, а боль и

смятение не заставили его расплакаться. Но ничто из этого не помогло.

"Наступает время, — сообщила ему экс-Даниэлль, — когда все решения принимаются за нас, и мы должны быть рады этому".

У Крипа было сильное желание сказать ей, чтобы она заткнулась, потому что она даже больше не была человеком. Она и раньше ему не нравилась, но теперь ему захотелось найти хороший пятифунтовый молоток и разбить её лицо вдребезги. Боже, это было безумием, но мысль о том, чтобы стереть её в порошок, была сексуально возбуждающей...

Туннель постепенно расширялся.

И становилось всё теплее.

Крип теперь обильно потел. Отчасти от страха и тревоги, но было ещё что-то. Воздух обжигал горло, было трудно дышать. Именно тогда, когда пот начал капать с кончика его носа, он услышал какой-то шум, похожий на журчание горячей воды в трубе высокого давления, и весь туннель задрожал. Грохот стал громче. Туннель словно пришёл в движение.

Какого хрена?

Проход заполнялся клубящимся белым паром, похожим на тот, что выдувает свисток чайника. Пар окутал его, боль от ожога была мгновенной. Он бился об пол и отскакивал от стен, чувствуя боль и рвотные позывы, но понимая, что это не смертельно.

Затем он услышал жужжащий звук, и что-то вышло из туннеля, который теперь стал довольно большим. Что бы это ни было — а он почти ничего не видел — оно надвигалось на него, как призрак из тумана, принося с собой жар, шум и запах раскалённого железа. Это была машина, ставшая плотью, или плоть, ставшая машиной. Биомеханическая тварь, собранная из пожелтевших костей и извивающихся кукольных частей, с гигантским стальным медвежьим капканом вместо пасти.

Всем этим ужасом управляла мумия с взъерошенными седыми волосами, чьё сморщенное лицо искажала злобная ухмылка.

Вот что увидел Крип прежде, чем его руки и ноги были пронзены шипастыми цепями, которые затащили его в источник дыма, где огромная циркулярная пила разрежала его от промежности до макушки, окатив стены кровью и мясом.

51

Лекс услышал крик Чазза, хотя и не знал, кто это был. Крик отозвался эхом и затих, но не было никаких сомнений, откуда он доносился, и именно туда он направился. Он наощупь пробирался вдоль стен, зная, что в любой момент пара скрюченных кукольных рук может протянуться к нему, но он не думал, что это случится. Не сейчас.

Он добрался до центра, который был частично освещён лунным светом, льющим через окна в крыше примерно тремя этажами выше. Когда его глаза привыкли к темноте, Лекс увидел множество сверкающих механизмов и колонну, поднимающуюся до самой крыши. Это была огромная комната, и он знал, что это логово Кукловода. В воздухе стояла тошнотворная вонь, запах разложения.

Стокс был просто проекцией, которую она или *она* создали, идеализированным городом, который, вероятно, никогда не существовал на самом деле, по крайней мере, не таким, каким Лекс видел его сегодня вечером. Если город был её разумом, то фабрика была её телом... а эта комната — сердцем.

Часовой механизм.

А почему бы и нет? Кукольные люди были похожи на заводные игрушки, так почему же Кукловод должен был отличаться от них?

Лекс мог бы сидеть и размышлять часами, но правда, истинная правда всего этого была ему недоступна. Он пришёл не просто так, и должен был довести дело до конца.

И всё же... это место завораживало его. Живая машина. Спиралевидные рёбра, которые увивали стены, медленно, но неумолимо вращались, движимые огромной пружиной, и которые, в свою очередь, приводили в движение огромные зубчатые колёса и шестерни. Подобно анатомии организма из плоти и крови, ничто из этого никогда не останавливалось, никогда не отдыхало, никогда даже слегка не менялось в очерёдности, иначе результатом был бы полный хаос и смерть машины, которая питала Стокс и Кукловода.

Уничтожишь это, — подумал Лекс, — и ты уничтожишь Кукловода.

Он прошёл дальше в комнату, перешагивая через запутанные электрические провода и паровые шланги, которые обвивали друг друга как спаривающиеся питоны. Он уклонялся от вращающихся шестерней, его уши болели от бесконечного гудения и лязга механизмов. Он продолжал двигаться, но осторожно, потому что это было опасное место, сюрреалистический кошмар, в котором всё шипело и жужжало, голодные зубчатые и заострённые цепи так и стремились затащить неосторожных под пресс, где те были бы как следует обработаны. Искрили высоковольтные линии, пузырились чаны, пар вырывался через трещины в шлангах, и огромные зазубренные крюки раскачивались в поисках плоти.

Жара была почти невыносимой. В воздухе витали испарения масел и смазочных материалов. Помимо запахов горячего железа, воска и расплавленного пластика, был ещё более отвратительный запах. Вездесущий запах скотобойни, хорошо прожаренного мяса, спёкшейся крови и сожжённых волос.

И тут он увидел машину.

Возможно, это было то, что он искал всё это время.

Но было ли это на самом деле? Было ли что-нибудь из этого реальным? Да, всё это имело гигантские размеры, и всё это могло разрезать человека, раздавить, ошпарить, ударить током или содрать кожу, но это не делало всё это реальным.

И машина, находившаяся всего в двадцати футах от него, никак не могла быть настоящей.

Она была не менее сорока футов в диаметре, сделанной из какого-то чёрного металла. Он увидел, как по конвейеру шли мужчины, женщины и дети, выстроившиеся в ряд, как скот. Шипастые валы пронзали их руки и утаскивали в недра машины. Сквозь тонкую, как проволока, сетку он видел, как циркулярные пилы разрезали их пополам и тащили окровавленные половинки в кипящий чан, где они расплавлялись в жидкость, которая затем перетекала в формы. Когда те остывали, они раскрывались, и кукольный человек присоединялся к рядам других синтетических людей, которые стояли как разинувшие рты мумии в мексиканских катакомбах.

Лекс снова и снова моргал.

Он ни на секунду не поверил, что они были сделаны именно так, но что-то заставило его сделать это, и ему пришлось бороться с желанием присоединиться к остальным на конвейере.

Именно тогда он посмотрел прямо вверх сквозь рассеивающиеся облака горячего пара и увидел там огромную паутину, сделанную из какого-то розового шёлка, который странно походил на тонкие нити человеческой кожи. В ней застрял расчленённый человек.

Лекс знал, что это Чазз.

И когда какая-то огромная паукообразная тварь нависла над расчленённым человеком и уколола его иглами, он был уверен в этом. Лекс даже слышал его голос: *"Боже... Боже... Боже... помоги мне... о, пожалуйста, позволь мне умереть..."*

Лекс потерял дар речи от такого зверства.

Когда он пришёл в себя и сосредоточился, то заметил то, что до сих пор ускользало от него — всё в фабричном лабиринте было связано тончайшими нитями, похожими на паутину. Каждая деталь механизма, каждая шестерня, колесо и пресс были соединены с чем-то, что теперь выходило из темноты, спускалось из неё, огромная чёрная фигура, соединённая с миллионами белых нитей.

Пришло время встретиться с хозяйкой лабиринта.

52

Уже близко, так чертовски близко.

Рамона приближалась к источнику хаоса и чувствовала, как его тёмный магнетизм притягивает её к себе, одновременно пытаясь и оттолкнуть. Она боялась его, и он боялся её, только она не знала почему и страшилась того, что умрёт прежде, чем узнает об этом. Издалека доносились громкие звуки литейного цеха — лязг и треск, скрежет металла о металл и вездесущее шипение горячих паров.

Коридор приведёт её туда.

Шаг за шагом она приближалась.

Мысли проносились в её голове, в основном вещи, о которых она не хотела думать. Эта ночь была бесконечной. Это могло продолжаться уже несколько часов или дней. Здесь, в центре ада, время потеряло всякий смысл. Она знала судьбу Су-Ли. Крип и Даниэль тоже, вероятно, были мертвы. Но она хотела узнать, что случилось с Лексом и даже Чаззом. Она всё ещё испытывала к нему определённые чувства и гадала, жив ли он.

Но голос в её голове просто сказал: *Нет. Он физически силен, но слаб умом и морально испорчен. Без своих мускулов и привлекательной внешности он всего лишь испуганный плаксивый мальчишка, и ты это прекрасно знаешь. Лёгкая добыча для Матушки Кроу.*

Рамона больше не собиралась думать о нём.

Он исчез. Он больше не существовал для неё.

А то, что между ними было, исчезло намного раньше.

Она оглядела коридор с помощью фонаря. Инстинкты подсказывали ей, что она движется в правильном направлении. Пол был грязным, в отличие от остального города. Что это значит? Где же безупречная чистота, которую она видела на улицах? Под ногами лежал ковёр из листьев, окурков, конфетных обёрток, металлической стружки, деревянных щепок и очень старого, заплесневелого номера "Плейбоя". Она также заметила несколько серых дверей. Надпись на одной гласила: НАЧАЛЬНИК ПРОИЗВОДСТВА, а на другой — ДИРЕКТОР ЗАВОДА. На них налипло что-то коричневое и засохшее, как старое дерьмо. Может быть, это была кровь.

В самом конце коридора была большая дубовая дверь с шестью панелями. Очень элегантная по сравнению с остальными. Она была блестящей, хорошо отполированной. На двери висела табличка:

МАТУШКА КРОУ

ПРЕЗИДЕНТ

Она была поражена абсурдностью этого. Мог ли кто-то написать нечто подобное в то время? Неужели эта старуха настолько сумасшедшая, высокомерная и самонадеянная? Но ответ на этот вопрос был очевиден. Ведьма считала, что весь город принадлежит ей. Она проклинала убегающих с её фабрики рабочих. Она, блядь, обманула смерть и создала весь этот цирк.

Да, старуха определённо была безумной, высокомерной и самоуверенной. Типичный деспот. Типичный тиран. Типичная матриарх падшей династии. МАТУШКА КРОУ
ПРЕЗИДЕНТ. Рамону тошнило от этого. На самом деле, этого было достаточно, чтобы...

Подождите.

Теперь там не было написано "МАТУШКА КРОУ". Надпись изменилась:

РАМОНА КРОУ,
ПРЕЗИДЕНТ

Рамону сделала шаг или два назад. Дурацкая шутка, придуманная больным умом. Старуха могла написать какое-нибудь оскорбление для Рамоны, её матери или всей семьи, и Рамона бы просто отмахнулась от этого. Но это было больше, чем просто оскорбление, это было тревожно. Как будто карга нашёптывала ей в ухо своим кислым старушечьим дыханием.

— Прекрати, — сказала Рамона.

Но надпись на табличке не исчезла.

— ДА ПОШЛА ТЫ!

"РАМОНА КРОУ, ПРЕЗИДЕНТ И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР", — гласила она.

— ПРЕКРАТИ СЕЙЧАС ЖЕ!

РАМОНА КРОУ, СОЗДАТЕЛЬ И РАЗРУШИТЕЛЬ, СОЗИДАТЕЛЬ И УНИЧТОЖИТЕЛЬ.

Она потёрла кулаками глаза, но ничего не изменилось. Матушка Кроу нашла её слабое место, и собиралась как следует над ним поработать. Боль была почти физической, Рамона испытывала нарастающее страдание и бездонное горе, впадала в чёрную бездну отчаяния.

Сделай это, приказала она себе.

Она быстро прошла по коридору к двери. Вот как нужно действовать в местах, подобных этому: если что-то сильно пугает вас, столкнитесь с этим лицом к лицу. Она взялась за ручку двери и распахнула её. Она шагнула в комнату, ожидая увидеть какой-нибудь строгий и утилитарный кабинет, что-нибудь суровое и пуританское, что соответствовало бы механистическому складу ума Матушки Кроу, но вместо этого обнаружила мастерскую.

Конечно, там были столы, заваленные частями манекенов. Но к этому моменту Рамона уже не так сильно боялась их.

Ты лжёшь, Боже, как же ты лжёшь.

Она изучала стеллажи, заваленные различными инструментами и приборами. С полок свисали лица, безглазые и безгубые, — вещи из дерева, пластика и воска, ожидающие, когда их прикрепят к какому-нибудь ужасному живому механизму. В сосудах находились глазные яблоки всех цветов радуги. Рамона ожидала, что они будут следить за ней, как глаза на старинных картинах, но это были всего лишь стеклянные шарики. На стене висел пожарный шланг, рядом с ним — топор, выкрашенный в красный цвет.

Рамона знала, что в переосмыслении этого места Матушкой Кроу, конечно же, будет множество средств пожаротушения.

С потолка свисала верёвка, и она потянула её, почти ожидая увидеть дюжину марионеток, падающих вниз в жутком дёргающемся танце, но единственное, что произошло, — это зажётся свет. Это была старомодная лампа с воронкообразным абажуром, свет которой освещал лишь содержимое стола, формируя за его пределами тень, в которой легко могло скрыться какое-нибудь чудовище.

В дальнем конце комнаты была дверь, и именно туда она направилась.

Она прошла несколько футов, прежде чем наткнулась на что-то, свисавшее с потолка, чего, как она была уверена, не было пару секунд назад. Затем оно с грохотом упало на пол.

Тяжело дыша, настороженная, она посветила на него фонариком.

Это был Крип.

Не настоящий Крип, а его кукольная версия, которая развалилась, ударившись об пол. Она видела его торс, сломанную руку, оторванную кисть, глазное яблоко, которое катилось по полу. Он был просто кучей деталей. На голове у него не было волос, череп был покрыт шрамами, как у монстра из старого фильма о Франкенштейне (возможно, от пересадки мозга).

— Они победили тебя, лишь потому что ты позволил им сделать это, — неожиданно для себя сказала Рамона. “Ты не сражался, Крип. Ты принял то, что они предложили. Ты искал лёгкий выход. Извини.”

Детали начали дрожать, а затем дребезжать и двигаться.

Но самое тревожное заключалось не в грохочущем движении частей тела и не в том, как с глухим стуком катилась голова, а в глазном яблоке, которое катилось по полу, и в ноге, которая прыгала за ним. Это было похоже на какую-то извращённую комедию.

Но в этой куче разрозненных частей не было ничего смешного.

И не было ничего даже отдалённо забавного в том, как они начали кружиться в вихре, подпрыгивая, дребезжа и кружась в воздухе, прежде чем снова... собраться воедино. Когда он был закончен, то стоял неподвижно, как витринный манекен, слегка покачиваясь взад-вперёд.

Затем он начал вдыхать и выдыхать, грудь поднималась и опускалась.

Что-то похожее на чёрную пиявку скользнуло между губами и облизало их. Раздался звук разрывания плоти, и единственный глаз распахнулся с облачком пыли. Он посмотрел на Рамону с нескрываемым вождением.

— *Куколка, куколка, куколка,* — повторял Крип-марионетка. Его голос скрежетал как ржавый гвоздь по бетону. — *Мою куколку зовут Рамона, и я буду играть с ней.*

Его деревянный пенис стал набухать, пока не стал таким же большим, как фонарь в руке Рамоны. Головка была розовая и блестящая, но это была не головка человеческого пениса, а пульсирующая кукольная головка, розовые пухлые губки которой раскрылись и произнесли писклявым голосом: “*Ма-ма, ма-ма, ма-ма*”.

Рамона вся дрожала.

Безумие приковало её к месту и ей захотелось истерически расхохотаться. Было ли это ужасно, или смешно, или и то, и другое, или ни то, ни другое, но её почему-то сильно трясло, а по спине и рукам ползли мурашки.

Крип шагнул в её направлении, и не было никаких сомнений в его намерениях, точнее в намерениях Матушки Кроу: какой самый лучший способ унижить, осквернить и уничтожить Рамону, как не позволить сексуально озабоченной марионетке изнасиловать её? С Су-Ли это работало.

Рамоне хотелось отступить, но она заставила себя перебороть страх. Крип потянулся к ней, но она отбила его руку фонарём. Его рот скривился в гримасе, и он попытался вцепиться в неё когтями, но она была быстрее. Она с размаху ударила его фонарём прямо в лицо.

Но он не упал.

Он лишь раскачивался взад-вперёд, словно его удерживали невидимые нити. Он повернулся к ней, и его пальцы заскользили по её груди. Она снова ударила его фонарём, и он отскочил, возвращаясь назад как маятник, его оскаленный рот, казалось, сказал: *“Ты тупая манда, я могу играть в эту игру всю ночь. Туда-обратно, туда-обратно. Ты устанешь, а когда устанешь, я схвачу тебя, потому что ты моя грёбаная игрушка, и я буду обращаться с тобой как с грёбаной игрушкой, моя милая маленькая куколка.”*

На самом деле Рамона слышала его голос в своей голове, и каждое слово, казалось, звучало всё громче.

Она снова ударила его, когда он запустил руки в её волосы и выдернул прядь. Она оттолкнула его, и он снова нырнул в темноту, причем, казалось, быстрее, чем свет мог его выхватить. Он приводил в движение всю комнату. Все части тела кукол начали извиваться. Они хотели слезть со столов и освободиться от крюков.

Она увернулась от него, и он захихикал пронзительным, радостным звуком. Он снова развернулся к ней, уставившись на неё своим единственным сверкающим глазом, который выпирал из глазницы, как утиное яйцо. Рот куклы теперь был усеян зубами, похожими на окровавленные рыболовные крючки. Гравитация должна была остановить его или, по крайней мере, немного замедлить движение, но не сделала ни того, ни другого. Крип-кукла вращался всё быстрее и быстрее как маятник, проносясь мимо нее. Она попросту не успевала уклоняться. Его пальцы царапали её. Головка его выпуклого ярко-красного пениса покусывала её. Игольчатые зубы стучали так громко, что ей казалось, она вот-вот сойдёт с ума.

Когда он в очередной раз задел её, то выбил у неё из рук фонарь, и тот, потухнув, покатился под стол. Времени на то, чтобы вернуть его, не было. Он достал бы её в тот же миг, как только она попыталась бы это сделать. Теперь их было только двое. Она слышала, как он хихикает в темноте вокруг неё, но не видела его. Дверь была недалеко, но она знала, что не успеет добраться до неё.

Крип-кукла появился из темноты с пронзительным звуком, как сова, ищущая мышь. Его пенис был твёрдым и сильно разбухшим, нацеленный на неё, как ракета класса "земля-воздух". Она проскользнула мимо него, и он хихикая исчез в темноте. Запаниковав, она бросилась к двери, а он набросился на неё, как акула, вынырнувшая из глубин, его пальцы разорвали рубашку и оставили глубокие борозды на спине.

Когда он снова спикировал на неё, она отшатнулась и задела лампу с абажуром, отчего та начала раскачиваться взад-вперёд, дезориентируя тем самым Рамону и, как она надеялась, его. В попытке достать её он врезался в стену. Он издал рычащий звук, и когда он отскочил от стены, Рамона замахнулась пожарным топором. Удар пришёлся ему в голову, расколов лицо, и его кукольное тело тут же рухнуло на пол, невидимые нити были перерезаны.

Рамона держала топор наготове.

Крип самовосстанавливался. Он лежал между ней и дверью, и она собиралась пройти прямо сквозь него, но у неё не было ни шанса. Когда Крип встал, дверь позади него распахнулась... точнее была сорвана с петель, прихватив с собой добрую часть стены.

Даже Крип не ожидал этого.

То, что вышло через дыру в стене, было вершиной ужаса — Франкенкукла.

Она вернулась.

Отвратительная, гигантская масса извивающейся кукольной плоти, она вышла на дюжине ног, множество манекенов и кукольных лиц кричали и вопили в предсмертной агонии. Рамона узнала новеньких: Су-Ли, Чазза и Даниэль.

Теперь Франкенкукла хотела Крипа.

Он попытался убежать, но многочисленные руки рванулась в его сторону, как хорошо смазанные поршни, ногти и когти вонзились в него, разрывая на части. Крип кричал, когда её останки ассимилировались в общую массу. Затем его бледное лицо вновь высунулось наружу, присоединившись к другим призрачным лицам, которые свисали с груди существа, как распухшие полипы.

Всё ещё сжимая топор, Рамона сделала отчаянный рывок за фонарём.

Посмотри в лицо своим страхам. Преодолей их, — приказал ей голос. Не надеяйся силой.

Но глядя на воюющие, визжащие, ухмыляющиеся лица Франкенкуклы, это было не так-то просто. Они были похожи на фетишистские маски, злобные лица японских храмовых демонов. Некоторые из них были целыми, другие раскололись при рождении ещё одной головы, третьи делились, как клетки. И на каждую взрослую голову приходилась группа зародышевых, бесформенных шишек, растущих вокруг неё. Одни — с сосущими ртами, другие — с единственным глазом, а третьи были просто зубастыми голодными безднами.

Рамона вернулась к нам, — сказал хор голосов, нестройных и стонущих, скрипящих и пронзительных, как трубы плохо настроенного церковного органа. — Достаньте её. Трон готов, пусть наша королева взирает с высоты.

Как бы в подтверждение этих слов, две головы манекенов на самом верху существа разделились, чтобы показать Рамоне уготованное ей место.

Думай! — приказала она себе. Должен же быть какой-то выход! Должен же быть способ победить эту тварь!

Но борьба уже была почти проиграна.

У неё был небольшой выбор.

— Я убью тебя, — сказала она, пытаясь направить всю ненависть, разочарование и ярость, которые преследовали её с тех пор, как начался этот кошмар. “Я собираюсь разрубить тебя на куски.”

— НЕТ, РАМОНА! ТЫ НЕ ДОЛЖНА ЭТОГО ДЕЛАТЬ! — сказали ей голоса.

Рамона вся пылала от ярости.

Франкенкукла сделала несколько неуверенных шагов назад, наткнулась на стол и опрокинула его.

Щёлк-щёлк, щёлк-щёлк, щёлк-щёлк — стучали её многочисленные ноги.

— Бедная, бедная Рамона. Посмотрите, как она одинока, как одинока была всегда. Никогда не могла довериться кому-нибудь, даже себе. Всегда растерянная, несчастная до глубины души, — насмеялись голоса. — Посмотрите, какая она маленькая, хорошенькая, но маленькая, слабая и наполненная лишь тёплым воздухом.

Её дразнили, и били в слабые места, причем довольно умело. Матушка Кроу знала, что населяет души её врагов, она знала, как выжать из них всё до последней капли, как грязную серую воду из губки. Образы Чазза заполнили её голову. Он был мудаком и ублюдком... и

всё же она винила и себя, считала, что испортила их отношения случайно обронённым словом, не заметила неявной подсказки судьбы.

Щёлк-щёлк, щёлк-щёлк, щёлк-щёлк.

Франкенкукла теперь уже приближалась к ней, в то время как её собственный разум закрывался, как двустворчатый моллюск, когда она тонула в море неуверенности в себе и вины, которые делали её нерешительной и слабой, сомневающейся в том, кто она и даже что она такое.

— Бедняжка, всегда такая одинокая. Ей нужно стать частью чего-то большего, и теперь ей представился шанс, — говорили голоса, больше между собой, чем с ней. “Мы будем любить её, мы будем защищать её, мы позволим ей присоединиться к нам.”

— Но я не хочу, — выдавила она неуверенно.

Чудовище было в ярости. Оно переворачивало столы и срывало полки со стен, раздавливая спадающие кукольные части на своём пути к Рамоне.

И в этот момент слабости, когда её жизнь висела на волоске, она подняла топор и атаковала Франкенкуклу на свободной от обломков территории. Пасти широко открывались и кричали от ярости. Десятки новых кукольных лиц раскрылись как распустившиеся цветы, когтистые и смертоносные руки тянулись к ней.

Топор задел тварь.

Лезвие попало прямо в грудь монстра, расколов два лица и глубоко вонзившись в массу за ними. От Франкенкуклы отваливались конечности и головы. Вязкая струя горячей жёлтой жижи вырывалась из раны, обжигая лицо Рамоны и шипя при соприкосновении с полом. Множество агонизирующих ртов вопили от боли.

А Рамона всё рубила и рубила, пока кукольные руки царапали её лицо и били, вырывая пряди волос и разрывая рубашку, пытаясь добраться до плоти, чтобы разорвать её и ассимилировать. Тысячи красных глаз выглядывали из этой массы, миллионы когтистых серых пальцев вцепились в неё, и дюжины голов широко раскрыли свои пасти и обдали её белой рвотой, которая имела консистенцию риса. Рамона сражалась, и Франкенкукла сражалась. Они рвали, били и царапали друг друга. Конечности отлетали, головы падали, пока топор не вырвали из её рук, и она оказалась притянута к пульсирующей массе, десятки чёрных языков-червей высунулись, как угри из глубоких морских пещер, чтобы вылизать её глаза из глазниц.

Но она не сдавалась.

Облепленная рвотой и жгучей жёлтой кровью, которая продолжала струиться из множества щелей, она была прижата к отвратительной опухшей плоти существа, пытавшегося похоронить её заживо в себе, в своей горячей пластиковой коже, в липком заражённом бульоне из тканей.

Именно в этот момент она услышала, как что-то пульсирует внутри, и поняла, что это, должно быть, сердце твари. У машин нет сердца, но эта штука была не совсем машиной, скорее биомеханическим существом.

Собрав последние силы, Рамона глубоко погрузила в неё руки, повреждая костяшки пальцев о шестерёнки и вращающиеся колёса, и почувствовала, как её руки сжимают мясистую пульсирующую массу размером и формой напоминающую футбольный мяч. Она оттолкнулась изо всех сил, выпадая из объятий чудовища вместе с его сердцем.

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ! — гремели голоса, отчего казалось вся комната затряслась. Сосуды и банки разбивались вдребезги, по стенам пошли трещины, а с потолка

посыпалась пыль.

Сердце было очень скользким, похожим на какой-то гнилой, разбухший чёрный помидор.

ТУК-ТУК! ТУК-ТУК! ТУК-ТУК!

Она попыталась разорвать его пальцами, но оно было резиновым и скользким, дико трепетало, как будто пыталось выпрыгнуть из её рук.

ТУК-ТУК! ТУК-ТУК! ТУКТУКТУКТУКТУК...

Когда шипящая, пузырящаяся масса Франкенкуклы приблизилась к ней, она бросила сердце на пол и подняла топор. Голоса закричали в последний раз, прежде чем лезвие опустилось и рассекло дрожащую мышцу, которая взорвалась жёлтой жижей, как переполненный водой воздушный шар. Франкенкукла закричала, шатаясь и врезаясь в предметы.

Рамона схватила свой фонарь и топор и прошла через дыру, проделанную чудовищем там, где раньше стояла дверь.

53

У Лекса оставались считанные секунды.

Находясь внутри смертоносного часового механизма, который был воплощением разума Кукловода, он знал, что единственный способ остановить его — вывести из строя эту машину. Это был единственный возможный выход.

Когда Лекс почувствовал, что Кукловод уже близко, он стал искать что-нибудь, что можно было бы использовать для уничтожения механизмов.

Должно же что-то быть.

А потом он увидел это.

Огромный четырёхфутовый гаечный ключ, который должно быть весил фунтов тридцать. Для Чазза было бы детской забавой размахивать чем-то подобным, но для Лекса, который всегда был худым, жилистым парнем, который никогда не мог набрать вес, независимо от того, сколько нездоровой пищи он съедал, это было похоже на размахивание огромным боевым топором.

Лекс сжал гаечный ключ, наслаждаясь ощущением его тяжести.

Не колеблясь, он замахнулся на первое, что увидел — шестерни. Ему показалось, что он услышал крик сверху, когда ударил первый раз, а затем он был уверен в этом, когда гаечный ключ выбил несколько шестерён, нарушив их калибровку, отчего они начали скрежетать и извергать хлопья металла и искры.

Завыла сирена.

Здесь, в самом эпицентре, это было похоже на сирену воздушной тревоги, оглушительную и ревущую, такую чертовски громкую, что он больше ничего не слышал. Он ещё раз ударил по шестерням, затем развернулся и опустил гаечный ключ на металлическую трубу, которая тут же зашипела от выходящего пара. Эти два несильных удара казались пустяком по сравнению с необъятностью машины вокруг него... но всё же они имели эффект. Фабрика вся задрожала. Её хрупкое оборудование подверглось нападению. Он был вирусом, который заражал всё её тело.

Вот тогда-то и проявился Кукловод.

Раньше оно пряталось в тених, выскакивало, затем отступало, как будто не знало, что

предпринять, но теперь всё изменилось. Кукловоду ничего не оставалось, кроме как сражаться. Оно вышло навстречу незваному гостю приняв тёмную, аморфную форму, которая, казалось, постоянно менялась, как будто не могла решить, чем же стать.

И Лекс тоже не знал какую форму оно примет.

Что-то внутри него требовало, чтобы он бежал, но что-то другое, гораздо более сильное и непреклонное, приказывало ему стоять на своём.

Посмотри ему в глаза и не показывай страха. Выставь его ничтожеством, которым оно и является.

Звучало замечательно в теории. Но когда оно вышло из тени, чтобы растерзать его, как паук, рвущийся схватить насекомое, всё внутри Лекса превратилось в резину. Сначала ему показалось, что он увидел огромный металлический пресс с зубьями. Затем что-то похожее на гигантскую демоническую многоножку, которая кричала голосами терзаемых детей. Оно показало ему сотню ртов, затем тысячу красных глаз с чёрными прожилками и, наконец, когти, похожие на осколки стекла, предназначенные, чтобы выпотрошить Лекса.

Даже не моргай. Не отводи взгляда.

Держа в руках тяжёлый гаечный ключ, он чувствовал себя абсолютно бессильным против этой твари, которая кружила вокруг него, ужасающая механическая многоножка, подвешенная над землей на своих марионеточных нитях. Оно смотрело на него сверху вниз красными глазами, ужасно замысловатыми по своей конструкции, как вращающиеся гироскопы, многолинзовыми и многогранными, как фасеточные глаза мух. Огромное извивающееся червеобразное тело представляло собой машину сложной геометрической формы, увитой компрессионными шлангами и высоковольтными проводами, похожими на свисающие петли внутренностей. Оболочка твари выглядела так, словно была больше металлической, чем из плоти, или, возможно, плотью ставшей металлом. И когда оно приблизилось к нему, он осмелился моргнуть и увидел, что оно состоит не только из частей машин и плоти, но и из манекенов, сваренных в некое отвратительное собрание проклятых. Безглазые и кричащие, они тянулись к нему тысячами рук и пальцев.

И высоко вверху, он увидел лицо Кукловода... и это было лицо женщины. В этом не было никакой ошибки. Лицо старухи, которую он видел в доме, той самой, что зашивала мёртвого мальчика. Может быть, не совсем человеческое, но когда-то бывшее таким. У неё были волнистые соломенно-сухие волосы, похожие на светящихся белых червей, пустые глазницы, и сморщенные дёсны, усеянные чем-то похожим на жужжащие зубья цепей. Ужасная машина ненависти и возмездия, но когда-то, когда-то она была живой женщиной.

Когда она спустилась к нему, он поднял свой гаечный ключ, хорошо осознавая жалкую угрозу, которую он представлял перед лицом этой огромной химеры, рождённой из чёрной утробы фабрики.

54

— ЛЕКС! — воскликнула Рамона, когда увидела, что он столкнулся с чем-то, что она даже не могла внятно описать. — ЛЕКС!

Существо остановилось, его сегменты изгибались и скрежетали. Оно парило, выпуская пар и выдыхая дым, капли жидкости стекали с его нижней стороны.

Теперь оно повернулось и двинулось в её сторону.

Рамона сделала шаг назад и споткнулась о дренажную трубу. Она упала на задницу, но

не выпустила из рук ни фонарика, ни топора.

Это Матушка Кроу, Рамона! Она идёт за тобой!

Но то, что она видела в этот момент, было не Матушкой Кроу или биомеханизмом, которым она стала, гибридом плоти и железа, а толпами кукольных людей, неуклюже идущих в её направлении. Это были бледнолицые манекены в чёрных плащах, марионетки со злобными сосущими ртами, клыкастые куклы-младенцы с бритвами в руках и кошмарные Тряпичные Энн, размахивающие мясницкими ножами.

Во главе стаи шло что-то похожее на высохшую мёртвую ведьму в рваном сером платье, которая ковыляла на деревянной ноге. Рамона увидела, что она держит в одной руке хихикающую голову манекена, раскачивая её взад-вперёд за блестящие чёрные волосы, и не было никаких сомнений, что это Су-Ли.

— РАМОНА! — кричал голос. — РАМОНА! ОЧНИСЬ!

Она моргнула, придя в себя, и увидела, чем был занят Лекс. В руках у него был огромный гаечный ключ, и он бил им по механизмам, отрывая шланги от них. С каждым ударом, заметила она, кукольных людей становилось всё меньше, а сама фабрика, казалось, дрожала от ярости или боли, а возможно, и от того, и от другого.

Одноногая женщина всё приближалась. Из её пустых глазниц текла кровь, и ещё больше её капало из зашитого рта. Она вытянула высохшую руку, и Рамона увидела, как от неё отпали три пальца.

Она была ранена.

Всё это место было повреждено.

Лекс уничтожал их.

— РАЗЛОМАЙ ВСЁ ЗДЕСЬ! — крикнул он. — РАЗБЕЙ! УНИЧТОЖЬ! СЛОМАЙ!

Но Рамона уже знала это. Матушка Кроу была машиной, а машина — Матушкой Кроу. Они существовали в каком-то отвратительном, безумном симбиозе, и один не мог жить без другого. Каждый удар, нанесённый по механизму, был ударом, нанесённым лично ей.

Одноногая женщина была уже в нескольких футах от неё, когда Рамона поднялась на ноги. Швы на её лице расходились, и кровь, тёмная, как чернила, свободно вытекала из многочисленных щелей. Воя, она попыталась вцепиться в Рамону окровавленными пальцами, но та легко увернулась.

— Пизда! — зарычала женщина гортанным голосом. — Вечно мешающая пизда! Я СХВАТИЛА ЕГО, И СХВАЧУ ТЕБЯ! ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

Она схватила Рамону за запястье, её ладони были горячими от жара, исходящего изнутри. Клубы дыма начали вырываться из каждого её отверстия и разорванного шва. Рамона выдернула свою руку вместе с тремя пальцами одноногой женщины.

Её тело начинала разрушаться и разлагаться.

Рамона замахнулась топором по широкой дуге, и лезвие вонзилось прямо в лицо женщины, которое треснуло, как раковина улитки, что-то влажное и розовое выплеснулось наружу. Она споткнулась о свою деревянную ногу и упала на пол, липкая жёлтая жижа стекала с её разбитой головы.

Она больше не двигалась.

Рамона снова взмахнула топором, перерезав пару гидравлических линий, из которых хлынуло обильное количество красной крови. Это было невозможно, но она видела, как кровь пролилась на её туфли. Она разбила панель управления, а затем расколола силовой щиток, который взорвался ослепительной синей вспышкой.

Лекс делал то же самое.

Они побеждали.

Фабрика вокруг них шипела и скрежетала, лязгали механизмы, которые должны были двигаться с плавной равномерностью. Воздух был горячим и зловонным, всё подсвечивалось нерегулярным мерцанием.

Это был переломный момент.

55

Матушка Кроу вынырнула из тени, издавая пронзительный визг, словно мясорубка, вгрызающаяся в стальную пластину.

Теперь, в этот последний час, ужас внутри него был сильным и всепоглощающим. Как они могли противостоять ей? Как они могли надеяться одолеть биомеханическое чудовище, движимое чистым безумным сверхъестественным гневом? Казалось, они были разбиты по всем фронтам.

Существо направлялось к Рамоне.

И каким-то образом, он знал, что она была целью существа всё это время. Не он. Никто другой. Они были лишь копыеносцы. Настоящей королевой, центром власти была Рамона, и если чудовищу не победить здесь и сейчас, это означало конец для него...

Матушка Кроу, — совершенно спокойно произнес чей-то голос. *Её зовут Матушка Кроу.*

Это был голос Рамоны, как будто она говорила ему прямо в ухо.

Затем другой голос, его собственный, сообщил ему: *“Сражайся за Рамону! Если она не сможет победить, ты тоже не сможешь! Так что дерись! Чёрт возьми, дерись!”*

Да, так оно и было, и всё остальное не имело значения, а может, и никогда не имело.

Рамона ждала Матушку Кроу, и на её лице не отразилось ни малейшего страха или опасения.

— ИДИ И ВОЗЬМИ МЕНЯ, СТАРАЯ ЧЁРТОВА ВЕДЬМА! — крикнула она. — АХ Т ВЫСОХШИЙ СТАРЫЙ МЕШОК ДЕРЬМА! У ТЕБЯ НИКОГДА НЕ БЫЛО НИКАКОЙ ВЛАСТИ! У ТЕБЯ НИКОГДА НИЧЕГО НЕ БЫЛО! ТЫ ИСПУГАНА! БОИШЬСЯ ОСТАТЬСЯ ОДНА! БОИШЬСЯ, ЧТО НЕ СМОЖЕШЬ ДЕРГАТЬ ЗА НИТОЧКИ И ЗАСТАВЛЯТЬ СВОИ РАБОЧИХ ТАНЦЕВАТЬ!

Матушка Кроу содрогалась от ярости, редела и рычала.

Когда её громада пролетела прямо над головой, Лекс взмахнул гаечным ключом и разбил несколько рук манекенов, которые тянулись к нему. Но этого было недостаточно, и он это знал. Ведьма просто самовосстановится. Он должен был уничтожить это место. Её ареал обитания. Он совсем обезумел, размахивая гаечным ключом и колотя по трубам, вентилям и приборам. Он увидел массивный червячный редуктор, вмонтированный в стену, и бросился на него, как берсерк, колотя пока цепь не соскользнула с шестерёнок и не раздался скрип искорёженного металла, взрыв огненно-синих искр, и сама фабрика, казалось, закричала в агонии.

(НЕТ! НЕТ! НЕТ! Я НЕ МОГУ УМЕРЕТЬ!)

Он слышал в своей голове пронзительный, мучительный голос Матушки Кроу. Он набирал силу, как буря, и вонзался прямо в череп Лекса, перемешивая его мысли.

Цепь жужжала и искривлялась, выбрасывая чёрный дым, пахнувший горячей нефтью и

промышленными отходами, а затем она соскочила с шестерёнок, раскачиваясь, как бумеранг, и чуть не снесла Лексу голову. Она с лязгом упала на пол, её тяжёлые железные зубья оторвали распределительную коробку от стены.

Это было похоже на разрушительную цепную реакцию.

Главная пружина потеряла свое натяжение, огромные маятники наверху, как и всё остальное, не выдерживали раскалибровки, раскачиваясь и ударяясь друг о друга. Один из них вырвался из своего гнезда и прорезал огромную паутину наверху... и паука, который цеплялся за неё. Оба рухнули вниз, маятник пронзил машину, ремни и роторы взлетели в воздух, как шrapнель. Сам паук рухнул среди обломков, разлетевшись на миллион извивающихся кукольных частей, которые были поглощены пламенем.

И снова в голове у Лекса зазвучал голос Матушки Кроу.

(ДЕТИ МОИ! МОИ ДЕТИ! УБИЙЦА!)

В воздухе стояла обжигающая вонь, запах перегоревших предохранителей и расплавленной резины. Весь комплекс разваливался на части.

— ТЕПЕРЬ ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ НАЕДИНЕ С ТЕМ, ЧТО СОТВОРИЛА! — насмеха над ней Рамона. — ТЫ ВСЕГДА БЫЛА ОДНА! У ТЕБЯ НИКОГДА НИКОГО НЕ БЫ. НИКТО НИКОГДА НЕ ЛЮБИЛ ТЕБЯ, И НИКТО НЕ МОГ ВЫНЕСТИ ТВОЕГО ВИ ЧЁРТОВА СТАРАЯ ДЕВА!

Червеобразная туша Матушки Кроу ударилась об пол, её конечности сломались и загорелись. Она возвышалась над Рамоной, шипя и дымясь, от нее шёл едкий пар, который вонял, как горящие трупы. Её тело плавилось и лопалось, лица манекенов кричали от боли, а конечности разжижались, как горячий жир. Она поднялась, приклеенная к полу миллионами сочащихся струек горячего пластика.

(Я ОТКАЗЫВАЮСЬ УМИРАТЬ!)

Лекс опустился на одно колено, ярость слов твари, как пчелиный улей, гудела в его голове. Он вскрикнул, чувствуя истинную силу её разума, когда она пронзила его собственный. Она могла бы превратить его мозг в соус, если бы захотела, и если бы не Рамона, она, вероятно, сделала бы это.

Образ Матушки Кроу расплылся перед его глазами, а затем он увидел... он увидел, как её голова превратилась в огромный циферблат часов, который должно быть был футов двадцать в диаметре. Вместо часовых и минутных стрелок на нем был распят труп, шелуха из костей, тряпья и взъерошенных белых волос: физические останки Матушки Кроу. Её лицо было изуродовано и продырявлено червями, пергаментная сухая кожа прилипла к ухмыляющемуся черепу, как папье маше. Десятки шлангов были подключены к мумии, как если бы она была центральным процессором, все они дрожали, как щупальца. То, что всё ещё населяло эти кости, было невероятным злом, извращённым разумом. Даже после кончины лицо мумии застыло в гримасе неземной ненависти.

Рамона швырнула в неё что-то похожее на алюминиевый фонарь, и её череп раскололся, как ваза, и из него вырвался белый свет.

Она ринулась на мумию и начала рубить её топором. Одни отрубленные конечности начали таять при соприкосновении с полом, а другие извивались, когда жизнь покидала их.

Циферблат часов исчез, и появилась какая-то жуткая помесь женской головы и сороконожки, которая кричала в агонии, метаясь из стороны в сторону. Когда Лекс ударил тварь гаечным ключом, та швырнула его в сторону, и он упал на пол, кровь текла из разорванной раны на лбу. Когда жвала, которые странно походили на зазубренные щипцы

для льда, потянулись к Рамоне, она издала дикий и оглушительный вопль и вонзила лезвие своего топора прямо в лицо твари, которое расколосось и хлынуло струями жёлтой слизи.

Искалеченная и ослеплённая, Матушка Кроу наполовину уползала, наполовину тащилась, но Рамона не отставала от неё.

БАХ! — удар топора.

БАХ! БАХ! БАХ!

Лекс поднялся на ноги, трубы и механизмы с грохотом обрушивались вокруг него, когда завод начал разваливаться. Он бил гаечным ключом по сочленениям хитинового панциря, горячая жидкость выстреливала в воздух и покрывала его лицо волдырями.

(Я БУДУ, Я БУДУ, Я БУДУ ЖИТЬ ВЕЧНО!)

Но он знал, что это не так. Даже её бессмертный разум не смог пережить полного разрушения завода. Она была почти побеждена, и только её бушующее эго поддерживало её в этом состоянии.

Она поползла прочь, как сплюснутый паук, сломанная и смятая, большие куски её тела отваливались и открывали внутренние механизмы, заключенные в стальной каркас, который напоминал какой-то абстрактный скелет. Она была сильно искалечена, её предсмертные крики постепенно теряли громкость и превращались в пронзительный скулёж. Перерезанные компрессионные и гидравлические шланги тянулись за ней, как разрезанные артерии, извергая чёрную жидкость в булькающие лужи.

Рамона бросилась за ней и обрушила топор на остатки расколотой головы, и та разлетелась на части, брызнув в воздух мутной кровью. Пылая и искрясь высоковольтными проводами, едва двигаясь, останки Матушки Кроу были охвачены пламенем, потрескивая и рушась.

И к тому времени весь завод был в огне.

56

Рамона схватила Лекса за руку и потащила прочь, лавируя среди груд обломков. Стекло разбивалось вдребезги, стены рушились. Клубы чёрного дыма заполнили воздух. Полетели осколки металла. Электрические провода разряжали свои последние вольты, когда предохранители взрывались один за другим.

Они едва успели выбраться оттуда, как началось настоящее разрушение.

Они бежали через горящее поле, пока не достигли края дороги, кашляя от зловонных испарений. За ними — город, перед ними — фабрика в предсмертной агонии. Она сгорала не как обычное здание. Слишком много гнева и злобы было в каждой доске и в каждом гвозде. Она впитала зло, как губка, а зло не умирает так просто.

Огромные трещины тянулись во все стороны от завода, как будто земля была сделана из стекла. Громадное строение самой фабрики горело, содрогаясь на своём фундаменте. Раздался болезненный стонущий звук, и одна из стен рухнула, а затем другая, гигантское пламя поднялось высоко в небо. Крики эхом отдавались в ночи жутким шипением, становясь все громче. Огонь начал распространяться во все стороны.

— Вот как это произошло на самом деле, — сказала Рамона, наблюдая за происходящим. — Горожане... они пришли сюда и сожгли это место. Это был поджог. Они должны были разрушить чары Матушки Кроу, разорвать её власть над ними, поэтому они спалили фабрику вместе с ней. Но огонь распространился дальше. Он охватил всё.

Лекс провёл рукой по перепачканному лицу.

— Огонь дошёл до города и сжег его дотла.

Хотя жар обжигал их, они просто стояли и смотрели, зная, что находятся прямо на пути огня. Это ещё не конец, и они не уйдут, пока не доведут дело до конца.

Пылающее сооружение задрожало и затряслось. Несмотря на то, что оно разваливалось на части, пылающий жар, казалось, высвободил ужасную тёмную силу, которая отказывалась умирать. Они видели горящие красные глаза, похожие на огненные шары, смотревшие на них, когда оно пыталось подняться, как почерневший скелет, пытающийся выбраться из чумной ямы. Казалось, оно действительно собиралось это сделать.

— БЕГИ! — крикнула Рамона, направляясь к дороге.

Она не знала, что произойдет, но что-то ей подсказывало, что по разрушительной силе оно не будет уступать бомбардировке Хиросимы.

Она увидела, как Лекс бежит, спотыкаясь, по дороге обратно в город. Она видела, как он обернулся и что-то крикнул ей, но не расслышала, что именно.

Позади неё раздалось ревущее извержение чистой энергии, и она оказалась в эпицентре хаоса. Она чувствовала, как миллионы лезвий света врезались в неё, поднимая её в воздух с невероятной силой. Они тянули её с невероятной скоростью через безмолвную космическую черноту.

Нет... нет... пожалуйста...

То ли её разум, то ли тело были в полете, она не знала. Она летела, как пуля, сквозь красные просторы и зеленые измерения, проносясь сквозь время, пространство и материю.

Когда всё закончилось, она ползла по почерневшим развалинам Стокса, обезумевшая и хнычущая, всё её тело ныло и болело, чудовищная головная боль пульсировала в черепе.

— Лекс? — она услышала свой плачущий голос. — *О... Лекс, где ты?*

Обожжённая горячим пеплом, она втащила своё измученное тело через искорёженный дверной проем, кашляя от густого дыма. Дом, или здание, или что там ещё, чёрт возьми, это было, всё ещё дымился. Она поспешно сорвала с себя рубашку и прижала её ко рту, чтобы не задохнуться.

Лестница.

Наверху дышать должно быть легче.

Она карабкалась по ней на четвереньках, тяжело дыша, со скованными мускулами и странным онемением в конечностях. Наверху было жарче, но дышать было действительно легче. Она нашла дверной проём и пролезла в него, закрыв за собой дверь.

Она ждала там, подтянув колени к голой груди, прислонившись к двери, не в силах даже встать и найти стул. Так она и спала. Несколько минут или часов, она не знала.

— Рамона? Рамона?

Она сначала не узнала голос, но потом вспомнила кому он принадлежит. Лекс. Она немного отодвинулась, ударившись плечом о дверь.

— Рамона? — крикнул Лекс.

Да, подумала она. Я здесь.

Он уже стоял за дверью, колотил по ней и звал её по имени. Она слышала его дыхание, отчаяние, скрывающееся за его словами. Его голос был похож на голос маленького мальчика, который еле сдерживает слезы.

— Рамона?

В горле у неё так пересохло, что она едва могла что-либо сказать. Она пошевелилась,

наклонив голову, прядь тёмных волос упала на её глаза, которые больше не могли видеть. Кривая усмешка расплылась на её белом, шелушащемся лице, когда её пальцы потянулись к дверной ручке.

— Это ты, куколка? — сказала она.

Больше книг на сайте - Knigoed.net